

"Её прошлое"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Величественные, они стоят в вечном безмолвии, окутанные низко плывущими жемчужно-серыми облаками. Они ловят самый ранний отблеск восхода, отражают последний луч заката. Солнце одевает прекрасных близнецов в золото, луна изливает на них потоки серебра. Это горы-близнецы, поднявшие свои вершины над прекраснейшим городом Канады. Англичане называют их «Львами Ванкувера».

Но индейцам неведомо английское название этих гор. Они жили здесь, когда большой город Ванкувер был лишь в помыслах Сагали Тайи — главного индейского божества. Только один великий индейский шаман знал, что когда-нибудь настанет день и большое селение бледнолицых раскинется между Фолс-Крикоми Инлетом. Он увидел это в вещем сне, и сон этот преследовал его много лет. Шаман стал древним стариком, но продолжал слышать те же голоса, которые впервые услышал в юности:

— Между двух узких полос соленой воды поселятся белые люди. Тысячи белых людей. Индейцы переймут их обычаи, станут жить, как они, станут во всем, как они. Не будет больше великих военных плясок, не будет битв с другими могучими племенами. Индейцы потеряют свои земли и леса, дичь и рыбу, свою древнюю веру и одежду. Молодежь забудет язык отцов, сказания и обычаи предков. Индейцы будут не в силах вернуть все это. Можно много дней взбираться по горным тропам, можно день и ночь плыть по морю, одна луна будет сменять другую, но никогда не найдет каноэ пути к прошлому, к вчерашнему дню индейского народа. Индейцы утратят всю свою храбрость, мужество и веру.

Старый шаман ненавидел эти голоса, ненавидел свой сон, но даже вся сила его колдовства не могла прогнать ненавистные видения.

Сагали Тайи дал ему силу увидеть будущее. Старый шаман заглянул через сотни лет и увидел огромные вигвамы, сотни, тысячи вигвамов, тесно прижатые друг к другу, и длинные прямые тропы, разделяющие их. Он увидел, как по тропам толпами движутся бледнолицые, услышал чужую речь...

— Я стар, о Сагали Тайи! — в горе и в страхе за свой народ вскричал шаман. Скоро я уйду в край моих отцов. Не дай моей силе погибнуть вместе со мной, сохрани навсегда мое мужество и бесстрашие для моего народа, чтобы он мог выстоять под властью белых!

Шаман сел в каноэ и поплыл по позолоченным закатными лучами солнца водам Норс-Арм. Наступила ночь, когда он приплыл к острову и почувствовал, что сила, мужество и бесстрашие покидают его.

Ослабевший шаман поплыл в родное селенье и там рассказал о чудесном острове, где его храбрость и великая сила всегда будут жить для индейского народа, и завещал искать его. А утром старый шаман уже не проснулся.

С тех пор индейские юноши и старцы ищут волшебный остров. Они верят, что, когда найдут его, к ним вернуться смелость и сила, которые были у индейцев до прихода в их края бледнолицых. Потому что храбрость и сила не умирают, они живут вечно...

Внимание Кена Уоррена привлек настойчивый сигнал клаксона, раздавшийся за окном. Выглянув во двор, он увидел шикарный спортивный автомобиль и понял, что на этот раз к нему пожаловал необычный клиент.

Кен недовольно нахмурился: завтра Пасха и не очень-то хочется в праздник работать. Он хорошо помнил, как встретил последнее Рождество; часов в восемь вечера ему позвонил один из окрестных фермеров и попросил принять роды у кобылы, уверяя, что сам не справится. Кен, разумеется, не смог отказать и вынужден был встретить Рождество на конюшне. Кобыла с его помощью ожеребилась благополучно, что лишний раз подтвердило репутацию Кена Уоррена как классного специалиста. Кен действительно был ветеринаром, что называется, от Бога, он был хорошо известен всему Ричвиллу, и люди подчас ждали от него невозможного.

Вот черт, невезуха, подумал— Кен, с тоской глядя на все еще сигналившую машину. Ему еще предстояло привести в порядок сеттера миссис Форман — Кен организовал при своей лечебнице что-то вроде гостиницы для животных, хозяева которых, отлучаясь из города, не могли взять питомцев с собой. Миссис Форман обещала заехать за Консортом около семи, но, перед тем как вернуть пса хозяйке, Кену предстояло подрезать ему когти.

Кен решил проигнорировать не убиравшего руку е клаксона водителя, но пронзительный гудок действовал ему на нервы, к тому же к громкому звуку клаксона присоединился многоголосый собачий лай, в котором солировал дворовый пес Рекс, и какофония становилась просто невыносимой.

Кен не выдержал и, еще раз чертыхнувшись, встал из-за стола. Открыв ведущую во двор дверь, он распрощался с мыслью, что попадет сегодня на вечеринку, которую устраивали Мэт и Полли, и, нацепив на лицо вежливую улыбку, направился к машине визитера.

Рекс радостно бросился к нему.

— Прекрати, прекрати, дурачок! — попытался остановить его Кен, но весело подпрыгивавший пес пару раз все же лизнул лицо хозяина.

— Избавь меня, Господи, от слюнявых собак и капризных клиентов, — проворчал Кен и приказал: — Рекс, на место!

Собака послушно отправилась к своей будке.

По мере того, как Кен приближался к автомобилю, гудок клаксона все сильнее действовал ему на нервы и в конце концов разозлил не на шутку. Ну и нахал, подумал он, сжимая кулаки, погоди, сейчас я тебе покажу!

Кен решительным шагом подошел к дорогой спортивной машине и рывком распахнул дверцу. Кен был готов проучить наглеца, но увидев, кто сидит за рулем автомобиля, остолбенел. От неожиданности он потерял дар речи: сказать, что Кен был изумлен, — значит, ничего не сказать. Он застыл на месте как громом пораженный.

За рулем сидела самая роскошная, самая соблазнительная, самая сексапильная женщина Ричвилла Эбигейл Ричардсон. Убрав руку с клаксона, красавица в упор взглянула на Кена, и он похолодел. Впрочем, не желая поддаваться ее чарам, Кен объяснил свой озноб тем, что на улице было довольно прохладно. От внезапно наступившей тишины у Кена зазвенело в ушах. Ярко-синие глаза Эбигейл завораживали Кена, по его спине забегали мурашки. Ему в пору было сдать: да и кто выдержал бы взгляд прекрасной и, судя по слухам, порочной Эбигейл? Кен, чувствуя, как яростно забурлила кровь в его жилах, отвел наконец глаза и молча уселся

на место пассажира. Устроившийся на коленях молодой женщины симпатичный йоркширский терьер враждебно тьякнул.

Эбигейл, красавица, о которой страстно мечтали все мужчины Ричвилла, усмехнулась, заметив смущение Кена. И, хотя Кен больше не смотрел на нее, ее образ глубоко запечатлелся в его сердце. Он не мог не заметить некоторой небрежности в прическе Эбигейл, ее лицо показалось ему болезненно бледным. По всей видимости, предположил Кен, Эбигейл, которая привезла в лечебницу свою собачку, неприятно поражена неожиданной встрече со мной.

Он, конечно, не забыл безумную ночь, когда случай свел их и эта женщина оказалась с ним в одной постели. Воспоминания о ее горячем дыхании, о набухших от страсти сосках, о жадных трепетных губах частенько с тех пор не давали заснуть Кену, будоража его воображение. Но — что было, то сплыло, не вернешь...

Эбигейл тем временем проклинала все на свете, лихорадочно соображая, как приступить к трудному разговору с этим ублюдком, владельцем Богом забытой лечебницы для зверья на окраине города. Собственно, ради этого разговора она сюда и приехала. Эбигейл была готова отдать все на свете, только бы никогда больше не видеть мужчину, сидящего сейчас рядом с ней в салоне автомобиля. И вот пожалуйста, — она вынуждена разговаривать с ним! Эбигейл наконец отвела взгляд от ненавистного ей лица и стала нервно поглаживать длинную шелковистую шерстку собачки.

— О Боже... — процедила она сквозь зубы.

— Все в порядке, Эбби, это не горячечный бред и не галлюцинации. — Кен взял себя в руки и теперь нахально в упор рассматривал молодую женщину, упиваясь ее смущением. — Честное слово, вот так бы целый день сидел и смотрел на тебя.

— Черт возьми, меньше всего на свете я хотела бы видеть сегодня, накануне праздника, тебя! — честно призналась Эбигейл. — Прекрати строить мне глазки!

— Ну что ты, зачем мне это надо? — с притворным смирением возразил Кен. — Я не снимаю таких роскошных женщин. Знаешь ли, не по средствам. Пусть этим занимаются плейбои из числа тех, чьи телефоны можно найти в твоей записной книжке.

Кену стоило большого труда не расхохотаться при виде того, как округлились глаза Эбигейл. Она вспыхнула до корней волос от такого нахальства. Ее чувственные губы дрогнули: она хотела ответить, но, видно, не нашла достойных слов. Кена охватило желание сжать Эбигейл в объятиях, чтобы вновь услышать хриплые стоны страсти, рвущиеся из ее груди. Но он отдавал себе отчет, что у него примерно столько же шансов провести еще одну ночь с Эбигейл Ричардсон, сколько стать премьерминистром Канады.

Взгляд Кена упал на руки Эбигейл: ее пальцы судорожно поглаживающие собачку, дрожали от нервного напряжения. Молодая женщина явно чувствовала себя не в своей тарелке. Ну хорошо, шутки в сторону, подумал Кен. Высокомерная и заносчивая Эбигейл выглядела еще сексапильнее, чем в свои пятнадцать лет, когда Кен впервые увидел ее. Тогда она сводила с ума всех парней в округе. Пережив упоительные минуты близости с ней, Кен решил, что окончательно избавился от ее чар. Но теперь, оказавшись наедине с Эбигейл в тесном пространстве автомобильного салона, понял, что выдавал желаемое за действительное. Ему и во сне присниться не могло, что эта роскошная женщина вздумает заехать в городские трущобы.

— Так в чем, собственно, дело? — спросил Кен. — Тебя замучило любопытство и ты явилась

сюда, чтобы посмотреть, как живут обитатели кварталов, расположенных за пределами фешенебельных районов? Хотя вряд ли вы, Ричардсоны, когда-нибудь задумывались о том, что существуют такие люди.

Эбигейл, похоже, не слушала его. Она с беспокойством поглядывала на пустынную площадку перед домом. Кен догадывался, чего она опасается: если бы кто-нибудь из знакомых Эбигейл увидел ее сейчас здесь, в этом убогом квартале, ее репутации наверняка был бы нанесен непоправимый урон.

Кен испытал сильное искушение задержать ее подольше — до тех пор, например, пока не явится за своим сеттером миссис Форман, известная в городе сплетница. Однако еще сильнее было желание побыстрее отделаться от Эбигейл, чтобы больше не видеть эту женщину и не беречь душу воспоминаниями о ее роскошном теле. Девушкам, которые придут на вечеринку к Мэту, конечно, недоставало шика и элегантности, присущих Эбигейл, однако, слава Богу, они были лишены ее заносчивости и холодного высокомерия.

— Итак, выкладывай, что тебе надо? — задал наконец Кен главный вопрос, чувствуя, что пауза затягивается. — Консультация, лечение, стрижка?

— Нет, я приехала, потому что...

— Ладно, я сам знаю, зачем ты сюда приехала.

Кен еще когда сел в машину, опытным глазом заметил, что у бедняги йорка явно не в порядке печень.

Эбигейл бросила на него недоверчивый взгляд, и Кен криво ухмыльнулся. Конечно, в кругах, где вращалась Эбигейл, существовало мнение, что такие, как он, парни в промасленных комбинезонах и без кругленькой суммы в банке, умом не блещут. И подобное представление ничто не могло изменить.

Ничто и никогда, не обольщайся, напомнил себе Кен и, протянув руку, подхватил с коленей Эбигейл зазевавшуюся собачку. Та душераздирающе взвизгнула, а Эбигейл от неожиданности вскрикнула:

— Кен!

При звуке ее голоса мороз пробежал по коже Кена: он все еще отлично помнил ситуацию, когда эта женщина, задыхаясь от страсти, точно так же выкрикивала его имя.

— Кен... ты... ты что делаешь?

Он с удивлением взглянул на Эбигейл. Всегда самоуверенная, она сейчас явно была в растерянности.

— Да вот, решил немного растормошить тебя. А что, разве тебе это разонравилось? — дерзко осведомился он.

Эбигейл от досады на мгновение закусил губу. Она чувствовала, что ее терпение вот-вот лопнет.

— Прекрати паясничать!

— О, простите, мэм, я забылся. Покорнейше прошу извинить меня.

Эбигейл задохнулась от гнева и глубоко задышала, чтобы успокоиться и прийти в себя. Кен как замороженный смотрел на ее высоко вздымающуюся грудь.

— Если ты уже исчерпал запас своих дешевых острот, то, может быть, выслушаешь наконец, зачем я сюда приехала.

Хорошо хоть не назвала шутком гороховым, с горечью подумал Кен, впрочем, я это вполне заслужил.

— Повторяю, я знаю, зачем ты сюда приехала. Не спрашиваю, сколько ты платишь ветеринару, пользующему твоего пса, детка, но должен огорчить тебя: он и гроша ломаного не стоит. Скоро твоя псина облысеет, правое ухо начинает гноиться, а верхние клыки...

— Что-о?!

Он с ума сошел, в отчаянии подумала Эбигейл, да я проторчу здесь до второго пришествия, и без толку! Он даже не хочет выслушать меня!

— Впрочем, так уж и быть, займусь твоей собакой. Давай носи ее в кабинет, я обработаю ухо...

— Но это не моя собака, подруга оставила на день, она не могла тащить пса с собой, у ее матери аллергия на шерсть. И этой собаке не нужна...

— Послушай, детка, перестань ломаться. Собака ведь в конце концов ни в чем не виновата...

— Ты можешь не перебивать меня хоть полминуты и выслушать?! Повторяю: собака не моя и ей не нужна ветеринарная помощь.

— И слушать не хочу! Не сегодня-завтра у несчастной псины начнется осложнение и она будет страдать, а меня до конца дней будут мучить угрызания совести. Так что не упрямясь, носи питомца подруги в кабинет: — Кен усмехнулся. — Такой уж у меня, несчастного, характер: я защищаю от человека братьев его меньших.

— Расскажи это кому-нибудь другому. То, что ты называешь «защитой», расходится с моим представлением об этом понятии. Не спорю, возможно, ты неплохой ветеринар, не сомневаюсь, что ты окажешь собаке квалифицированную помощь. Не хочу обидеть тебя, но собачка стоит очень дорого и...

— Ну, это не мои проблемы. Твоя подруга выбрала дрянного ветеринара, который не способен сделать собаке элементарную профилактику. И все это за хорошие деньги, которые она им платит. Будь собака твоей, ты наверняка поступила бы так же.

— Что?! — Эбигейл задохнулась от возмущения и выхватила из его рук собачку.

— Что слышала, — спокойно ответил Кен.

— Ну да, конечно, я просто отвыкла от твоей манеры разговаривать. — Она поджала губы. — И все же выслушай меня. Я жду ребенка.

Эбигейл произнесла последнюю фразу скороговоркой, опасаясь, что Кен снова перебьет ее. И тут же замолчала, испугавшись внезапно вырвавшегося у нее признания. Она до последней секунды не знала, сумеет ли произнести эти слова. Бессильно откинувшись на спинку сиденья,

Эбигейл закрыла лицо руками.

— Ты беременна? — растерянно спросил Кен, не веря собственным ушам.

Новость ошеломила его своей невероятностью. Кого-кого, но Эбигейл Ричардсон, эту холодную высокомерную светскую красотку, трудно было представить матерью вообще и матерью-одиночкой в частности. Эбигейл исполнилось двадцать восемь лет, и она принадлежала к одному из самых богатых и влиятельных семейств не только в городе, но и во всей провинции Британская Колумбия. Жизненный опыт и солидный счет в банке вполне позволяли ей избежать известных неприятностей и ликвидировать нежелательные последствия любого опрометчивого поступка.

Если Эбигейл сохранила ребенка, значит, таков ее выбор. Может быть, ей захотелось пооригинальничать, снова привлечь к себе внимание репортеров светской хроники. Кто их, женщин, разберет. Кен пожал плечами. Он уже готов был сострить на этот счет, но тут ему в голову пришла сумасшедшая мысль, от которой кровь застыла в жилах. — Не хочешь ли ты сказать... — с трудом промолвил он, уставившись на Эбигейл, — не хочешь ли ты сказать, что беременна от меня?

Эбигейл еле заметно кивнула, не убирая рук от лица, и сердце Кена упало.

— Так это мой ребенок? — Подобная мысль не укладывалась у него в голове. — Мой?! Говори!

— Тихе! Не ори, я вовсе не хочу, чтобы вся округа...

— Но этого не может быть!

— Напротив, в этом нет никаких сомнений, и мы оба виноваты в том, что произошло. — Эбигейл опустила руки и теперь сидела с каменным выражением лица.

Кену казалось, что он спит и видит дурной сон.

— Ты... ты уверена? — растерянно спросил он, надеясь, что вот-вот проснется. — Я хочу сказать, ты уже была у врача?

— Конечно, была! Иначе зачем бы я приехала в это захолустье? С благотворительной целью?

Кен от волнения не заметил, с каким сарказмом Эбигейл произнесла последнюю фразу.

— Но почему ты думаешь, что отец ребенка именно я? Этого не может быть. Я всегда пользуюсь презервативами. Всегда. Нет, ты наверняка забеременела от кого-то другого. Подумай хорошенько и вспомни!

Эбигейл окинула его взглядом, исполненным ледяного презрения.

— Что ты несешь! Если бы у меня была бы хоть малейшая возможность назвать отцом ребенка кого-нибудь другого, неужели я не сделала бы этого? Кого угодно, только не тебя! — с остервенением выкрикнула она. Задремавшая было собачка встрепенулась и поддержала Эбигейл залившимся лаем. — И, потом, это ты любитель случайных связей, а не я..

Прямо-таки оскорбленная невинность, не без иронии подумал Кен, но все же решил извиниться.

— Прости, детка, я не хотел обидеть тебя. В ту ночь мне так легко и просто удалось поладить с

тобой, что я подумал: не я первый и не я последний пользуюсь благосклонностью этой красотки.

Хотя его слова вновь задели Эбигейл за живое, она не могла отрицать, что в них есть доля правды.

— Я... я просто выпила лишнего в ту ночь. — Эбигейл все еще старалась сохранять достоинство.

Кен оглушительно расхохотался.

— Ну и оправдание! В первый раз слышу, чтобы подобный довод приводили: в доказательство своей нравственной чистоты. И все же я как очевидец и участник событий той незабываемой ночи хочу возразить, что ты вовсе не была такой уж пьяной. Во всяком случае, тебе удалось одеться в темноте и бежать из комнаты.

— Откуда ты можешь это знать? Ты спал как сурок!

— Неужели? — насмешливо спросил он. — А хочешь я расскажу, где ты отыскала свой лифчик и где валялась твоя правая туфля?

Эбигейл вспыхнула: так, значит, этот негодяй только притворялся спящим и в утренних сумерках тайком наблюдал, как она мечется по комнате, разыскивая свою одежду! Эбигейл понимала, что ее одурачили. Лучшая защита — нападение, вспомнила она и ринулась в атаку.

— Ты хочешь сказать, что притворялся, как последний негодяй? Но зачем тебе это было надо?

— Зачем? А разве ты хотела, чтобы я остановил тебя? Может быть, ты на это надеялась?

— О Боже! Нет, конечно! — с негодованием воскликнула Эбигейл. — Я была в ужасе от того, что натворила. Я в жизни не совершала ничего подобного!

— Правда? — Кен недоверчиво ухмыльнулся. — В таком случае, дорогая, ты чертовски умело скрываешь свою неопытность в постели.

— Да ты... ты просто... — пролепетала Эбигейл и внезапно замолчала.

Удивительно, но возмутительные слова Кена на этот раз не показались ей оскорблением, напротив, ее женскому самолюбию польстила высокая оценка мужчины, славившегося своими любовными похождениями. Ее бывший муж Том, с которым Эбигейл прожила несколько лет и недавно развелась, всегда упрекал ее в недостатке темперамента и сексуальной фантазии.

О Господи, о чем я думаю?! — ужаснулась Эбигейл, поймав себя на подобных мыслях. О Кене Уоррене в городе ходили самые невероятные слухи: он менял любовниц как перчатки, ввязывался в драки, попадал в скандальные ситуации. Именно такое поведение Кена и послужило, в сущности, причиной того, что Эбигейл решила приехать к нему и задать несколько вопросов.

Эбигейл со всей ответственностью отнеслась к своей беременности. Она не хотела избавляться от ребенка. И, когда врач задал дежурный вопрос о хронических заболеваниях, психических отклонениях и об общем состоянии здоровья отца ребенка, Эбигейл запаниковала. Она воспринимала свою беременность как чудо, как подарок судьбы, ибо ей давно поставили диагноз, звучавший словно суровый приговор: бесплодие. И вдруг она узнает, что носит под

сердцем ребенка! И это — несмотря на презервативы, которыми пользовался Кен в ту ночь. К счастью, один из них оказался бракованным. Эбигейл с ужасом представляла встречу с Кеном, но ради будущего ребенка скрепя сердце решила пойти на это унижение.

— Послушай, — вновь заговорила она, надменно вскинув подбородок, — я вовсе не хочу отрицать, что сыграла самую неприглядную роль в том, что произошло той ночью. И, признаюсь, мне ужасно стыдно. А наутро я вообще готова была провалиться сквозь землю, думала, что просто не переживу позора... Тем не менее я приехала сюда. Я хочу, чтобы ты тоже осознал свою ответственность и...

— Я не женюсь на тебе ни за что на свете! — не давая ей договорить, воскликнул Кен.

Эбигейл ошеломленно взглянула на него, лишившись на мгновение дара речи.

— Ты что, спятил? — наконец спросила она, пораженная его наглостью и самомнением. — Да как ты мог подумать, что я предложу тебе такое?

— Прости, но я испугался, что ты потребуешь от меня невозможного. Я не даю напрасных обещаний. Что же касается ответственности, то я никогда прежде не уклонялся от нее и впредь не собираюсь этого делать. Итак, я признаю, что являюсь отцом ребенка и обязуюсь давать деньги на его содержание.

«Я никогда прежде не уклонялся от ответственности...». О Боже, ужаснулась Эбигейл, у моей крошки будет не меньше дюжины единокровных братьев и сестер в этом городе!

Учитывая популярность, которой Кен пользовался у женщин, в этом не было бы ничего странного. Впрочем, его темное прошлое меня не касается, решила Эбигейл и тут же вспомнила, как ее бабушка как-то с улыбкой заметила, что у мужчин из рода Уорренов в год рождается больше внебрачных детей, чем в семействе Ричардсон дают званых обедов.

— Так, значит, у тебя еще есть дети? — спросила она без обиняков.

— Нет!

— Не верю.

— Ей-богу нет. Я уже говорил тебе, что всегда пользуюсь презервативами. Так что не беспокойся о своем здоровье.

— С чего ты взял, что я беспокоюсь?

На самом деле Эбигейл не могла исключить неприятных последствий своего опрометчивого шага, зная, как много любовных связей было у Кена. Однако неделю назад, пройдя все медицинские тесты, она убедилась, что в этом отношении с ней все в порядке, и у Эбигейл отлегло от сердца: инфекция могла роковым образом отразиться на беременности.

— А что скажешь мне ты по этому поводу? — неожиданно спросил Кен. — Есть ли у меня поводы для беспокойства?

— Ах вот ты о чем! Ни малейших. У меня всегда был один-единственный партнер — мой муж. Теперь уже бывший.

— А как же я? Обо мне ты забыла?

Кен широко улыбнулся. Он не сводил с Эбигейл наглых глаз, как будто решил загипнотизировать ее. Эбигейл почувствовала пустоту в желудке, словно перед прыжком в бездну. Она была наслышана, что беременные отличаются повышенной эмоциональностью, поэтому отнесла минутную слабость на счет своего физического состояния. Нет, ему не удастся смутить меня, подумала Эбигейл, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Эй, что с тобой?! — В голосе Кена слышалась искренняя тревога. — Тебе нехорошо?

— Нет-нет, я в полном порядке.

— Ну и слава Богу. — Кен взглянул на часы на приборной доске. — Знаешь, ты со своей новостью свалилась как снег на голову. Честно говоря, я сегодня не готов обсуждать возникшие проблемы. Давай отложим этот разговор.

И он вопросительно взглянул на Эбигейл, ожидая, что та скажет. Эбигейл нахмурилась.

— Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю встретиться завтра вечером где-нибудь в уютной обстановке и... все обсудить.

Голос Кена звучал вкрадчиво, почти нежно, и Эбигейл вначале не поняла, к чему он клонит. Когда же смысл его предложения дошел до нее, она побелела.

— Ты просто смешон! — Ей хотелось побольнее уколоть этого наглеца. — Неужели ты думаешь, что я приехала сюда обсуждать с тобой свои проблемы? Я давно приняла решение, и твое мнение меня совершенно не интересует. Запомни раз и навсегда: я не собираюсь встречаться с тобой в «уютной обстановке» и мне не нужны твои деньги!

Кен прекрасно понимал, что у Эбигейл хватило бы денег купить с потрохами десять таких городов, как их заштатный Ричвилл, да, пожалуй, еще и осталось бы. Поэтому он несколько не обиделся, что Эбигейл отвергла финансовую помощь. Но то, что она совершенно не желала обсуждать с ним обстоятельства, связанные с рождением ребенка, задело его за живое. Кен привык, чтобы к его мнению прислушивались.

— И все же... — начал было он. Эбигейл не дала ему договорить.

— Вот моя визитка с адресом в Ванкувере.

Кен взял изящную карточку с золотым тиснением и увидел, что кроме имени и фамилии Эбигейл на ней напечатан номер почтового ящика в Ванкувере.

— Так ты живешь на почтамте? — неловко пошутил он.

Эбигейл пропустила его остроту мимо ушей и, открыв дверцу, жестом предложила Кену покинуть салон. Он пожал плечами и вышел из машины.

— Мой врач и я ждем от тебя письма с подробным перечнем семейных хронических заболеваний, которые могут переходить по наследству. Были ли у тебя в роду астматики, диабетики, страдающие врожденным пороком сердца и тому подобным. Когда соберешь достоверные сведения, немедленно перешли их по указанному на визитке адресу. И на этом мы прекратим всякое общение.

Внезапно из-за поворота выскочила машина, она стремительно приближалась к дому Кена.

Сердце Эбигейл упало. Она не могла допустить, чтобы кто-нибудь застал ее наедине с Кеном Уорреном. Неизбежно поползут слухи, об их связи пронюхают репортеры, и вскоре всем станет известно, кто отец ее будущего ребенка. Этого Эбигейл не могла допустить.

Стремительно повернув ключ в зажигании, Эбигейл нажала на педаль газа. Выезжая со двора, она взглянула в зеркало заднего обзора. Кен смотрел ей вслед.

Эбигейл с облегчением вздохнула: она сделала все, что должна была сделать. Конечно, ребенку нужен отец. И, если бы она забеременела от какого-нибудь юриста, бухгалтера, клерка или даже от нормального, обычного ветеринара, все могло бы сложиться иначе. Но Кен Уоррен слыл в городе отпетым негодяем, и ни одна любящая мать не пожелала бы своему ребенку такого отца.

3

Войдя в просторный холл родительского дома, Эбигейл, не увидев ни души, почувствовала некоторое облегчение. Опираясь о перила, она начала медленно подниматься по парадной лестнице, моля Бога, чтобы ее не вырвало прямо на глазах предков, сурово взиравших со стен старинного родового особняка. Сглатывая слюну, Эбигейл мечтала только об одном: побыстрее оказаться в своей комнате. Только бы никого не встретить по дороге, повторяла она про себя как заклинание.

— Ну наконец-то! Ради всего святого, где ты пропадала?!

Услышав за спиной громкий голос мачехи, Эбигейл чуть не застонала от досады.

— Где была, там меня уже нет, — буркнула она, не оборачиваясь.

— Не груби мне, Эбигейл. Разве ты забыла, что через час мы должны быть на службе в церкви?

Эбигейл действительно напрочь об этом забыла. Но, если бы даже она и помнила, все равно не смогла бы отправиться в церковь на пасхальное богослужение: приступы тошноты становились все мучительнее.

— Я не поеду, Сьюзан. Не беспокойся, я сейчас позвоню vicarю...

— Что значит «не поеду»? Ты непременно должна там быть!

Эбигейл промолчала: эта несносная женщина всегда действовала ей на нервы. Эбигейл выпала трудная роль Золушки — нелюбимой падчерицы в доме злой привередливой мачехи. А ведь она знала случаи, когда неродные матери готовы были в огонь и в воду броситься ради своих приемных дочерей.

Отец Эбигейл женился на Сьюзан, когда дочери не исполнилось еще и десяти лет. Девочка почти не помнила мать и надеялась, что ее полюбит новая жена отца: Эбигейл в детстве очень не хватало тепла и ласки. Однако вскоре она поняла, что обрела в лице Сьюзан ревнивую соперницу: Эбигейл и мачеха начали бороться друг с другом за любовь и благосклонность Кристофера Ричардсона.

Юная неопытная Эбигейл конечно же не обладала хитростью и изворотливостью Сьюзан, которая всегда умела представить перед Кристофером дочь в самом невыгодном свете. Сама же она искусно скрывала от мужа свою неприязнь к падчерице.

В конце концов Эбигейл проиграла эту борьбу. Будучи дальновидным и прозорливым в делах бизнеса, Кристофер Ричардсон не смог или не захотел разглядеть под маской «доброй мачехи», которую носила его вторая жена, хищницу, притеснявшую и изводившую юную Эбигейл. Девочка чувствовала себя в доме отца настоящим изгоем. Ее положение еще больше ухудшилось, когда Сьюзан родила Майкла.

Эбигейл отдали в пансион, и она стала все реже и реже навещать в отчий дом. Мачеха постоянно третировала ее, и девочка чувствовала себя чужой в семье отца. Когда же ей исполнилось восемнадцать лет, она переехала в Ванкувер, откуда лишь изредка приезжала в родной город повидаться с отцом. После его смерти Эбигейл, согласно последней воле Кристофера Ричардсона, вынуждена была время от времени жить под одной крышей с мачехой, но ровно через два года ей исполнилось тридцать лет, и ситуация должна была кардинально измениться — она официально вступала в права владения домом Ричардсонов.

— Я жду тебя внизу ровно через сорок минут. Надеюсь, сегодня ты проявишь больше вкуса в выборе наряда, чем обычно, — не удержалась и пустила отравленную стрелу Сьюзан.

Эбигейл было плохо от тошноты, от слабости в коленях, но больше всего от присутствия мачехи.

— Сьюзан, оставь меня в покое! — взмолилась она. — Единственный наряд, который я сегодня еще способна на себя натянуть, — это пижама.

— Эбигейл, ты не должна так поступать! В нашей семье существуют старинные традиции, и мы должны соблюдать их. В течение уже многих десятилетий Ричардсоны на Пасху сидят на передней скамье в церкви Ричвилла, и я не потерплю твоих своевольных выходов! Прекрати капризничать, ты меня слышишь? Когда главой семьи был твой отец, ты всегда ходила на праздничные богослужения, так неужели ты думаешь, что теперь, когда его место заняла я, тебе удастся остаться дома? Ты хочешь свести меня в могилу!

Услышав всхлип Сьюзан, Эбигейл остановилась.

— Мне нет никакой необходимости сводить тебя в могилу, Сьюзан. С этим прекрасно справится твой сын Майкл, — сказала она, не оборачиваясь.

— Оставь его в покое! — взвизгнула Сьюзан. — Он еще ребенок!

Абсурдность подобного замечания окончательно вывела Эбигейл из себя. Она даже на мгновение забыла о своем недомогании.

— Ничего себе ребенок! — воскликнула Эбигейл, резко обернувшись к мачехе. — Ему уже стукнуло восемнадцать! Я только что была свидетельницей, как он чуть не сбил с ног пожилую женщину, а потом обругал ее такими словами, каких постеснялся бы и бродяга.

— Опять рассказываешь обо мне байки, сестренка? — раздался в холле голос единокровного брата Эбигейл.

— Дорогой, ну наконец-то ты вернулся!

Ласковый до слащавости тон Сьюзан, ее приторная улыбка, обращенная к сыну, были последней каплей, переполнившей чашу терпения Эбигейл. Она почувствовала, что ее сейчас стошнит прямо здесь, на лестнице. Быстро отвернувшись и зажав ладонью рот, она бросилась в свою комнату.

— Не вздумай запирать дверь! Мне надо поговорить с тобой! — крикнула ей вслед Сьюзан.

Оказавшись в своей спальне, Эбигейл повернула ключ в замочной скважине и с трудом добралась до ванной комнаты. У нее так кружилась голова, что, казалось пол ходит ходуном под ногами. Словно в полусне она слышала, как Сьюзан колотит в дверь и что-то кричит высоким истеричным голосом.

О Боже, неужели эти приступы тошноты никогда не прекратятся? — в отчаянии думала Эбигейл. Наступит ли когда-нибудь конец моим страданиям?

«Мой врач и я ждем от тебя письма с подробным перечнем семейных хронических заболеваний, которые могут переходить по наследству... Когда соберешь достоверные сведения, немедленно перешли их по этому адресу. И на этом мы прекратим всякое общение», — эти слова Эбигейл не выходили у Кена из головы. Перед его мысленным взором вновь и вновь вставало лицо Эбигейл.

— Черт бы побрал этих непредсказуемых женщин, — проворчал он себе под нос, уставившись в пустую бутылку из-под пива, которую осушил с час назад. — Что значит «прекратим всякое общение»? Если я отец ребенка, мисс Зазнайка, я должен, черт возьми, так или иначе позаботиться о его будущем, и здесь не обойтись одной справкой о наследственных болезнях!

Кен решил отправиться наутро в дом Ричардсонов и вызвать Эбигейл на откровенный разговор. Правда, пока он еще не знал, что скажет ей. Она явилась к нему с ошеломляющей новостью внезапно и столь же внезапно умчалась прочь на своей шикарной тачке. Нет, я не дам тебе завтра выспаться, проучу тебя, зазнайку, думал он. Кен не мог допустить, чтобы последнее слово оставалось за Эбигейл, он должен был заставить ее прислушаться к его мнению.

— Вот ты где! С каких это пор ты начал сторониться людей, Кен? Почему ты сидишь здесь один?

Кен повернул голову и увидел остановившуюся рядом с ним Полли Майлз. Она, как всегда, была ярко разодета и еще ярче накрашена.

Издали миниатюрная Полли походила на старшеклассницу, однако у нее уже был трехлетний сын, крестник Кена. Вблизи женщина не казалась такой уж юной и выглядела намного старше своих лет.

Почему-то Кен вдруг подумал о том, как не похожи судьбы Полли и Эбигейл. Полли подростком убежала из дому, связавшись с хиппи, которые даже Кену казались слишком подозрительными. Но по иронии судьбы года четыре назад, когда Полли, что называется, «залетела», дружок, с которым она жила, проиграл ее в кости Кену. Сначала Кен поразил Полли тем, что отказался спать с ней, а просто ошарашил ее предложением переехать в маленькую квартирку при принадлежащей ему ветеринарной лечебнице.

Более того, Кен дал ей работу, и Полли получила возможность зарабатывать средства к существованию и ни от кого не зависеть. Вскоре Полли сошлась с приятелем Кена Мэтом, который тоже работал в лечебнице, и устроила свою личную жизнь.

— Не понимаю, как ты можешь сидеть в углу один-одинешенек, когда у нас в доме сейчас так весело! — воскликнула Полли.

— Прости, но мне необходимо собраться с мыслями... Принять кое-какие жизненно важные

решения.

Полли засмеялась.

— Могу поспорить, что ты снова решил бросить курить. В который уже раз!

Кен поморщился: Полли попала в точку. У него не хватало силы воли отказаться от табака, как он ни старался. Единственное, чего он сумел достичь, — это перейти на более легкие сигареты.

— Да, ты угадала. Это тоже одна из назревших проблем, требующих решения. Как ты считаешь?

— Думаю, ты справишься с ней. Мне же удалось бросить курить. — Полли была явно довольна собой. — Я навсегда распрощалась с вредными привычками, потому что мой крошка должен видеть в маме пример для подражания.

— Ты просто молодчина, Полли. Я восхищаюсь тобой. А для меня, похоже, настали тяжелые времена.

— Тяжелые времена? Ты имеешь в виду последнюю выходку Линды?

Кен нахмурился, вспомнив, что сегодняшний день принес ему не одну неприятность. Его шестнадцатилетняя племянница, легкомысленная девица, совсем отбилась от рук.

— Да, мы поссорились с ней, — наконец сказал Кен. — Я запретил ей появляться на вечеринке вместе с парнями, о которых идет дурная слава. Она надула губы и ушла в свою комнату. Но, пока я разговаривал с Эб... с одной клиенткой, негодница, оказывается, сбежала.

— Сбежала? То есть убежала из дому?

— Нет, что ты. Все ее вещи на месте. Линда просто ушла без моего разрешения на вечеринку. Причем оставила записку, мерзавка: «Я в гостях, не жди меня раньше полудня завтрашнего дня». Пусть только вернется, я всыплю ей по первое число.

— А почему ты не сходишь туда сам и не вернешь ее? — удивленно спросила Полли.

— Все дело в том, что я понятия не имею, где они собрались. Иначе я отправился бы туда и оторвал голову Линде и этим подонкам. Честно говоря, может быть, я и напрасно злюсь на нее. Но впервые в жизни она отказалась назвать мне адрес вечеринки, и я сразу заподозрил недоброе. Я позвонил ее друзьям, пытался выведать у них место тусовки, но они все как воды в рот набрали. Ну я доберусь до нее! — в сердцах воскликнул Кен.

— Не будь с ней слишком суров, — постаралась утихомирить разошедшегося приятеля Полли. — Она же еще ребенок. Разве с тобой в шестнадцать лет не случалось подобного?

Кен отрицательно покачал головой. Его детство и юность действительно сложились совсем иначе. Кену не нужно было спрашивать разрешения, а следовательно, и убегать из дому, так как его отец был готов отпустить сына на все четыре стороны, как только тот научился ходить. Впервые полицейские задержали мальчика, когда тому не исполнилось и шести лет: Кен, который уже успел уйти от города на несколько миль, шагал по проезжей части шоссе. Когда отец умер, Кен переехал к своему брату Сэму, который был намного старше его.

Несколько позже, когда Сэм погиб в результате несчастного случая, его вдова спланировала дочь

Линду в приют, и Кен, узнав об этом, забрал девочку к себе. К тому времени он уже встал на ноги и, оформляя опеку над племянницей, без труда доказал, что сумеет достойно заботиться о Линде.

— Не стоит взывать к моему чувству справедливости, Полли. По крайней мере, сегодня, ладно? У меня забот полон рот, и я не хочу искать оправдания выходкам вертихвостки Линды.

— Заботы? О каких заботах ты говоришь? Какие-нибудь неприятности на работе? — забеспокоилась Полли.

— Слава Богу, нет! Дела идут своим чередом, пожалуй, одна только лечебница не доставляет мне головной боли. Все остальное... — Кен не договорил, услышав истошный вопль, донесшийся из соседней комнаты.

Полли чертыхнулась.

— Я же просила Мэта не приглашать этого придурка, Вилли Хуберта! Когда он разойдется, его не уймешь. Теперь этот бешеный будет орать всю ночь. От его рева дрожат оконные стекла. Он что, хочет, чтобы сюда сбежалась вся полиция города?

— Не беспокойся, Полли, сегодня же праздник, все люди веселятся, и вряд ли сюда нагрянут копы, чтобы оштрафовать нас за нарушение порядка.

— Будем надеяться, — пробурчала Полли с недовольным видом. — Если сюда приедут копы, то они заметут по крайней мере половину наших гостей только из-за одного внешнего вида. — Она скорчила смешную рожицу, и Кен улыбнулся. — Вставай, пойдем к гостям. Ты не находишь, что мы с тобой отвратительно трезвые?

Когда Эбигейл проснулась, в комнате было темно. Тошнота прошла, и теперь у нее разыгрался зверский аппетит. Эбигейл включила настольную лампу и взглянула на часы. Без четверти двенадцать. Прислугу отпустили по случаю праздника, Сьюзан и Майкл в церкви, значит, в доме никого нет. Эбигейл вдруг страшно захотелось сладкого чая и сэндвич с беконом и маринованным огурцом. Она встала, накинула халат и вышла из спальни.

Спускаясь со второго этажа на кухню, Эбигейл думала о том, как ей повезло с предками. Сьюзан прекрасно знала, что ей недолго осталось командовать в доме. Согласно до сих пор действовавшему завещанию прадедушки Эбигейл, особняк наследовал старший ребенок в семье, вне зависимости от пола последнего. Таким образом, Эбигейл должна была стать полноправной хозяйкой родового гнезда. Что же касается другого движимого и недвижимого имущества, оно переходило по наследству к ней и к Майклу в равных долях. Перспектива лишиться роскошного дома, скорее похожего на дворец, пугала Сьюзан. Она подозревала, что, вступив в права наследства, падчерица отправит ее жить на небольшое ранчо.

И Сьюзан не ошибалась: если бы отец Эбигейл, поддавшись на уговоры, не внес в свое завещание пункт о том, что дом в Ричвилле перейдет к дочери лишь по достижении ею тридцатилетнего возраста, мачеха давно бы уже переехала из роскошных городских апартаментов в сельское захолустье. Эбигейл сразу бы указала Сьюзан ее место, не позволив больше мачехе разыгрывать из себя светскую львицу.

На любые упреки в жестокости у Эбигейл был готов ответ: «В свое время эта женщина просто выжила меня из родного дома, я, словно сирота, жила в школе-интернате, поэтому я всего лишь плачу по долгам».

И действительно, идея поместить девочку в закрытое учебное заведение, расположенное вдали от дома, принадлежала мачехе. Отец однажды позвал Эбигейл к себе в кабинет и сказал:

— Сюзан говорит, что я и твоя мать вели себя как очень недалёковидные и эгоистичные люди, когда принимали решение о твоём обучении в школе Ричвилла. Сюзан лучше разбирается в вопросах воспитания, чем я. Рано или поздно ты её поймешь и скажешь ей спасибо. На следующий день девочку отправили в один из дорогих частных пансионатов Ванкувера. Эбигейл давно повзрослела, а «рано или поздно», обещанное отцом, так и не наступило. Более того, неискренность мачехи наглядно проявилась тогда, когда встал вопрос об обучении её сына Майкла. Сюзан даже не заикнулась, что мальчика надо отдать в закрытое учебное заведение, и он конечно же остался дома. И, лишь перейдя в школу высшей ступени, Майкл год провел в Ванкувере. Как только он получил водительские права, мать сразу же купила ему дорогой «бентли», хотя парню оставалось учиться еще целый год вдали от дома, причем старшеклассники его учебного заведения имели право навещать домой лишь раз в месяц на два дня. Так когда же Майкл собирался гонять на своем новеньком автомобиле? Впрочем, несмотря на избалованность и заносчивость Майкла, Эбигейл искренне любила его. И иногда ей казалось, что брат в глубине души питает к ней дружеские чувства, хотя Сюзан делала все от нее зависящее, чтобы посорить сына и падчерицу, не дать возникнуть между ними симпатии.

С некоторых пор Эбигейл перестала принимать близко к сердцу открытую неприязнь мачехи, доходившей порой до оскорблений. Она объясняла это беременностью, во многом изменившей ее взгляд на мир. Однако скорее всего причина нынешней уравновешенности Эбигейл крылась в том, что теперь она очень редко, наездами, бывала в отчем доме. Исключение составляли лишь праздники Рождества, Пасхи и День благодарения, которые традиционно принято проводить в кругу семьи. В завещании покойного Кристофера Ричардсона содержался пункт о том, что его «дорогая семья» должна непременно соблюдать этот обычай.

Эбигейл всегда опровергала слухи, будто ее отец был не в своем уме, когда составлял завещание. Втайне же она придерживалась мнения, что отец выпил по крайней мере бутылку коньяку и был в стельку пьян, когда вменял своему адвокату в обязанность выдавать дочери ежемесячно содержание лишь после получения подтверждения от его драгоценной Сюзан, что Эбигейл безукоризненно выполняет «долг перед семьей».

Сюзан в последнее время делала вид, что забывает послать адвокату разрешение на выдачу денег падчерице. Прежде, чтобы уладить эту проблему, мачехе достаточно было позвонить в адвокатскую контору. Но вот уже два месяца Эбигейл не получала ни цента из тех денег, которые оставил ей отец. Она решила, что если по приезде в Ванкувер вновь не обнаружит этих денег на своем счете, то устроит грандиозный скандал. Хватит с нее и того, что бывший муженек сумел хитростью завладеть ее приданым. Эбигейл дала себе слово, что не будет сидеть сложа руки, если ее вздумают снова обобрать до нитки.

Она никак не могла понять, почему ее отец составил столь странное завещание. Зачем эти нелепые условия? Иногда Эбигейл казалось, что отец сделал это ради ее благополучия, опасаясь, что Том доберется до наследственного имущества жены. Однако, с другой стороны, Кристофер Ричардсон прекрасно относился к зятю. В сущности, это он настоял на браке Эбигейл с Томом.

Пройдя в кухню, Эбигейл открыла холодильник и на минуту задумалась. Чаю и сэндвича с маринованным огурцом ей расхотелось. А вот клубника со взбитыми сливками и сок, пожалуй, то, что надо, решила Эбигейл.

Эбигейл проснулась от истерических воплей.

— Стерва! Дешевая шлюха! Я не позволю!..

В первое мгновение Эбигейл подумала, что забыла выключить телевизор. Но, открыв глаза, она увидела перед собой разъяренную Сьюзан. Мачеха набросилась на нее и, задыхаясь от гнева, попыталась стянуть с кровати.

— А ну вставай! Вставай немедленно!

— Сьюзан, сейчас же прекрати...

— Вставай! — не унималась мачеха. — И убирайся отсюда!

— Пусти меня! Пусти же... — Эбигейл отбивалась как могла.

Сьюзан в припадке ярости начала сбрасывать подушки и одеяло на пол, топча их ногами.

— Убирайся! — визжала она. — Вон из моего дома!

Сначала Эбигейл решила, что Сьюзан пьяна. Однако, как ни была порочна мачеха, пристрастия к алкоголю за ней никогда не замечалось. Она просто взбесилась, сокрушенно подумала Эбигейл.

— Мама! Перестань!

Майкл сзади набросился на Сьюзан, вовремя перехватив ее руки: мачеха уже занесла кулаки над Эбигейл. Та инстинктивно сжалась, забившись в угол кровати и подтянув колени к подбородку, чтобы защитить живот.

Эбигейл спросонья еще плохо соображала, однако понимала, что произошло нечто экстраординарное. За все годы их непримиримой вражды мачеха впервые вела себя подобным образом. Эбигейл зажмурилась, заметив, с какой лютой ненавистью смотрит на нее Сьюзан. Постепенно смысл происходящего начал доходить до нее. По всей видимости, она каким-то чудом пронюхала, что я беременна, догадалась Эбигейл.

— Как ты могла опозорить Майкла и меня! — брызжа слюной, кричала Сьюзан.

Ее лицо побагровело, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Майкл с трудом удерживал беснующуюся мать.

— Как нам людям в глаза смотреть после всего, что ты натворила! Ты спала с этим мерзавцем, с этим грязным ублюдком! С этим оборванцем! С этим индейским отродьем!

У Эбигейл упало сердце. Такого она никак не ожидала. То, что мачеха провела о ее беременности, — не так уж страшно. Но, оказывается, Сьюзан стало известно, кто отец будущего ребенка! Это была катастрофа.

Кровь отхлынула от лица Эбигейл. Откуда Сьюзан обо всем узнала? — в отчаянии спрашивала она себя. Впрочем, о чем тут гадать? Ответ вполне очевиден. Негодяй Кен Уоррен не из тех мужчин, которые скрывают свои победы над женщинами. Его самолюбию конечно же льстило, что он переспал с самой Эбигейл Ричардсон, и этот подонок наверняка раструбил о своем триумфе всему городу.

Эбигейл чувствовала, что ее снова предали. Однако все измены Тома, ее бывшего мужа, не шли ни в какое сравнение с ударом, нанесенным ей Кеном. Эбигейл тихо застонала от невыносимой душевной боли и тут же почувствовала во рту привкус горечи. Тошнота подкатила к горлу. Эбигейл в ужасе, что ее сейчас вырвет прямо на глазах мачехи и брата, зажала рот рукой и, вскочив с постели, бросилась в ванную.

Ей хотелось плакать от злости на свою наивность и доверчивость. Попадись ей сейчас Кен, она наверняка убила бы его.

Через четверть часа, когда Эбигейл вышла из ванной, Майкла в комнате уже не было, а Сьюзан, которая, по-видимому, немного пришла в себя, выбрасывала из шкафа вещи падчерицы, старательно и методично освобождая полку за полкой.

Голова Эбигейл раскалывалась от страшной боли, кровь гулко стучала в висках, колени подкашивались от слабости. Она молила Бога только об одном: чтобы все оставили ее в покое.

— Собирайся, и через час чтобы духу твоего здесь не было, — сухо сказала Сьюзан и поджала губы.

— Прекрасно, — заявила Эбигейл, гордо вскинув подбородок. Она всеми силами старалась скрыть свое подавленное настроение. — У меня нет ни малейшего желания оставаться здесь. И тем не менее я уйду не раньше, чем получу свои деньги за последние два месяца.

— Э нет, ничего ты не получишь! Твой отец возложил на меня ответственность за порядок в доме, члены нашей семьи должны соблюдать элементарные правила приличия, принятые в хорошем обществе.

— В таком случае, Сьюзан, должна тебя огорчить, но ты сама нарушаешь их, устраивая безобразные сцены.

— Как ты можешь упрекать меня, ты, обесчестившая нашу семью?! Запятнавшая наше... мое имя! — Сьюзан задыхалась от возмущения. — Я не дам тебе ни цента, заруби себе это на носу!

— Эти деньги оставил мне отец и...

— ...И он поручил мне решать, выполняешь ли ты те условия, при которых имеешь право на них! — Потеряв самообладание, Сьюзан вновь перешла на крик. — Я требую, чтобы ты убралась из моего дома! Немедленно!

— С каких это пор тебя начала подводить память? — с издевкой спросила Эбигейл. — Не пойму, почему ты называешь этот дом своим? Скорее это мой дом...

— Ну уж нет! Родовое гнездо Ричардсонов никогда не будет принадлежать шлюхе, связавшейся с настоящим бандитом!

Как ни злилась Эбигейл на Кена за его длинный язык, она не могла позволить, чтобы последнее слово оставалось за мачехой, и вынуждена была защищать отца своего ребенка.

— Возможно, в юности Кен Уоррен и был не в ладах с законом, однако теперь он честно зарабатывает себе на хлеб. Во всяком случае, его никак не назовешь бандитом.

Кровь отхлынула от лица Сьюзан.

— О Боже! — прошептала она. — Ты еще его защищаешь... Неужели у тебя нет ни стыда, ни совести?

— А у тебя, Сьюзан? — вопросом на вопрос ответила Эбигейл, стараясь сохранять спокойствие. — Ведь по твоей милости я уже два месяца не получаю денег. Такое положение меня совершенно не устраивает. Поэтому я не покину дом, пока ты не выпишешь мне чек на известную тебе сумму. Думаю, в твоих интересах сделать это как можно быстрее.

Собрав в кулак последние силы, Эбигейл твердым шагом направилась к двери и распахнула ее.

— Прошу прощения, Сьюзан, мне нужно уложить вещи, а тебе созвониться с адвокатами.

Сьюзан пулей вылетела из комнаты, призывая проклятия на голову падчерицы. Закрыв за ней дверь, Эбигейл почувствовала, что силы покинули ее. Опустившись на пол посреди комнаты, она разрыдалась.

4

Неделю спустя, сидя в своей роскошно обставленной квартире в Ванкувере, Эбигейл беззвучно глотала слезы, неудержимо катившиеся по ее щекам. Она не видела выхода из создавшейся ситуации и ругала себя за глупость и недалечность.

Возвращаясь из Ричвилла, она верила, что теперь все наладится, что начался новый, светлый, период в ее жизни. Ее переполняла гордость: ей удалось заставить Сьюзан выписать чек. Недалек тот день, когда она вступит в права наследства, оставленного отцом, и завладеет домом в Ричвилле.

Однако Эбигейл просчиталась, недооценив коварство Сьюзан. Мачеха оставила ее без средств к существованию, опротестовав свой чек, а адвокаты семьи встали на ее сторону. Эти подхалимы полностью согласились с заявлением Сьюзан о том, что Эбигейл, забеременев вне брака, тем самым нарушила основной пункт завещания Кристофера Ричардсона, гласивший: «Если поведение одного из моих детей будет носить, по мнению моей супруги, скандальный характер или каким-либо иным образом пятнать доброе имя семьи, выплата ежемесячного содержания из наследуемой ими суммы, находящейся под опекой до достижения детьми тридцатилетнего возраста, может быть приостановлена на срок, установленный моей супругой, но не выходящий за рамки срока, определенного мною для вступления моими детьми в права наследства».

Эбигейл всхлипнула. Ей, наследнице огромного состояния, не на что было купить даже хлеба, нечем оплатить даже счет за электричество, не говоря уже о внесении очередного платежа за машину, купленную в кредит. К тому же Эбигейл еще не рассчиталась за частную медицинскую страховку, и это больше всего беспокоило ее. Эбигейл страшила сама мысль, что ее ребенок родится в обычной городской клинике; она хотела получить высококвалифицированную медицинскую помощь, а это стоило больших денег. К тому же врач, лечивший ее на протяжении многих лет, знал, чем она болела в детстве и в юности, а главное, понимал, насколько важна для Эбигейл беременность. Именно он сказал своей пациентке, что это, пожалуй, ее единственный шанс стать матерью. Возможно, доктор, если его попросить, не откажет ей и в дальнейшем от консультаций, за которые она сможет ему заплатить лишь через два года.

За последние дни Эбигейл обошла все биржи труда Ванкувера, ее вызывали на бесчисленные собеседования, но все ее попытки найти работу оказались безрезультатными. У нее не было ни профессии, ни стажа работы в какой-либо области. И сегодня, набравшись мужества, она

отправилась в учреждение социальной защиты.

Большого унижения Эбигейл в жизни не испытывай. К сожалению, ей и в голову не пришло, что надо одеться поскромнее. Эбигейл в дорогом модном костюме конечно же сразу обращала на себя внимание и подозрительные взгляды в коридорах, заполненных бедно одетыми людьми с осунувшимися лицами. Будь у нее хотя бы малейшая возможность раздобыть средства к существованию каким-либо другим способом, она тотчас убежала бы из этого учреждения. Эбигейл сгорала от стыда, видя, с какой насмешкой чиновники социального ведомства разглядывают ее с головы до ног.

Она просидела в очереди несколько часов, прежде чем ее пригласили в кабинет. Служащая, вульгарно накрашенная девица, просмотрела документы Эбигейл — справку об уплате налогов за прошлый год банковские квитанции, свидетельство о наличии движимого и недвижимого имущества — и с усмешкой отложила их в сторону.

— Не понимаю, мисс Ричардсон, зачем вы пришли сюда. На что вы надеетесь? Государство создало нашу службу для того, чтобы помогать нуждающимся, а не таким состоятельным людям, как вы.

— Но на сегодняшний день я тоже отношусь к категории нуждающихся, — обуздав свою гордость, возразила Эбигейл.

— В таком случае, идите работать, как мы все это делаем.

— Я пыталась найти работу! Но вы же знаете, что это непросто, число безработных с каждым годом увеличивается.

— Я в курсе, мисс Ричардсон, по долгу службы знаю об этом не понаслышке. Тем не менее вынуждена огорчить вас: государственная помощь оказывается только неимущим, на основании соответствующих документов, а не богатым дамам, которым не хватает ума распорядиться своим огромным состоянием. Всего хорошего!

— Позвольте!.. — хотела одернуть служащую Эбигейл, но та уже повернулась к двери.

— Следующий, пожалуйста!

Возмущенная Эбигейл потребовала, чтобы ее принял начальник отдела социальной защиты населения. Ей пришлось ждать еще полчаса, а затем ее провели в кабинет, хозяин которого с угрюмым видом выслушал жалобы Эбигейл на поведение его сотрудницы и буркнул, что разберется, а затем предложил просительнице коротко изложить суть дела. Эбигейл в двух словах рассказала о своем бедственном положении и передала чиновнику принесенные документы. Он быстро просмотрел их и тут же вернул Эбигейл.

— Послушайте, мисс Ричардсон, не тратьте напрасно свое и мое время.

Эбигейл стоило большого труда не разрыдаться прямо в кабинете. Она держала себя в руках всю дорогу. Но, вернувшись домой и прочитав присланное требование срочно внести очередную сумму в счет погашения кредита за машину, Эбигейл расплакалась. Ее нервы окончательно сдали. Она сидела в кресле у окна и утирала слезы.

Внезапно в тишине огромной квартиры раздался громкий стук в дверь. Эбигейл встрепенулась. Кто бы это мог быть? Она поспешила в прихожую.

Распахнув дверь, Эбигейл застыла от неожиданности.

На пороге стоял Кен Уоррен.

У Эбигейл упало сердце. Одно несчастье за другим! — с досадой подумала она.

— Как ты здесь оказался?

Эбигейл хмуро взирала на человека, одетого в джинсы и в кожаную куртку. Жильцы дома, в котором она жила, люди состоятельные, так не одевались.

Кен тоже молча рассматривал ее. Он сразу же заметил, что Эбигейл плакала, и это не на шутку встревожило его. Что случилось? Волнение Кена было столь велико, что он почти не слышал слов Эбигейл.

— Как ты прошел мимо охраны? И каким образом узнал мой адрес?

Вопросы Эбигейл наконец дошли до его сознания.

— Парень на входе беспрепятственно пропустил меня, когда я показал ему вот это. — Кен протянул Эбигейл визитную карточку, которую она оставила ему. — Особенно убедительной ему показалась надпись на обороте. — И Кен ехидно улыбнулся.

Эбигейл растерянно повертела визитку в руках и действительно увидела на обратной стороне несколько слов, написанных от руки.

— «Надеюсь на скорую встречу. Загляни как-нибудь ко мне. Твоя Э. Р.», — прочитала она вслух, не веря своим глазам. — Но это не мой почерк!

— К счастью, охранник этого не знал.

Кен прошел в квартиру мимо ошеломленной Эбигейл и, остановившись посреди гостиной, удивленно присвистнул.

— Ну и хоромы!

— Каким образом тебе удалось узнать мой адрес? — настойчиво повторила Эбигейл. — Я ведь не давала его тебе.

— Конечно нет. Кстати, твоя мать тоже.

— Моя мачеха, — поморщившись, поправила его Эбигейл, и по ее тону Кену сразу стало ясно, как она относится к миссис Ричардсон.

— Ах вот оно что... — протянул он. — Теперь мне многое становится понятным. Оказывается, у нас с тобой много общего. Я тоже не ладил с сожительницей отца.

— Меня это совершенно не интересует, — холодно проронила Эбигейл. — Я задала вопрос. Будь добр, ответь на него.

— Я послал тебе информацию о хронических заболеваниях в нашей семье, словом, то, о чем ты просила, а затем нанял человека, который подкараулил тебя у абонентского ящика, проводил до дома и навел кое-какие справки.

— Так ты меня выследил?! — возмутилась Эбигейл.

Кен ухмыльнулся.

— Можно и так сказать.

— Да Как ты посмел! Ты не имеешь права вторгаться в мою личную жизнь!

— Солнышко, ты забыла, наверное, что носишь под сердцем моего ребенка, а это, согласишься, дает мне некоторые права на более близкое знакомство с тобой. Думай обо мне что хочешь, вычеркивай меня из своей жизни, но я не могу и не хочу бросать на произвол судьбы свою плоть и кровь — единственного моего ребенка!

Эбигейл была на грани истерики, ее вновь затошнило, голова шла кругом от одной только мысли, что Кен Уоррен здесь, в ее квартире, и теперь от него не отвяжешься. Чтобы немного прийти в себя, она сделала несколько глубоких вдохов, но это не помогло.

Все ее надежды рушились одна за другой! За две недели ей так и не удалось раздобыть денег, а теперь еще к ней как снег на голову явился негодяй, претендующий на участие в судьбе ее ребенка! Ребенка, которого Эбигейл не хотела делить ни с кем! Это дитя принадлежало только ей! Эбигейл из последних сил сдерживала слезы.

Кен заметил смятение Эбигейл, но не понимал его причин. Несомненно одно: его слова потрясли Эбигейл. И, хотя этого, в сущности, он и добивался, теперь Кен ощущал раскаяние. Однако, несмотря ни на что, он решил твердо стоять на своем: ребенку нужен отец.

Затянувшееся молчание Эбигейл начало действовать Кену на нервы. Неужели она надеется, что я заговорю первым? — с раздражением подумал он. Или уйду?

Кен снял куртку и с демонстративной небрежностью бросил ее на широкий дорогой диван, а затем уселся рядом.

Эбигейл открыла было рот, чтобы послать его ко всем чертям и указать на дверь. Но тут ее осенило.

Подожди, глупая! — сказала она себе. Остановись. Этот человек пришел, чтобы предложить деньги на содержание ребенка, а тебе они жизненно необходимы. Ты находишься в таком отчаянном положении, что готова принять их даже от этого чудовища!

Она с ненавистью посмотрела на развалившегося на диване Кена и почувствовала такой приступ тошноты, что ее чуть не вырвало прямо на роскошный ковер. Сделав над собой усилие, Эбигейл и на этот раз справилась с недомоганием. Взглянув на ворох неоплаченных счетов и квитанций на столе, она избавилась от последних сомнений.

— Если я тебя Правильно поняла, — спокойным голосом заговорила Эбигейл, — ты выследил меня лишь для того, чтобы предложить материальную помощь, необходимую для содержания ребенка?

— Мне казалось, я говорил тебе об этом еще две недели назад. Тебе что-то не понравилось в моем предложении?

— Не в этом дело... Просто мне не хотелось, чтобы ты нес большие расходы...

Это была явная ложь, и снисходительная улыбка, появившаяся на лице Кена, свидетельствовала о том, что он это прекрасно понял.

— Тронут твоей заботой о моем кошельке, но, прости, я привык самостоятельно распоряжаться своими финансами.

— Прекрасно. В таком случае, если ты все еще настаиваешь на своем обязательном участии в расходах по содержанию ребенка, я готова принять твою финансовую помощь. Завтра я переговорю со своим адвокатом и мы составим необходимые документы.

— В этом нет никакой необходимости, мой адвокат уже все устроил.

— Вот как? — удивилась Эбигейл.

И, прежде чем она успела еще что-то сказать, Кен назвал сумму месячного содержания, которую намеревался выплачивать ей, начиная с сегодняшнего дня. Эбигейл не поверила своим ушам. Конечно, эти деньги нельзя назвать сумасшедшими, но на них она могла вполне сносно существовать. И во всяком случае, финансовая помощь Кена намного превышала социальное пособие, о получении которого Эбигейл хлопотала.

Она имела смутное представление о доходах владельцев заштатных ветлечебниц, но совершенно очевидно, что Кен собирался оставлять себе очень немного от той суммы, которую зарабатывал. У Эбигейл сжалось сердце. За последние несколько дней она на себе испытала, что значит быть остро нуждающимся, неимущим. Эбигейл не пожелала бы такой доли и врагу. Ей стало искренне жаль Кена.

— Ты очень щедр, — сказала она дрогнувшим голосом, — Я принимаю твою помощь. Но не слишком ли велика сумма, которую ты решил мне выплачивать?

— Я полагал, что мы уже договорились: своими финансами я распоряжаюсь самостоятельно, без советчиков.

Ах так! Ну как хочешь, заносчивый болван, подумала Эбигейл. Подойдя к письменному столу, она написала на листе бумаги адрес своего адвоката и, вернувшись к дивану, на котором удобно устроился Кен, протянула ему записку.

— Вот возьми, — сухо сказала Эбигейл. — Думаю, нам больше не о чем говорить.

— Подожди, не торопись. Я не сказал главное: содержание будет выплачиваться тебе при одном условии.

— При условии?

— Да. Ты должна выйти за меня замуж.

5

Эбигейл ошеломленно уставилась на него. Тошнота подкатила к ее горлу.

— Что... что ты сказал? О Боже, мне плохо...

Зажав рот рукой, она бросилась в ванную, из-за двери которой тут же послышались кашель, приглушенные стоны, хрипы и проклятия. Обеспокоенный Кен попытался войти в ванную комнату, но дверь была заперта изнутри.

— Это ты во всем виноват! — услышал он сдавленный голос Эбигейл. — Убирайся вон!

Около часа она не выходила в гостиную, и Кен уже начал не на шутку тревожиться. Наконец, одетая в длинный махровый халат, Эбигейл появилась на пороге комнаты. Взгляд, который она устремила на Кена, пылал ненавистью.

— Ты разве не слышал? Я приказала тебе убираться вон.

— Да, в самом деле. И не один раз. Но я не бросаю игру, когда у меня на руках одни козыри.

— Ты бредишь или пьян! С чего ты взял, что я пойду за тебя замуж? Или ты хочешь купить меня за ту ничтожную сумму, которую мне предлагаешь? Так вот, учти: я стою таких денег, которые тебе и не снились!

— Все может быть. — Кен лениво встал и, подойдя к столу, положил ладонь на стопку неоплаченных счетов. — Но, несмотря на это, с наличностью у тебя, по всей видимости, туговато.

Эбигейл бросилась к столу, чтобы спрятать платежные документы, о которых совсем забыла.

— Как ты смеешь совать нос в чужие дела! — задыхаясь от возмущения, воскликнула она.

— Кончай этот спектакль. Мы оба прекрасно знаем, что ты по уши в долгах и тебе перестали выплачивать ежемесячное содержание.

Эбигейл смутилась, но лишь на мгновение.

— И все же я вынуждена тебя огорчить. Сейчас ведутся переговоры о продаже этой фешенебельной квартиры. Как только дело будет улажено, я стану обладательницей кругленькой суммы и мои финансовые проблемы будут решены.

Кен снисходительно ухмыльнулся.

— Блефуешь. Деньги на приобретение этой квартиры были выделены тебе после развода из наследства, находящегося под опекой, на условиях, что ты не можешь продать ее. И разрешение на продажу ты, если мои источники информации верны, получишь лишь через два года.

Эбигейл сжала кулаки. Она готова была наброситься на него, но весь ужас ее положения заключался в том, что он был совершенно прав. Эбигейл отдавала себе отчет, что именно Кен в сложившейся ситуации является ее единственным спасением.

— Ну и каков же будет твой ответ на мой главный вопрос? — спросил Кен, в душе празднуя победу.

— Я тебя ненавижу.

— А я и не жду от тебя любви.

— Да? Интересно чего же ты ждешь в таком случае?

— Я хочу стабильности для своего ребенка.

Это звучало благородно, но Эбигейл не верила, что Кеном движут высокие чувства.

Голова у Эбигейл шла кругом, она не видела выхода из создавшейся ситуации. Узнав, что не получит больше денег на свое содержание, она сначала хотела предъявить иск мачехе, но затем, здраво рассудив, что адвокаты семьи будут на стороне Сьюзан, а само обращение в суд может быть сочтено злонамеренным поводом к новому скандалу, бросающему тень на репутацию семьи и тем самым нарушающему одно из главных условий завещания отца, Эбигейл отказалась от своего плана.

Семь лет жизни Эбигейл провела в браке с нелюбимым человеком, и вот теперь ей, по всей видимости, предстояло еще два года мучиться с мерзавцем, которого она люто ненавидела. И лишь скорое появление на свет долгожданного ребенка примирило Эбигейл с мыслью о необходимости выйти замуж за Кена Уоррена.

— Я согласна стать твоей женой. Но с одним условием: я сохраню в браке девичью фамилию. Кен облегченно вздохнул. Он очень боялся, что Эбигейл наотрез откажется выйти за него замуж. Кену с его подмоченной репутацией было бы очень трудно отстаивать в суде права на ребенка. А в том, что это рано или поздно придется делать, он не сомневался. Уоррены никогда не верили женщинам: все, с которыми они имели дело, были напрочь лишены материнского инстинкта. Самого Кена мать бросила в раннем детстве, не менее жестоко обошлась со своей дочерью Линдой жена старшего брата Кена. Женщины, сходявшиеся с мужчинами из семьи Уоррен, не проявляли никакой заботы о детях, а если к тому же брак не был зарегистрирован, то отцы теряли всякую связь со двоими отпрысками и впоследствии ничего не могли узнать о судьбе собственного потомства.

Кен хотел, чтобы его ребенок родился в законном браке. Он подозревал, что через два года, когда Эбигейл получит наследство и непременно разведется с ним, она — в отличие от его матери и невестки — постарается оставить Малыша себе, хотя бы потому, что у нее будет достаточно денег на его содержание. Он понимал также, что не найдет в суде управу на богатых и влиятельных Ричардсонов. И все же законный, пусть и непродолжительный брак гарантировал Кену права хотя бы на свидания с ребенком.

— До твоей фамилии мне нет никакого дела, оставляй какую хочешь, — сухо сказал Кен, надевая куртку. — Я найду за тобой завтра в девять утра, и мы поедем подавать заявление на регистрацию брака. После этого мы отправимся в Ричвилл, я приехал на мотоцикле, поэтому не бери с собой большой багаж. Остальные вещи...

— С какой стати я поеду с тобой в Ричвилл?! — с негодованием осведомилась Эбигейл. — Я останусь здесь!

— Ты не останешься здесь. Женатые люди живут вместе, — терпеливо начал объяснять ей Кен. — Завтра у нас что-то вроде помолвки, а через месяц мы поженимся. Или ты уже забыла об этом?

— Разве такое забудешь! Но я не понимаю, почему мы не можем остаться в Ванкувере?

— Ты что, притворяешься дурочкой?! — наконец не выдержал Кен. — У меня работа в Ричвилле, не могу же я каждый день мотаться туда и обратно, тратя на дорогу в общей сложности шесть часов!

Только теперь до Эбигейл начало доходить, что сулит ей брак с Кеном Уорреном. В отличие от ее бывшего мужа Тома, который постоянно находился в разъездах, этот тип будет с ней рядом дни и — Боже упаси! — ночи напролет. Представив совместную жизнь с Кеном, Эбигейл ужаснулась. Но тут же в ее голову пришла спасительная идея.

— Я знаю, что делать! — радостно воскликнула Эбигейл. — Ты в течение рабочей недели будешь жить в Ричвилле, а на выходные приезжать сюда.

— Ты хочешь сказать, что мы будем спать вместе в ночь с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье, — сказал Кен, делая вид, что обдумывает ее предложение.

Эбигейл кивнула.

— Скорее всего только в ночь на воскресенье. Мне кажется, тебе не стоит после напряженной трудовой недели садиться за руль и...

Кен усмехнулся.

— Забудь об этом, крошка! Люди подумают, что наш брак фиктивный, а мне бы очень этого не хотелось.

— Понятно... — разочарованно протянула Эбигейл.

— Что тебе понятно, солнышко? — Кен явно потешался над ней.

— Мне понятно, что наш брак в глазах окружающих должен выглядеть настоящим, — сухо сказала она. — Мне только непонятно, где мы будем жить в Ричвилле.

— Там же, где я сейчас живу. — Улыбка Кена стала еще шире. — В квартире над лечебницей.

Сердце Эбигейл упало. Чувствуя слабость в коленях, она опустилась на диван.

— О Боже... — в ужасе прошептала молодая женщина, живо представив убогое оштукатуренное здание на рабочей окраине Ричвилла, затерянное между пустырей и безобразных индустриальных сооружений.

Эбигейл опустила голову и закрыла лицо руками. У нее был такой вид, будто ее приговорили к смертной казни, а не спасли от финансового краха. Кена неприятно поразила подобная реакция. Конечно, он не рассчитывал на бурное выражение горячей благодарности с ее стороны, но его задело за живое отношение Эбигейл к тем условиям жизни, которые до сих пор ему казались вполне сносными. Его предложение явно повергло Эбигейл в отчаяние.

Кен еще раз огляделся: фешенебельные апартаменты Эбигейл выглядели просто шикарно, но у него не возникло желания остаться здесь хотя бы на одну ночь, даже при условии, что Эбигейл проведет ее в его объятиях. Представив свою небольшую, но очень удобную квартиру, Кен подумал, что она не разочарует Эбигейл. Пусть там нет роскоши, зато есть все необходимое и каждая вещь знает свое место.

Правда, Кена смущало одно обстоятельство; он не знал, сумеют ли поладить Эбигейл и Линда, у обеих, на его взгляд, вздорные характеры. Впрочем, сейчас не время задумываться об этом. Надо ковать железо, пока горячо: на руках у Кена были все козыри, и он стремился побыстрее завершить эту партию.

— Составь список неоплаченных счетов. Завтра, прежде чем мы отправимся в Ричвилл, я улажу твои дела.

Эбигейл с изумлением взглянула на него.

— Полный список? Счет за машину тоже включить?

— Ты хочешь сказать, что выплатила еще не все деньги за свою тачку? — недоверчиво спросил Кен.

— Похоже, твой осведомитель не известил тебя, что, поскольку я два месяца не получала денег, то не могла внести очередную сумму по кредиту...

— Сколько тебе нужно?

— Не так много, учитывая, что...

— Я спросил — сколько? — не желая слушать ее оправданий, снова задал вопрос Кен.

Эбигейл назвала сумму, и Кен присвистнул: для него это были очень большие деньги.

— Я не могу позволить своей жене такую машину, да она и не нужна нам. В нашем захолустье такая тачка вызовет только кривые ухмылки. Я поступлю так: выкуплю ее и тут же продам.

— Но мне нужна эта машина! — возмутилась Эбигейл.

— Зачем?

Эбигейл посмотрела на него, как на ненормального.

— Что значит «зачем»? Мне же нужно на чем-то ездить к доктору, за покупками...

— Мы ограничены в средствах, поэтому тебе вряд ли придется слишком часто заглядывать в магазины. И потом, учти, шикарные спортивные автомобили предназначены вовсе не для того, чтобы ездить к докторам. Я куплю тебе более практичную и менее дорогую машину...

— Мне нужен мой автомобиль! Я сама достану денег, чтобы выкупить его!

Кен дошел до двери и обернулся.

— В таком случае, напоминаю, что это надо сделать не позднее завтрашнего утра. И хочу предупредить тебя, солнышко: квартал, куда ты завтра переедешь жить, рабочий, так что не очень-то задирай там свой симпатичный носик. И вообще тебе следует учиться хорошим манерам. У нас в квартале, если гостей впускают в дом, обязательно предлагают напитки.

Эбигейл с нескрываемым возмущением взглянула на него.

— Убирайся к черту! У меня просто нет выбора, иначе я тебя на порог не пустила бы!

— Да? — Кен усмехнулся. — В таком случае удивительно, что ты так легко пустила меня в свою постель.

Он стремительно закрыл за собой дверь, в которую Эбигейл тут же запустила чем-то тяжелым. Кен решил, что в следующий раз он поднимется в квартиру своей невесты, не снимая мотоциклетного шлема. В целях собственной безопасности.

6

Эбигейл успокоилась не сразу: битый час она расхаживала по гостиной, стараясь прийти в себя. Наконец у нее созрело решение обратиться к Роберте Уайт, которая жила этажом ниже.

К полуночи Эбигейл вернулась в свои апартаменты в прекрасном расположении духа. Роберта уже давно уговаривала Эбигейл продать ей пентхаус. Эбигейл все это время холодно отказывала, однако сегодня, спустившись в квартиру соседки, сделала той выгодное предложение. Эбигейл согласилась негласно сдать Роберте в аренду свой пентхаус сроком на год за сумму, необходимую, чтобы выкупить взятую в кредит машину.

Прекрасно понимая, что нарушает налоговое законодательство, Эбигейл тем не менее не могла поступить иначе, поскольку еще целых два года не имела права не только продавать свою фешенебельную квартиру, но и вообще извлекать из операций с этим недвижимым имуществом какую-либо прибыль. Жадность Роберты и добровольное участие в незаконной сделке являлись гарантией ее молчания. Роберта даже не стала спрашивать Эбигейл, зачем ей нужны деньги, и она была благодарна соседке за сдержанность. По крайней мере, ей не пришлось лгать.

Эбигейл отдавала себе отчет, что людям трудно понять ее упорное нежелание расставаться с шикарным спортивным автомобилем, но для нее он был своеобразным символом свободы. В тот день, когда Эбигейл развелась с Томом, она отправилась в автосалон и выбрала самую роскошную машину, которая отныне олицетворяла ее полную самостоятельность и независимость. Впервые в жизни она сама купила себе автомобиль, прежде это делали за нее сначала отец, а потом муж, который в конце концов спустил все ее деньги и продал все, что стояло в их гараже. Утрата любимой машины означала для Эбигейл крах всей жизни и полную победу Сьюзан, всегда стремившейся растоптать падчерицу.

Поэтому Эбигейл благодарила Бога за то, что он смилостивился над ней и в конце этого сумасшедшего дня послал спасительную идею сдать пентхаус в аренду Роберте Уайт. Конечно, Эбигейл могла бы продать автомобиль, который завтра станет ее собственностью, и послать Кена Уоррена с его женьбой ко всем чертям, но вырученных денег не хватит ей и ребенку на два года, оставшихся до вступления в права наследства.

У Эбигейл был другой план, как выйти сухой из воды и избежать брака с Кеном.

Слухи о предстоящей свадьбе известного в городе «краснокожего мерзавца» и «принцессы Эбигейл», как ее часто называли, быстро распространятся по Ричвиллу и очень скоро дойдут до Сьюзан. Подобная новость, по расчетам Эбигейл, несомненно приведет мачеху в ужас, и та не только немедленно распорядится возобновить ежемесячную выплату денег на содержание падчерицы, но и сделает все возможное, чтобы уговорить Эбигейл покинуть Ричвилл.

— Как будто меня надо уговаривать! — фыркнула Эбигейл и скользнула под одеяло. Довольная собой, она сразу же крепко уснула.

7

Утром Кен, как и договаривались, заехал за Эбигейл, и они отправились подавать документы на регистрацию брака.

Неожиданно для Кена Эбигейл попросила остановить мотоцикл у банка. Кен решил, что Эбигейл хочет снять со своего счета последнюю наличность, чтобы иметь деньги на карманные расходы. Однако через полчаса она вышла с сияющим лицом и радостно помахала перед его носом чеком, выписанным на солидную сумму. Кен обомлел: такого он не ожидал. Эбигейл объяснила, что одна приятельница вернула ей деньги, которые когда-то взяла у нее в долг.

Кен, конечно, не поверил ни единому слову. Скорее всего Эбигейл одолжилась у своей состоятельной подруги, чтобы избежать брака с ним, Кеном Уорреном.

Всю ночь накануне он не сомкнул глаз, размышляя о том, что такая женщина, как Эбигейл Ричардсон, всеми силами попытается расстроить брак с таким парнем, как он. Они друг другу не пара. Поэтому маневр Эбигейл не стал для Кена неожиданностью, но тем не менее он пришел в бешенство: его планы срывались. Сквозь зубы поздравив Эбигейл с победой, Кен бросился к мотоциклу. Ему нужно было срочно увидеться с адвокатом.

И тут произошло такое, что совершенно не укладывалось у Кена в голове, — Эбигейл кинулась за ним следом. Обернувшись, Кен заметил в ее широко раскрытых глазах испуг. Она боится, что я сейчас уеду, с удивлением догадался он.

— Но я вовсе не отказываюсь выйти за тебя замуж. — В голосе Эбигейл слышалась тревога. — Я просто не могла допустить, чтобы ты продал мою машину!

Нет, она явно спятила! — подумал ошеломленный Кен. Суммы, проставленной в чеке, Эбигейл с избытком хватило бы не только на покрытие всех долгов, но и на покупку хорошей, пусть и подержанной машины. Более того, после необходимых срочных выплат у Эбигейл еще остались бы средства, чтобы вести скромное, но безбедное существование, даже если бы Кен отказался от мысли оказывать ей и ребенку материальную помощь.

Кен не мог взять в толк, почему Эбигейл так странно ведет себя, и это бесило его. Он сделал все от него зависящее, чтобы заставить эту женщину поступать так, как он того хотел, и вот, казалось, ей удалось выскользнуть из расставленной ловушки, однако вместо свободы она вдруг выбирает какую-то никчемную машину, больше похожую на дорогую игрушку, нежели на настоящий автомобиль!

Завершив свои дела в Ванкувере они отправились в Ричвилл — Кен на мотоцикле, а Эбигейл за рулем своей роскошной машины. Преодолев примерно половину пути, они решили сделать остановку и подкрепиться.

Сидя за столиком придорожного кафе, Кен ждал Эбигейл, которая отлучилась в туалетную комнату, и размышлял над сложившейся ситуацией.

Самое печальное, что он никак не может раскусить эту Эбигейл Ричардсон. Что она замышляет? Неужели я ошибся в расчетах, думал Кен, и Эбигейл оказалась умнее, чем я предполагал?

Из туалетной комнаты вышла Эбигейл и направилась к столику. Кен невольно залюбовался своей «суженой», фигура которой все еще была идеальной, несмотря на то что Эбигейл готовилась стать матерью. Однако события сегодняшнего дня, на взгляд Кена, свидетельствовали о том, что беременность самым негативным образом сказалась на умственных способностях Эбигейл. Или же она была самой недалекой из всех представительниц женского пола, которых знал Кен. Совершать такие поступки, на какие способна она, может только человек, начисто лишенный логического мышления. Надеюсь, это не передается по наследству, озабоченно подумал Кен, беспокоясь о будущем ребенке.

— С тобой все в порядке? — с тревогой спросил Кен, обратив внимание на болезненно землистый цвет лица «невесты».

— Нет, мне нехорошо. Но надеюсь, что сэндвич и горячий сладкий чай пойдут мне на пользу. Обычная тошнота, которая накатывает время от времени, у беременных это бывает, — объяснила Эбигейл, заметив, что Кен озабоченно нахмурился. — К сожалению, я не из тех женщин, которые расцветают в период беременности. Теперь я провожу над унитазом, пожалуй, больше времени, чем сантехник.

Кен улыбнулся. Она еще подшучивает над собой, подумал он, испытывая сочувствие к женщине, которая носила под сердцем его ребенка.

Что касается Эбигейл, то она немного лукавила, поскольку не могла сказать точно, что явилось причиной ее сегодняшнего недомогания: беременность или нервное напряжение. Ее бросало в дрожь от одной мысли, что ей придется жить под одной крышей с Кеном Уорреном, быть может, целую неделю. Ведь Сьюзан могла заупрямиться и не сразу возобновить выплату содержания, на которое рассчитывала Эбигейл.

Жуя сэндвич и запивая его чаем, Эбигейл думала о том, что у них с Кеном должен родиться красивый ребенок. Она, конечно, раскаивалась в своей безрассудности, в том, что позволила этому негодяю затащить себя в постель, но вместе с тем вынуждена была признать: Кен очень хорош собой. Ей вообще везло на красивых мужчин. Ее бывший муж Том тоже был парень хоть куда. Правда, внешне он совсем не походил на Кена. Светловолосый симпатичный Том не мог похвастаться высоким ростом, и, хотя имел спортивную фигуру, его облику, пожалуй, недоставало мужественности. В противоположность ему смуглый чернобровый Кен с накачанными бицепсами и широким разворотом плеч выглядел настоящим суперменом.

— Какой у тебя рост? — неожиданно спросила Эбигейл. — Я просто подумала о том, каким может вырасти наш ребенок, — пояснила она, встретив непонимающий взгляд Кена.

— Шесть футов три дюйма.

Эбигейл кивнула и подлила в свою чашку чая, чувствуя, что Кен не сводит с нее карих глаз.

— Уоррены всегда были дылдами, — добавил он. — Даже женщины. Линда, которой всего шестнадцать, уже вымахала почти с меня.

— А кто такая Линда? — Как ни старалась Эбигейл, ей не удалось скрыть любопытство.

— Моя племянница. Ты с ней скоро познакомишься.

Кен все еще в упор смотрел на нее, и Эбигейл чувствовала себя очень неудобно. Он, по всей видимости, гадал, откуда у нее деньги. Эбигейл боялась ненароком выдать себя, проговориться о своих намерениях. Она наконец отважилась взглянуть ему в глаза и даже сумела беззаботно улыбнуться. Однако Кена трудно было провести, он сразу же заметил, что Эбигейл внутренне напряжена, и насторожился.

— Когда выяснилось, что мы родились в один день, я просто не могла поверить в такое совпадение. Надо же!

Кен пожал плечами.

— В жизни и не такое бывает.

— И все же это очень странно. Даже чиновник, регистрировавший наше заявление, и тот сильно удивился.

— Его удивление вызвало не совпадение даты нашего рождения, а то, что ты не знала об этом, хотя заявила, будто мы знакомы много лет. Понимаешь ли, солнышко, большинство пар, приходящих к нему в офис, прекрасно осведомлены о дне рождения друг друга.

— Но откуда мне было знать, когда ты родился! — начала оправдываться Эбигейл. — Тебе

следовало заранее сказать мне об этом.

— Ну конечно, оказывается, я во всем виноват! — возмутился Кен. — Тебе следует быть сдержаннее, когда находишься среди незнакомых людей. А ты вместо того, чтобы скрыть свое удивление, заладила: «Нет, это просто поразительно! Не может быть! Мы будем праздновать день рождения в один и тот же день! Кто бы мог подумать!» Конечно, у бедного клерка глаза на лоб полезли.

Эбигейл видела, что Кен поддразнивает ее, пытаясь вывести из себя, и решила не поддаваться на провокации.

— Говори что хочешь, но меня действительно поразило подобное совпадение. Надо еще учесть, что мы родились не только в один день, но и в одной клинике. Потому что моя мать как раз находилась в Ричвилле, когда у нее начались схватки.

— Все равно не понимаю, с чего ты взяла, что мы родились в одной клинике. — Кен в недоумении пожал плечами.

— Я видела твое свидетельство о рождении. Там записано, что ты появился на свет в Ричвилле, а в этом городе, как известно, всего одна клиника, куда принимают рожениц. Или ты хочешь сказать, что твоя мать разрешилась от бремени дома? Что касается меня, я буду рожать только в клинике. Во-первых, мне не обойтись без обезболивания, во-вторых, я просто умру от страха, если не буду знать, что в любой момент ко мне и к ребенку придут на помощь десятков высоко квалифицированных врачей и медицинских сестер.

Кен слушал ее с грустной усмешкой.

— Я родился в прямом смысле слова под забором, — наконец заговорил он, когда Эбигейл замолчала. — Что касается обезболивания, то моей матери оно не понадобилось. По словам отца, который принимал роды, она была под таким градусом, что даже не понимала, где находится. О том, что она родила ребенка, до нее дошло лишь на следующий день.

Слова Кена так ошеломили Эбигейл, что она потеряла дар речи.

— Я тебе честно скажу, Эбигейл, мне плевать на то, где ты собираешься рожать и какие обезболивающие примешь, будет ли вокруг тебя бригада врачей или это произойдет в поле под открытым небом... Учти лишь одно: где бы и когда бы это ни случилось, я буду рядом, я не брошу нашего малыша на произвол судьбы.

Эбигейл все еще находилась в шоке от рассказа Кена об обстоятельствах его рождения и пропустила последнюю фразу мимо ушей. Их судьбы и условия жизни были настолько разными, что решимость Эбигейл как можно скорее расстаться с Кеном лишь окрепла. Что у нас общего, кроме дня рождения?! — с отчаянием подумала она.

— Черт возьми, Эбигейл. — Кен озабоченно нахмурился. — Ты бледна как смерть. Тебе пора на воздух.

Через десять минут, когда они уже подошли к парковке, Эбигейл вновь ощутила тошноту. Ей, по-видимому, не стоило есть проклятый сэндвич.

— Тебе нельзя в таком состоянии садиться за руль, — с тревогой заявил Кен, видя, что ее лицо обрело землистый оттенок.

— Я в полном порядке, — слабым голосом возразила Эбигейл. — У меня даже голова перестала кружиться.

— Что-о?! У тебя, оказывается, кружилась голова по дороге сюда?

— Совсем немножко. — Эбигейл поняла, что сболтнула лишнее, и попыталась исправить положение: — Во всяком случае, я же не врезалась в столб!

— Ну хватит! — Кен решительно захлопнул дверцу машины, не позволив Эбигейл сесть на место водителя.

— Но что случилось? — не сдавалась она.

— Ничего. Ты не сядешь за руль, если не хочешь угробить себя и ребенка. В таком состоянии ты можешь запросто потерять сознание.

— О Господи! Об обмороке не может быть и речи, я только сказала, что у меня слегка кружилась голова.

— Этот спор ни к чему не приведет, Эбигейл. Тебе придется подчиниться.

Безапелляционный тон Кена вывел ее из себя.

— Если ты воображаешь, что я появлюсь в Ричвилле на твоём дурацком мотоцикле, то ты жестоко ошибаешься! Я не хочу привлекать к себе внимание и не желаю выглядеть посмешищем в глазах жителей родного города!

— Ты поздно спохватилась, солнышко. Весь Ричвилл уже знает, что ты беременна от меня, и поэтому вряд ли кого-нибудь удивит твоё появление в городе вместе со мной на мотоцикле.

— Ну конечно, ты уже успел похвастаться очередной победой на любовном фронте! Если бы ты держал язык за зубами...

— Неужели ты действительно думаешь, что именно я растрепал всему городу о твоей беременности? Ты несправедлива ко мне.

— Но кто же тогда это сделал? — в замешательстве спросила Эбигейл.

— Моя племянница, эта несносная девчонка. Она подслушала наш разговор и, как все женщины, не удержалась и поделилась сногшибательной новостью «по большому секрету» со своими подружками.

— Твоя племянница дурно воспитана, — сердито буркнула Эбигейл.

— Не тебе об этом судить, солнышко. — Кен в общем-то был того же мнения о манерах Линды, но все же решил осадить высокомерную аристократку. — Боюсь, что вот уже две недели, как все матери Ричвилла приводят твою историю в назидание своим дочерям. Но дурной пример, как известно, заразителен.

Эбигейл еле сдержалась, чтобы не вклепать негодяю пощечину.

— Конечно, тебе очень не хочется связываться с такими грубыми и неотесанными людьми, как мы, — словно ни в чем не бывало продолжал Кен. — Ты привыкла к совсем другому обращению. Но жизнь в башне из слоновой кости закончилась, крошка, и теперь тебе придется

терпеть нас. Во всяком случае, до вступления в права наследства. После чего ты рассчитываешь вернуться в привычный для тебя мир. Судя по выражению твоего лица, я попал в точку.

Эбигейл что-то хотела сказать, но Кен не дал ей и рта раскрыть.

— Не пытайся обмануть меня, Эбби, не выйдет. Я же не дурак, я все вижу. Но и ты пойми меня правильно: никто не должен знать о твоём позоре, о том, как был зачат наш ребенок. Никто! Ни один человек на свете, начиная с моей племянницы и заканчивая твоей стервой-мачехой. Это должно остаться строго между нами. Пусть люди думают, что мы безумно влюбились друг в друга...

— Да ты просто спятил! — Эбигейл не верила своим ушам. — Ни один человек, находящийся в здравом уме, не поверит в подобные бредни!

— Ты не права. У жителей нашего городка уже сложилось твердое мнение на сей счет. Никто не сомневается, что нас с тобой связывает сильное, внезапно вспыхнувшее чувство. С моих слов люди знают, что мы встретились полгода назад в Ванкувере, по уши влюбились с первого взгляда и ждали лишь твоего развода, чтобы окончательно соединить свои судьбы.

— Как ты посмел оклеветать меня?! — Негодование Эбигейл, казалось, не знало пределов.

— Неужели ты думаешь, что было бы лучше сказать правду? Что ты, напившись до беспамятства, провела со мной, случайным партнером, одну-единственную ночь?

Когда любопытная Линда, подслушавшая часть разговора Кена с Эбигейл, пристала к Кену с вопросами, тот действительно с ходу сочинил красивую сказку о неземной любви. Он не знал, почему так поступил: стремился спасти репутацию будущей матери своего ребенка или чувствовал, что сам предстанет последним идиотом в глазах племянницы, если та узнает правду. Однако о браке Кена и Эбигейл Линда не подозревала, а потому об этом не знали и жители Ричвилла.

— Я никому не говорил о том, что мы собираемся пожениться. Но теперь нашу свадьбу воспримут в Ричвилле как логическое завершение романтической истории, а не как циничную сделку. Люди придут к выводу, что, как только ты забеременела, мы решили пожениться.

— Ты хочешь сказать, что на людях я должна вести себя так, словно сгораю от любви к тебе?

Кен усмехнулся, представив холодную высокомерную Эбигейл в роли влюбленной простушки, виснувшей у него на шее.

— Нет, эта роль тебе не по зубам, — сказал он наконец. — Ты с ней не справишься, не сумеешь сыграть убедительно. Но ты не должна вздрагивать и шарахаться в сторону каждый раз, когда я к тебе прикасаюсь. И постарайся почаще мне улыбаться.

Эбигейл кивнула, притворившись, что покоряется судьбе. Главное, чтобы Кен не разгадал ее планов. Эбигейл не сомневалась, что не пройдет и нескольких дней, как она снова обретет свободу и независимость.

— Ну хорошо, — сказала она со вздохом. — Может быть, ты и прав. Честно говоря, мне бы тоже не хотелось, чтобы кто-нибудь, кроме нас, знал правду. Я ставлю только одно-единственное условие: мы не будем спать вместе. На людях мы будем разыгрывать влюбленных молодоженов, но по существу наш брак останется фиктивным. Поэтому, если в твоём доме

всего лишь одна спальня, тебе придется спать на диване в гостиной.

— У меня две спальни, — заверил Кен.

— Прекрасно.

— А теперь давай ключи от машины.

— Я же сказала, что не поеду на мотоцикле!

— А я сказал, что не позволю тебе садиться за руль в таком состоянии. Посмотри на себя в зеркало: на тебе же лица нет. — И, открыв дверцу, он быстро вынул ключи из зажигания. — Садись на пассажирское сиденье и пристегни ремень безопасности. Я сам поведу машину. Пойду договорюсь, что оставляю здесь на пару дней мотоцикл.

И Кен ушел, ничуть не интересуясь, что скажет Эбигейл.

8

— Ты лживая скотина! Ты же говорил, что у тебя две спальни!

— И сейчас говорю, их действительно две. Одна спальня Линды, другая моя.

— Ах так?! Но ты же отлично знал, что твоя племянница не собирается уступать мне ни дюйма своей комнаты!

— К счастью для тебя. Жить в одной комнате с этой сорвиголовкой — удовольствие сомнительное.

Эбигейл бросила презрительный взгляд на большую двуспальную кровать, стоящую в спальне Кена, где и происходил разговор.

— Ты утаил от меня, что твоя племянница живет с тобой в одной квартире. И сделал это, чтобы заставить меня спать с тобой. Негодяй!

Кен внезапно крепко обнял Эбигейл и прижал к себе, гипнотизируя ее своими черными как ночь глазами.

— Ради всего святого, Эбигейл, говори тише. Нас услышат, — прошептал он. — Ты же сама согласилась принимать участие в этом спектакле. Не забывай, мы влюбленная парочка.

— А ты согласился на мое условие, — понизив голос, возразила Эбигейл. Упершись ладонями в грудь Кена, она попыталась оттолкнуть его, но не тут-то было. — Ты же обещал, что мы будем спать в разных комнатах!

— Разве? Я что-то этого не припомню. Ты сказала, что, если в моей квартире всего лишь одна спальня, мне придется спать на диване. А я заявил, что у меня две спальни. И это чистая правда! И, поскольку их действительно две, я не собираюсь спать на диване, я буду спать на своей кровати.

— Не выкручивайся! Ты сознательно обманул меня.

— Послушай, Эбигейл, не надо усложнять ситуацию. Я никогда не хожу окольными путями. Ты не хочешь заниматься со мной любовью — отлично! Я это понял и принял к сведению.

Эбигейл совсем растерялась. Возможно, причиной смятения ее чувств была близость Кена. Она все еще упиралась ладонями в его грудь и чувствовала под рубашкой мускулистое тело, тепло живой плоти и биение сердца. Запрокинув голову, Эбигейл взгляделась в глубину его черных завораживающих глаз, и ее бросило в жар. Исходившая от Кена мужская сила возбуждала ее. Эбигейл ощутила себя беспомощной, безвольной, потерявшей всякую способность оказывать сопротивление.

— Я не насилую женщин, — услышала она его тихий голос. — Запомни это, солнышко. И, надеюсь, теперь, когда ты беременна, тебе не взбредет в голову напиток.

— Конечно нет. — Эбигейл едва слышала, что говорит Кен, у нее кружилась голова, подгибались колени.

— В таком случае у нас не будет проблем, ты согласна?

— Не... не понимаю, — сдавленно пробормотала Эбигейл. — Я не улавливаю никакой логики в твоих словах.

Она изо всех сил пыталась взять себя в руки, сосредоточиться на том, что говорит Кен. — А логика совершенно простая. — Он усмехнулся. — Ты утверждаешь, что бросилась в мои объятия лишь потому, что была вдрызг пьяна. Следовательно, если ты не напьешься в очередной раз, то мне нечего опасаться домогательств с твоей стороны. А не будешь сама приставать ко мне, я тебя пальцем не трону. Так что твоя безопасность зависит только от тебя самой. Теперь понятно?

Эбигейл словно холодной водой окатили. Ее охватила такая ярость, что она рывком высвободилась из ненавистных объятий Кена и отступила в дальний угол комнаты.

— Отлично! В таком случае я не возражаю: мы будем спать в одной постели. Но ты прогонишь со двора этого отвратительного пса! — Эбигейл стремилась хоть на ком-то выместить зло. — Я его видеть не могу.

Кен удивленно вскинул брови.

— Бедный старина Рекс, интересно, чем он тебе не угодил?

— Я его боюсь! — Рекс действительно облаял Эбигейл, когда та поднималась по ступеням, направляясь в дом. — Я настаиваю, Кен, чтобы духу этого пса здесь не было!

Она на самом деле боялась больших собак. На глазах Эбигейл бродячая свора покусала ее подружку. И теперь Эбигейл охватывала паника каждый раз, как только она видела собаку без поводка и без ошейника. Как ни странно, Кен не стал смеяться над ее страхами.

— Не надо бояться Рекса, Эбигейл, — сказал он. — Пес не тронет тебя. Линда очень его любит, она подобрала щенка на улице и вырастила его. Поверь мне, он очень громко лает, но не кусается.

— Как ты можешь гарантировать, что он вдруг не укусит меня? Никто не знает, что взбредет в голову собаке!

— Ну хорошо, я скажу Линде, чтобы она держала Рекса на привязи и не разрешала заходить в дом. Ты довольна?

Эбигейл молча кивнула и огляделась. Комната была очень похожа на своего хозяина. Гардероб, тумба, на которой стоял телевизор, два кресла, огромная кровать — все это старье даже в лучшие свои дни мало напоминало роскошь, к которой привыкла Эбигейл.

Нет, я не смогу жить в этой комнате! — с отчаянием подумала она. Да еще если учесть, что мне придется спать в одной постели с Кеном!.. Однако Эбигейл тут же успокоила себя тем, что ее пребывание в этом доме будет недолгим. От силы неделя. Хотя, возможно, сорвиголове Линде хватит и этого времени, чтобы как следует попортить нервы своей будущей тете.

Эбигейл знала, что слухи о ее приезде в город сейчас распространяются со скоростью звука. По дороге к дому Кена они встретили Кейси Стронг, которая как раз выезжала из ворот своего особняка на роскошном лимузине, и Эбигейл не преминула обратить на себя внимание этой записной сплетницы. Она помахала ей с милой улыбкой и успела заметить, как у Кейси глаза на лоб полезли при виде Эбигейл Ричардсон и Кена Уоррена, сидящих в одной машине.

Эбигейл готова была дать голову на отсечение, что максимум через три дня Сьюзан начнет трезвонить ей по телефону, умоляя одуматься. И Эбигейл непременно «одумается», как только мачеха снимет запрет на выплату ей ежемесячного содержания. А до тех пор Эбигейл решила терпеть обитателей квартиры над ветлечебницей, по мере возможности избегая отвратительного пса и еще более отвратительную девчонку, племянницу Кена.

Что же касается самого Кена, то Эбигейл побаивалась его. Он казался ей непредсказуемым. Кен вполне мог расстроить ее планы каким-нибудь хитрым трюком. Поэтому Эбигейл следовало держать ухо востро и не выдать ненароком своих намерений.

Существовала и еще одна проблема, связанная с Кеном. Эбигейл с неохотой призналась себе, что испытывает к нему физическое влечение, а это осложняло ее и без того трудное положение. Эбигейл контролировала теперь каждый свой шаг, боясь поддаться минутной слабости и пойти на поводу у своих эмоций. Желание близости с этим негодяем — обычное гормональное расстройство, связанное с беременностью, оно скоро пройдет, успокаивала себя Эбигейл.

Голос Кена вывел ее из задумчивости.

— Если ты уже немного освоилась здесь, то пора познакомиться с остальными членами моей команды.

— Команды? — удивилась Эбигейл. — Какой команды?

— Так я называю своих друзей, которые работают вместе со мной. Их зовут Мэт и Полли. — Кен достал из кармана маленькую коробочку и протянул ее Эбигейл. — Тебе лучше надеть вот это... Я купил его вчера вечером.

Эбигейл взяла футлярчик — в таких обычно продаются ювелирные изделия — и, открыв его, ахнула. На черном бархате покоилось кольцо из белого золота с бриллиантом. Эбигейл не верила своим глазам. Откуда у Кена такие большие деньги? Подобный подарок был явно не по карману простому ветеринару. Тем более что до этого Кен выложил кругленькую сумму, оплатив все ее долги. Эбигейл почувствовала угрызения совести: Кен делает ей дорогие подарки, а она в это время строит планы, как побыстрее сбежать от него.

— Какое красивое! — искренне восхитилась она. — Ты так потратился, Кен... Право, не стоило этого делать.

— Очень даже стоило, — возразил он. — Могут найтись люди, которые не поверят в разыгрываемый нами спектакль и поймут, в чем дело. А дело, как ты помнишь, в том, что мы случайно переспали с тобой и у меня оказался бракованный презерватив. Я хочу заткнуть рты подобным людям. Все знают, что такой парень, как я, может выбросить на ветер сумасшедшие деньжищи, только если действительно совсем потерял голову. — Кен усмехнулся. — Это дорогое кольцо — неопровержимое доказательство того, что я по уши влюбился в тебя. С другой стороны, твои знакомые заподозрили бы неладное, если бы ты надела на палец дешевую подделку. Принцессы не изменяют своим вкусам, даже когда выходят замуж за свинопасов. Так что надевай кольцо и носи его на здоровье.

Как ни странно, кольцо точно подходило по размеру. Эбигейл понимала, что это не может быть случайностью. Кен внимательно приглядывался к ней. Запоминал, что она ест, как одевается, какие украшения предпочитает. Еще раз взглянув на кольцо, Эбигейл решила завтра же застраховать его. Жаль, конечно, что Кен истратил кучу денег на украшение, которое ей предстояло носить всего лишь неделю, но будет еще хуже, если с драгоценным подарком что-нибудь случится.

— Ну что, ты готова? — Кен все это время с усмешкой наблюдал, как Эбигейл любитесь кольцом, поблескивающим на ее руке.

Она кивнула и улыбнулась ему.

— У тебя, оказывается, отличный вкус, Кен, — похвалила Эбигейл, не зная, как еще выразить свою благодарность.

Кен внимательно посмотрел на нее, и от его пристального взгляда по спине Эбигейл забегали мурашки.

— Ты ошибаешься, я просто попросил продать мне самое дорогое кольцо, какое найдется в магазине, — сказал он с усмешкой.

Кен не ожидал открытого сопротивления со стороны своих друзей. Тем не менее они приняли Эбигейл в штыки. Только теперь Кен до конца осознал, какая пропасть разделяет Эбигейл и Полли. Дело было даже не во внешнем облике: одетая в мешковатый комбинезон с надписью «Лечебница Уоррена» Полли, конечно, не могла сравниться с ухоженной элегантной Эбигейл. Кена в первую очередь поразил контраст в их манере держаться, разговаривать, в их воспитании, наконец!

Эбигейл несмотря на то что знакомство с друзьями Кена явно не доставило ей большого удовольствия, была исключительно вежлива и приветлива, улыбка не сходила с ее лица. Словом, она старалась соблюдать приличия. Что же касается Полли, то та занималась стрижкой карликового пуделя и едва повернула голову в сторону Эбигейл и Кена, чтобы поздороваться, когда они вошли. Кен сразу же понял, что Линда успела сообщить ей о неожиданном приезде Эбигейл Ричардсон. Когда слухи о беременности Эбигейл дошли до Полли и та узнала, кто отец ребенка, она набросилась на Кена с упреками.

— Я думала, у тебя больше мозгов в голове! — сердито кричала Полли. — На кой черт ты залез в постель к этой богатой курице да еще заделал ей ребенка?

Известие о том, что Эбигейл и Кен давно любят друг друга, добавило масла в огонь. Полли дулась на Кена и не собиралась это скрывать. Однако тот, несмотря на мрачное настроение подружки, представил женщин друг другу. Полли молча кивнула, а Эбигейл приветливо улыбнулась.

— Кен, скажи ей, чтобы не носила здесь такие дорогие шмотки, — неожиданно сказала Полли. — Того и гляди замарается.

Она криво усмехнулась. Эбигейл обескуражено посмотрела на нее. Появление Мэта несколько сгладило неловкость. Огромный детина, пропахший всевозможными звериными запахами, протянул Эбигейл черную от вьевшейся грязи руку.

Эбигейл на мгновение растерялась, но тут же справилась с собой и вложила в его ладонь свои холеные пальчики с длинными ухоженными ногтями, покрытыми ярким лаком.

— Мэт, — пробасил верзила.

— Очень приятно, — вежливо отозвалась Эбигейл, борясь с сильным желанием достать носовой платок и хорошенько вытереть руку, которую только что пожал приятель Кена.

— Кстати, ребята, вы первые, кому я хочу сообщить, что мы с Эбигейл решили пожениться и уже подали документы на регистрацию. Через месяц свадьба.

У Мэта отвисла челюсть, Полли чуть не подавилась жевательной резинкой. В помещении установилась звенящая тишина. У Эбигейл был такой несчастный вид, будто ее приговорили к казни на электрическом стуле. Видя, что она забыла о своей роли, Кен обнял ее за плечи, Эбигейл тут же пришла в себя и улыбнулась ему так лучезарно, что по спине Кена забегали мурашки. Сексапильности Эбигейл могла позавидовать любая кинозвезда.

— Ты хочешь сказать, что женишься на этой телке? — первой нарушила затянувшееся молчание Полли. — Ты что, белены объелся?

На ее лице застыло выражение неподдельного ужаса. Эбигейл не стала обижаться на Полли, понимая, что такова манера изъясняться в этом квартале и ей вряд ли удастся за неделю перевоспитать его обитателей.

— Послушай, Кен, — поддержал свою подружку Мэт, — к чему такая спешка? Весь город все равно уже знает, что она залетела.

Эбигейл вспыхнула от возмущения и тут же почувствовала, как Кен сжал ее руку.

— Поверь мне, Мэт, — громко сказал он, стараясь, чтобы его слова звучали как можно убедительнее, — мы женимся вовсе не потому, что Эбигейл забеременела. Решение создать семью созрело у нас давно, не правда ли, дорогая?

Эбигейл отметила, что Кен, оказывается, умеет очень вдохновенно врать. Сама она после таких слов пришла, пожалуй, в еще большую растерянность, нежели друзья Кена. Однако Эбигейл быстро взяла себя в руки и, решив доказать, что она наделена не менее ярким актерским талантом, поцеловала Кена в щеку и одарила его очаровательной улыбкой.

9

Ее улыбка сведет меня с ума, думал Кен, раздеваясь и укладываясь в постель.

Эбигейл сидела спиной к нему на другом конце кровати. Наконец услышав, что Кен лег, она обернулась и процедила сквозь зубы:

— Если ты хотя бы на четверть дюйма придвинешься ко мне, прощайся навсегда с сексом.

— Ты выражаешься двусмысленно...

— Я выражаюсь совершенно ясно, и у меня нет никакого желания шутить и играть словами.

Кен усмехнулся.

— Когда мне угрожают, я обычно принимаю вызов. Ты на это рассчитываешь?

— Я рассчитываю на то, что ты наконец замолчишь и дашь мне спокойно уснуть. — Эбигейл легла и повернулась спиной к Кену.

— В таком случае последний вопрос. Ты всегда спишь в футболках большого размера?

— Нет, конечно.

— А почему сегодня решила одеться подобным — признаюсь, довольно соблазнительным — образом?

— Потому что у меня больше нет с собой ничего подходящего.

— Вот оно что! А я думал, что ты тоже любишь спать голой, только стесняешься.

— Нет, я не люблю... — Эбигейл осеклась, догадавшись, что Кен имеет в виду. — Что значит «тоже»? Ты хочешь сказать, что лег в постель голым?

Эбигейл пришла в ужас от осознания того, что может произойти. Достаточно одного прикосновения Кена, и она потеряет над собой контроль. Смутные воспоминания о проведенной с ним ночи будоражили воображение Эбигейл. Обернувшись, она взглянула на Кена и увидела, что тот медленно стягивает с себя простыню. Как замороженная, она смотрела на обнаженную мускулистую грудь с коричневыми сосками и полоской завитков черных как смоль волос, плоский живот... Страхнув оцепенение, Эбигейл вскочила с кровати и отбежала к окну.

— Эй, что случилось? — услышала она за спиной насмешливый голос Кена. — Ты боишься взглянуть на мои шорты? Уверю тебя, они не менее сексуальны, чем твоя футболка.

Эбигейл не ответила. Прижавшись пылающим лбом к холодному стеклу, она пыталась унять бьющую ее дрожь. Почему она все время поддается на провокации этого негодяя? Эбигейл с ужасом подумала о том, что ей придется жить с Кеном еще несколько дней под одной крышей. Сумеет ли она продержаться столько времени в чужой, враждебной обстановке? Эбигейл появилась в этом доме восемь часов назад и успела проглотить за это время столько обид, что хватило бы на полгода. Ее оскорбляли и унижали на каждом шагу!

Еще в Ванкувере она приняла твердое решение со всем смиряться, терпеть любые выходки асоциальных типов, населявших этот район Ричвилла, и в ответ на грубости вежливо улыбаться, памятуя о том, что ей недолго придется жить здесь. Но действительность превзошла самые мрачные ожидания. Сначала на Эбигейл набросился отвратительный пес Кена, напугав ее до полусмерти. Тут уж было не до улыбок. А затем суровые испытания последовали одно за другим. Оказалось, что вторая спальня, о которой ей говорил Кен, принадлежит его племяннице Линде. Эбигейл, конечно, не подозревала об этом, и, когда Кен указал ей на дверь своей комнаты, решительно взялась за ручку другой, соседней, полагая, что та комната предназначена для нее. И тут Линда, как раз находившаяся в спальне, закатила настоящий скандал, заявив, что Эбигейл дурно воспитана и врывается в чужую комнату без

стука. Кен еле успокоил разбушевавшуюся племянницу.

— Я пошутил, Эбигейл. — Голос Кена вывел ее из задумчивости. — Ты что, шуток не понимаешь? Где твое чувство юмора?

— Если это шутка, то очень плоская, — не оборачиваясь, буркнула Эбигейл.

— Согласен. — Кен засмеялся. — Но я не могу позволить, чтобы ты всю ночь простояла у окна. Иди ложись. Клянусь, я пальцем тебя не трону.

— Я не хочу, чтобы мной командовали. Спи. Я лягу, когда сочту нужным.

— Ладно. Не горячись.

Вглядываясь в ночную тьму за окном, Эбигейл перебирала в памяти события сегодняшнего дня.

Не успела она отойти от скандала, устроенного Линдой, как произошла стычка с друзьями Кена. Честно говоря, угрюмый верзила Мэт понравился Эбигейл намного больше миниатюрной вульгарно покрашенной Полли, постоянно жующей резинку. Она очень недоброжелательно отнеслась к Эбигейл, хотя та не давала ей никакого повода для этого. Эбигейл решила, что замухрышка Полли — бывшая любовница Кена, отправленная им в отставку. С ней мне никогда не найти общего языка, подумала она.

Когда Эбигейл высказала свои подозрения Кену, тот расхохотался. Он заявил, что Полли давно живет с Мэтом, у них крепкая семья, хотя они не регистрировали свой брак и не венчались. У Полли ребенок, и сейчас она мечтает о втором, от Мэта. Эбигейл представить не могла, как уживаются эти два столь разных человека: добродушный гигант Мэт и острая на язычок язвительная Полли. Среди знакомых Эбигейл тоже были люди, состоявшие во внебрачных связях. Но воспитывать вместе детей, не оформив предварительно соответствующего нотариально заверенного договора о разделении прав и обязанностей и не заключив официального брака, мог только сумасшедший, не заботящийся о своем финансовом положении и социальном статусе.

Эбигейл вдруг подумала, что Кен может догадаться о ее планах сорвать свадьбу, поскольку она до сих пор не предложила ему составить брачный контракт. Накануне вступления в брак с Томом Эбигейл предложила ему оформить такой юридический документ, но Том возмутился и со слезами на глазах начал упрекать ее в том, что она не верит в его любовь, сомневается в его порядочности. Эбигейл под давлением его истерик отказалась от своего намерения, о чем горько пожалела, когда выяснилось, что Том промотал все ее состояние.

Кен знает, что через два года его невеста вступит в права наследства и станет состоятельной женщиной, и он, конечно, ждет от нее предложения заключить брачный контракт, чтобы гарантировать сохранность своего капитала от посягательств супруга. Эбигейл опасалась, что, если в ближайшее время не потребует составления проекта такого документа, Кен может заподозрить неладное.

Покусывая нижнюю губу, Эбигейл напряженно размышляла над сложившейся ситуацией. Дня через три Сьюзан уже не сможет отмахиваться от слухов о предстоящей свадьбе «принцессы Эбигейл» и «негодяя» Кена Уоррена. Об этом будет говорить весь город, об этом будут шушукаться соседи и знакомые за спиной мачехи. Еще три, максимум четыре дня придется терпеть шуточки Кена, враждебность Полли и выходки вздорной Линды. Я справлюсь, твердо сказала себе Эбигейл.

Чтобы усыпить бдительность Кена, она решила завтра же потребовать встречи адвокатов обеих сторон для обсуждения проекта брачного договора. Конечно, это пустое занятие. Но, с другой стороны, слух о работе над таким документом подстегнет Сьюзан действовать быстрее и решительнее.

Эбигейл представила, какое торжество испытает, когда осуществятся все ее замыслы. Конечно, Кен не любит проигрывать и, несомненно, будет настаивать на официальном признании своего отцовства и прав на ребенка. Эбигейл была готова в разумных пределах пойти ему в этом вопросе навстречу и гарантировать возможность встречаться с сыном или дочерью. В конце концов, Кен Уоррен не такой уж плохой человек, хотя, конечно, негодяй... Эбигейл улыбнулась. Как он ловко разыграл ее сегодня со спальней!

Она устало вздохнула. Ей нелегко пришлось сегодня. Пора ложиться спать. Она обернулась и взглянула на лежащего на кровати мужчину. Кен, по-видимому, крепко спал.

— Дал же Бог негодяю такое красивое тело, — пробормотала она. — Берегись, Эбигейл, помни, что секс не решит твоих проблем.

Подойдя на цыпочках к кровати, она скользнула под простыню, но не успела блаженно вытянуться, как вдруг услышала сонный голос Кена:

— Но и не прибавит новых, потому что ты уже беременна.

Эбигейл вздрогнула от неожиданности.

— Я думала, ты спишь.

Кен хмыкнул.

— Ты уже не в первый раз заблуждаешься на этот счет.

— Возможно. Ты ведь искусно притворяешься. А теперь будь добр, оставь меня в покое и дай выспаться.

— Ради Бога, Эбби, спи спокойно. Приятных тебе сновидений. — Его голос звучал почти ласково.

— Пошел ко всем чертям! — Эбигейл накрыла голову подушкой. — И запомни: меня зовут не Эбби, а Эбигейл.

10

— Кен! — В голосе Эбигейл звучала тревога.

Он повернул голову и увидел стоящую на пороге кухни Эбигейл, одетую все в ту же футболку. Волосы Эбигейл рассыпались по плечам, на лице застыло выражение растерянности.

— Дверь в ванную комнату заперта, — сообщила она.

Кен пребывал в отвратительном расположении духа. Ночью его мучили кошмары и донимали эротические сны, так что утром он вынужден был долго стоять под холодным душем. И все это по милости Эбигейл.

— Если хочешь первой занять ванную комнату, вставай раньше, — проворчал он, отводя глаза в

сторону.

— Хорошо, а сейчас проводи меня в другую ванную. И побыстрее! — Эбигейл чуть не плакала, прижимая руки к груди.

— Прости, но у меня в доме всего лишь одна ванная комната. Внизу...

— О Боже! Мне плохо... — простонала она.

— Прекрати ломать коме...

Взглянув на Эбигейл, Кен осёкся и, вскочив, бросился за пластиковым тазиком, висевшим рядом с раковиной. Кен едва успел поднести его к лицу Эбигейл, как у той началась страшная рвота. У Кена сердце переворачивалось от ее сдавленных душераздирающих хрипов. Он чувствовал себя довольно глупо, поскольку не знал, чем облегчить ее страдания. Поддерживая Эбигейл за талию, он говорил ей слова утешения, ободрял как мог, а потом принес полотенце.

Кен поражался самому себе: то, что Эбигейл возбуждала его как женщина, было полбеды. Оказывается, она могла не только соблазнять его своим телом, не только злить, раздражать, приводить в ярость своим высокомерием и снобизмом, но и вызывать в нем сочувствие. Сейчас Кен видел перед собой слабую беспомощную женщину с мертвенно-бледным, покрытым холодной испариной лицом и с полными слез глазами.

Немного отдышавшись, Эбигейл попросила стакан холодной воды. Кен заботливо усадил ее на стул и со всех ног бросился к раковине.

— Спасибо, — еле слышно промолвила она, сделав несколько глотков. — Сейчас все пройдет.

Кен осторожно взял Эбигейл на руки и, не обращая внимания на слабые протесты, отнес в спальню. Уложив Эбигейл в постель, он сел рядом на краешек кровати и начал ласково поглаживать ее по щеке. Эбигейл закрыла глаза и, убаюканная, задремала.

Очнувшись через некоторое время, она увидела, что Кен все еще сидит рядом. Его забота тронула сердце Эбигейл. Ей захотелось поблагодарить его, но она не находила нужных слов, и только слабая улыбка появилась на ее губах. — Я выгнал Линду из ванной комнаты, — сказал Кен. — Как только тебе станет лучше, ты можешь принять душ, а потом я отвезу тебя к врачу.

— Мне не нужен врач. Это обычный утренний приступ тошноты.

— Возможно. — Кен не мог скрыть тревогу. — А возможно, ты подхватила какую-то инфекцию. Я знаю, ты вчера за весь день съела всего лишь один сэндвич и выпила чашку чая. И даже эта малость не усвоилась твоим организмом. Я должен немедленно показать тебя своему доктору.

— Благодарю за участие, но у меня есть свой врач. Я не хочу, чтобы меня обследовал какой-нибудь недоучившийся лекарь пенсионного возраста.

— Я передам твои слова Лайзе Макдаун, когда отвезу тебя на прием к ней.

— Твой доктор — женщина? — изумилась Эбигейл.

— Когда я серьезно болен, мне наплевать, какого пола врач, оказывающий помощь, — сухо заметил Кен. — Но я знаю, что женщины часто предпочитают обращаться к врачам-женщинам, и думаю, ты тоже не откажешься проконсультироваться у Лайзы.

— Я действительно тронута твоим вниманием, но повторяю: мне не нужен врач. Так что, если ты уже договорился с ней, позвони и отмени встречу.

— Послушай, Эбби, я не позволю тебе рисковать своей жизнью и жизнью малыша. Поэтому выбирай: или я везу тебя к Лайзе, или она приедет сюда. Итак, слово за тобой!

На скулах Кена заходили желваки: он был настроен решительно. Эбигейл поняла, что возражать не имеет смысла, Кен все равно настоит на своем.

— Ну хорошо, поедем к твоему доктору! — Она вздохнула. — Но хочу тебе напомнить, что сам ты специалист по проблемам здоровья животных, а не человека. И не думай, пожалуйста, что я буду и впредь безропотно подчиняться всем твоим приказам!

Войдя в помещение, в котором пациенты ожидали приема, Кен и Эбигейл присели на кожаный диванчик у окна. И сейчас же взгляды всех присутствующих обратились к ним. Люди перешептывались, с интересом рассматривая необычную пару.

Если мне сейчас вставят в рот термометр, его столбик, пожалуй, поднимется до крайней отметки, подумала Эбигейл, чувствуя, что у нее горит лицо. Она была готова провалиться сквозь землю. Но тут, на ее счастье, в приемной появилась медсестра и, найдя глазами Эбигейл, заявила, что получила распоряжение немедленно провести ее в кабинет для обследования.

Эбигейл с облегчением вздохнула и последовала за женщиной. Однако, к ее ужасу, Кен тоже поднялся и пошел вместе с ними. Медсестра, по-видимому, воспринимала как должное то, что Кен собирается присутствовать при осмотре своей невесты. На глазах у десятка местных жителей, с любопытством наблюдающих за ними, Эбигейл не могла помешать Кену войти в кабинет врача.

Эбигейл была знакома с Лайзой Макдаун, которая давно практиковала в Ричвилле. Женщины вместе участвовали в благотворительных акциях. Приятная в общении, обаятельная Лайза пользовалась уважением в городе, хотя среди ее клиентов не было состоятельных людей. Эбигейл испытывала симпатию к этой чернокожей женщине, однако на сей раз Лайза разочаровала ее, заявив, что, поскольку теперь в кабинете имеется ширма, Кен вполне может присутствовать при осмотре.

— Я уверена, что у Эбигейл будет спокойнее на душе, если ты будешь рядом, — заявила она, обращаясь к Кену.

И прежде, чем Эбигейл успела хоть что-нибудь возразить, Лайза взяла ее руку, измерила пульс и нахмурилась.

— У тебя, дорогая, сердце скачет галопом.

Если бы ты убрала отсюда лишних зрителей, мое самочувствие резко улучшилось бы, с горечью подумала Эбигейл. Рука Лайзы легла на ее лоб.

— Не нужен термометр, чтобы с уверенностью сказать: температура повышена. Кто твой гинеколог?

Эбигейл охватила паника. Она растерянно взглянула на Кена и увидела, что он не на шутку встревожился.

— Доктор Рон Келли в Ванкувере. Но почему ты спрашиваешь? Что-то не так?

Лайза улыбнулась и похлопала Эбигейл по плечу.

— Не волнуйся. По-видимому, ты подхватила вирусную инфекцию. Но, следуя правилам профессиональной этики, я должна позвонить доктору Келли, уведомить его, что я берусь за твоё лечение, и объяснить, почему ты обратилась ко мне за медицинской помощью. К тому же, поскольку ты теперь будешь числиться среди моих пациентов, мне нужна копия твоей медицинской карты.

— Моей... моей карты? — заикаясь, переспросила Эбигейл. Лайзе так и не удалось развеять её страхи.

— Да, карты. Что с тобой, Эбигейл, тебе нехорошо?

— Нет, все в порядке. — Эбигейл очень не хотелось, чтобы Рон Келли был посвящен в историю ее отношений с отцом будущего ребенка.

— У тебя есть номер его телефона?

После секундной заминки Эбигейл кивнула и, открыв сумочку, достала из нее визитную карточку доктора Келли.

Кен не понимал, почему Эбигейл с такой неохотой говорит с Лайзой о своем докторе.

— Надеюсь, ты сумеешь связаться с ним. Честно говоря, это редко кому удается. У него очень суровая секретарша... — предостерегла Лайзу Эбигейл.

Та только рассмеялась.

— Думаю, она свяжет меня с Роном немедленно, когда услышит, что мы с ее шефом однокашники.

— Но он стал светилом медицины в большом городе, а ты, Лайза, практикуешь здесь, в захудалом Ричвилле, — поддел ее Кен.

Доктор Макдаун снисходительно улыбнулась.

— Не всем же работать в мегаполисах, в небольших городах люди тоже болеют. Кстати, вы знаете, почти все девчонки нашего курса бегали за Роном. Я была из тех немногих студенток, которым удавалось сохранять хладнокровие по отношению к этому очаровательному малому. Сейчас он считается лучшим гинекологом провинции, но на самом деле он так и остался напыщенным дутым пузырем.

И это действительно так! — подумала Эбигейл с грустью. Лайза как врач нравилась ей куда больше холеного самодовольного Рона, у которого не было отбою от поклонниц его медицинского таланта. Однако Эбигейл не хотела признавать справедливость слов Лайзы в присутствии Кена.

— Ты не хочешь извиниться передо мной? — спросил Кен сорок минут спустя, когда они шли по переулку, направляясь в аптеку за лекарством, прописанным Эбигейл от приступов утренней тошноты.

— За что? — удивилась она.

— Помнится, совсем недавно ты высказала сомнение в том, что специалист по здоровью животных может разбираться в проблемах, связанных со здоровьем человека. Однако я сразу понял, что твое недомогание — нечто более серьезное, чем приступы обычной утренней тошноты. И оказался прав.

— Ты просто случайно угадал. Такое бывает.

— Значит, ты отказываешься видеть во мне проницательного человека?

Эбигейл ничего не ответила. Кен всегда стремился, чтобы последнее слово оставалось за ним, и это раздражало ее. Она с надеждой посматривала на редких прохожих. Эбигейл очень хотелось встретить сейчас одну из приятельниц Сьюзан, представить ей Кена, ненароком обратить внимание на роскошное обручальное кольцо, посверкивающее на ее пальце. Но, к сожалению, знакомые мачехи очень редко заглядывали в этот район города.

— Послушай, Кен, а не отправиться ли нам в кафе «Паризьен» после того, как мы купим это чудодейственное, по словам Лайзы, снадобье?

— На другой конец города? Не вижу смысла. Здесь рядом с аптекой есть очень уютный молочный бар, мы могли бы там посидеть.

Эбигейл не успела ответить. Внезапно послышался пронзительный визг тормозов: рядом с ними у тротуара остановился роскошный «бентли», застопорив движение транспорта на узкой улочке.

— О Боже, да это же мой будущий родственничек... — пробормотал Кен, увидев за рулем машины Майкла Ричардсона.

Эбигейл, не веря своему везению, помахала рукой брату.

— Майкл, ты хочешь, чтобы у тебя отобрали права?! Здесь же нельзя останавливаться! — наигранно сердито воскликнула она.

— Я всего лишь проверил тормоза. Я же не виноват, что мама купила мне подержанную машину и тормоза постоянно барахлят.

— Действительно, Эбигейл, — поддержал Майкла Кен, — судя по душераздирающему звуку, который они издают, тормоза не в порядке.

Лицо Майкла расплылось в улыбке, он бросил на Кена приветливый взгляд, обрадовавшись неожиданной поддержке.

— Вот видишь, сестренка? Привет, Уоррен! — поздоровался он с Кеном.

Кен добродушно усмехнулся.

— Привет.

Майкл подмигнул ему и нажал на газ. Глядя ему вслед, Кен подумал, что в свое время чем-то был очень похож на этого желторотого юнца. Носясь на мотоцикле по улицам города, он тоже упивался чувством собственного превосходства и не считался с интересами других водителей и пешеходов. Но все это безвозвратно отошло в прошлое. Кен искоса взглянул на Эбигейл. Теперь у него совсем другие заботы.

Выйдя из аптеки, Эбигейл и Кен увидели, что Майкл поджидает их на небольшой парковке. Эбигейл радостно подбежала к брату, и Кен последовал за ней. Он невольно залюбовался своей невестой: от ее бывшей бледности не осталось и следа, теперь щеки Эбигейл заливал яркий румянец, глаза сияли, она громко смеялась шуткам Майкла. Кен предложил посидеть в расположенном напротив аптеки молочном баре, и Эбигейл тут же охотно согласилась. Майкл тоже был не против пообщаться с сестрой и с ее женихом.

Их долго не обслуживали, и Кен сам отправился к стойке, чтобы сделать заказ. Оставшись наедине с братом, Эбигейл внутренне подобралась. Ей было очень важно убедить Майкла в серьезности своих намерений выйти замуж за Кена. У Майкла на этот счет не должно остаться и тени сомнения. Но Эбигейл боялась переиграть и поэтому решила не заговаривать о предстоящей свадьбе первой. Она знала, что Майкл рано или поздно сам заведет об этом речь.

— Я не ожидала встретить тебя здесь, в этом районе, — сказала Эбигейл. — Я думала, что ты с приятелями, как всегда в это время года, отправился на прогулку по заливу.

— Да, мы действительно отдыхали на яхте, я только вчера вернулся.

— Правда? Надеюсь, ты приятно провел время?

— Да так себе. — Майкл кисло улыбнулся. — Мои каникулы — не самая интересная тема для разговора. Куда занятнее новость, которую я узнал недавно. Я, оказывается, скоро стану не только дядей, но и шурином? — Майкл задумчиво покачал головой. — Ну что ж, прими мои поздравления, Эбигейл. Я и не подозревал, что ты способна на такую сделку.

— Это не сделка, Майкл.

— Ну да, конечно. — Майкл смерил сестру скептическим взглядом. — Скажи еще, что ты влюбилась в этого парня.

— Не понимаю, чему здесь удивляться!

Майкл расхохотался.

— Любовь слепа, я знаю, но всему есть предел, сестренка. Ни за что не поверю, что ты могла полюбить старину Уоррена. Вот если бы ты сказала, что подобным маневром пытаешься обвести вокруг пальца мою мамочку, это я отлично понял бы. Но по доброй воле выйти замуж за ветеринара — это, мягко выражаясь, непростительная глупость!

Эбигейл сделала вид, что страшно рассердилась.

— Майкл, если ты не прекратишь болтать всякий вздор, я попрошу тебя уйти! Мне не хотелось бы, чтобы твои слова огорчили Кена.

Изумление на лице Майкла сменилось озабоченностью.

— Ты это серьезно, сестренка? Запомни, таких парней, как Кен Уоррен, невозможно «огорчить», как ты выразилась. Такие, как он, заводятся с пол-оборота и сразу хватаются за пивные бутылки, чтобы разбить их о голову обидчика.

— Кен никогда в жизни не сделает ничего подобного! — горячо — и вполне искренне — вступилась за жениха Эбигейл. — Нет, Майкл, он не такой. Просто ты его плохо знаешь. И потом, с чего ты взял, что я выхожу за него замуж?

— По городу ходят упорные слухи, что через четыре недели у вас свадьба. Маму хватит удар, когда она это услышит.

— Когда она это услышит? — В голосе Эбигейл звучало разочарование. А она разве об этом еще не знает?

Майкл отрицательно покачал головой.

— Нет. Она гостит у тети Рут в Торонто. Завтра должна вернуться. Держу пари, мама упадет в обморок, когда узнает новость о твоей свадьбе.

Майкл истолковал вздох облегчения, который издала Эбигейл, по-своему: он решил, что сестра обрадовалась небольшой отсрочке семейного скандала.

— Не надо грустить, — постарался он ободрить ее. — Ты же наверняка знала, что мама никогда не смирится с твоим выбором. Сойтись с уголовником — это не шутка.

На этот раз Эбигейл действительно рассердилась.

— Кен вовсе не уголовник! — возразила она довольно резким тоном. — И я не «сошлась» с ним, как ты выражаешься, а собираюсь вступить в законный брак.

— И ты думаешь, это изменит отношение твоей мачехи к вашему сожителю?

— Мне наплевать на мнение Сюзан и ей подобных. Для меня главное — мои чувства к Кену. И, конечно, его чувства ко мне. — Эбигейл полагала, что именно так говорят влюбленные, но ее слова звучали не очень убедительно. — Кроме того, я и твоя мать — по сути чужие друг другу люди. Почему я должна считаться с тем, что она думает по поводу моей свадьбы?

Майкл помрачнел.

— Я знаю, что всегда был ее любимчиком, но разве я виноват в этом?

Эти слова тронули Эбигейл до глубины души. Внезапно она прониклась искренней симпатией к Майклу и на мгновение забыла про спектакль, который разыгрывала сейчас перед ним.

— Нет, Майкл, ты не виноват, — ласково сказал Эбигейл, похлопав брата по руке. — Я ни в чем тебя не упрекаю. Мы с твоей матерью были на ножах еще задолго до твоего рождения. — И, вспомнив свою роль, добавила: — Именно поэтому я не хочу идти у нее на поводу — отказываться от брака с отцом моего ребенка.

— Она будет всеми способами добиваться, чтобы ваша свадьба не состоялась. Ведь твой брак вредит репутации семьи.

— Мне недолго осталось носить фамилию Ричардсон. — И Эбигейл изобразила на лице улыбку блаженства.

Майкл нахмурился.

— Неужели ты действительно любишь этого парня? Просто не укладывается в голове.

— Ты не учитываешь одного важного обстоятельства, — нашлась Эбигейл. — После неудачного брака с Томом только любовь могла бы заставить меня снова выйти замуж.

Несколько мгновений Майкл не сводил с нее изучающего взгляда, затем, сокрушенно покачав головой, отвел глаза.

— В таком случае, готовься к самому худшему. Мама сделает все возможное и невозможное, чтобы разлучить тебя с любимым человеком.

— О, не беспокойся, Майкл. — Эбигейл не удалось скрыть радостную улыбку. — Я давно готова к этому.

Более того, я рассчитываю, что Сьюзан предпримет самые решительные действия, добавила она про себя.

11

Несмотря на уверения Эбигейл, что она чувствует себя отлично и даже не испытывает обычных приступов тошноты, ее состояние внушало Кену серьезное беспокойство.

Эбигейл день ото дня нервничала все сильнее, тщетно пытаясь вступить в контакт со своей мачехой. Та уехала из Торонто, где гостила у своей тетушки, но куда — не знал никто. Местопребывание Сьюзан так и осталось для Эбигейл неизвестным. Майкл отправился с друзьями в горы и не мог помочь сестре в ее поисках.

Кену было плевать на отношение высокомерной миссис Ричардсон к нему самому, но он видел, что Эбигейл буквально сходит с ума, пытаясь навести хоть какие-нибудь справки о местонахождении мачехи. Для нее, по-видимому, было очень важно, чтобы миссис Ричардсон присутствовала на церемонии бракосочетания.

Последняя неделя перед свадьбой превратилась для Кена в настоящий кошмар. Эбигейл то приходила в ярость, то замыкалась в себе и целыми днями молчала. Ее поведение становилось непредсказуемым, и Кен не на шутку беспокоился за нее и за будущего ребенка. Путая день с ночью, Эбигейл могла в любое время суток умчаться на своем автомобиле в неизвестном направлении и пропасть на несколько часов. В ожидании ее возвращения Кен выкуривал по пачке сигарет, расхаживая из угла в угол в гостиной, из широкого окна которой хорошо просматривалась подъездная дорога к дому, и успокаивался только тогда, когда на ней появлялся спортивный автомобиль Эбигейл. Кен советовался с доктором Макдаун. Лайза успокаивала его, уверяя, что беременные женщины подвержены резким сменам настроения, неуравновешенны, их психика нестабильна. Кен во всем винил Сьюзан, считая ее причиной стресса, переживаемого Эбигейл. На любое его замечание или предложение следовала совершенно неадекватная, как он считал, реакция: Эбигейл то внезапно начинала плакать, то впадала в ступор. Кен опасался за ее психическое здоровье.

Наконец настал день свадьбы. Эбигейл выглядела просто потрясающе и в своем белом подвенечном наряде казалась неземным существом. Рядом с Эбигейл стоял элегантно одетый Майкл — он должен был вести сестру к алтарю. Кен был благодарен ему за то, что он пришел сегодня на бракосочетание сестры, несмотря на отсутствие других родственников со стороны невесты. Сьюзан, как утверждали злые языки, «скрылась от позора» за границей.

Когда Майкл подвел сестру к алтарю и вложил ее руку в руку жениха, Кен ощутил, что Эбигейл бьет нервная дрожь. Может быть, с надеждой подумал он, искоса поглядывая на невесту, эта дурацкая церемония закончится и наша жизнь вступит наконец в нормальную колею.

Эбигейл чувствовала, что вот-вот потеряет сознание и рухнет на пол посреди церкви. То, что

сейчас происходило наяву, не снилось ей и в кошмарном сне. Все ее хитроумные планы рухнули. Случилось невозможное, невысказанное!

О Боже, помоги мне! — молила Эбигейл. Пошли потоп, землетрясение, внезапную смерть — все, что угодно! Только останови это безумие, Господи!

Она искоса взглянула на черноволосого красавца, стоящего рядом с ней, и совсем сникла.

— Вы готовы? — обратился священник к жениху и невесте.

Эбигейл хотела на всю церковь крикнуть «нет!», но силы покинули ее, и крик застрял в горле. От осознания, что она не владеет собой, ее охватила паника. Ей хотелось, пока не поздно, бежать отсюда куда глаза глядят, но разум приказывал остаться. Что толку, если я сбегу сейчас из церкви? — с отчаянием рассудила она. Моя жизнь безвозвратно погублена.

— Эбигейл, ты готова? Можно начинать церемонию? — шепотом спросил священник у стоящей с отсутствующим видом невесты.

Эбигейл чуть не расхохоталась в лицо этому ханже. Сразу же после того, как Кен обратился к нему с просьбой совершить церковный обряд бракосочетания, этот пастырь человеческих душ позвонил Эбигейл и начал убеждать ее не усугублять своего положения женщины, носящей под сердцем внебрачного ребенка, позорным замужеством. Эбигейл не сомневалась, что причиной его горячей заботы было вмешательство Сюзан, наверняка пообещавшей приходу солидное пожертвование в случае, если удастся отговорить ее падчерицу от опрометчивого поступка.

Священник окинул собравшихся на торжественную церемонию строгим взглядом, и в церкви воцарилась гробовая тишина. Эбигейл судорожно сжала руку Кена, будто ища у него защиты в этот страшный для себя момент. Сила и уверенность, исходившие от него, всегда успокаивали Эбигейл. Сейчас решалась не только ее судьба, но и судьба ее ребенка. И, поскольку Сюзан, как оказалось, вовсе не спешила выписывать своей падчерице чек на кругленькую сумму, той ничего не оставалось делать, как плыть по течению.

И Эбигейл кивнула священнику.

— Игл Кеннет, ты согласен взять в жены?..

Эбигейл обомлела. Игл? Первое имя Кена соответствует лучшим индейским традициям. Орел он, видите ли! О Боже, я выхожу замуж за человека, первое имя которого не имя, а какая-то кличка! А что, если это семейная традиция Уорренов? Что, если Кен захочет назвать нашего ребенка Росомахой или, к примеру, Острием Стрелы? Нет, я этого не допущу, поклялась Эбигейл, лихорадочно перебирая в памяти приемлемые имена, которыми можно было бы назвать ребенка. Она краем уха слышала, о чем говорит священник, и очнулась, лишь когда услышала фразу:

— Игл Кеннет и Эбигейл, я объявляю вас мужем и женой. Игл Кеннет, ты можешь поцеловать свою супругу.

Когда смысл слов, произнесенных священником, дошел до сознания Кена, его охватила паника. Слишком долго его снедало тайное желание овладеть этой женщиной. Долгими ночами он лежал в постели рядом с Эбигейл и, не в силах уснуть, мечтал о близости с ней. Кен боялся себя, своей непредсказуемой реакции на невинный поцелуй.

В церковь набилось столько народа, что казалось, будто половина Ричвилла присутствует на их бракосочетании, и все эти люди напряженно следили за Кеном, не веря своим глазам. Новоиспеченный муж отказывался поцеловать новобрачную!

Это был скандал. Но Кен ничего не мог поделать с собой.

— В горе и в радости, в болезни и в здравии, в богатстве и в бедности... — бубнил священник, не обращая внимания на шушуканье собравшихся, явно недовольных непонятным поведением Кена.

Тем временем Кен старался вдуматься в смысл слов священника. В последнее время он действительно стал хорошо разбираться в том, что такое болезнь и что такое здоровье. Горе и радость ему тоже были хорошо знакомы. Бедность Кена не пугала. Что же касается богатства, то оно одно могло разлучить его с Эбигейл. Через два года его жена разбогатеет и перестанет нуждаться в его помощи. Кен прекрасно знал об этом и раньше, но до сего момента это обстоятельство его мало волновало. Теперь же перспектива потерять Эбигейл и ребенка ужасала его.

Кен оцепенел от открывшейся ему истины: он любит Эбигейл.

Эбигейл пребывала в растерянности: Кен не захотел поцеловать ее! И это несмотря на подбадривание и все усиливавшееся улюлюканье его друзей, присутствовавших в церкви! Никогда прежде ее не подвергали подобному публичному унижению, ее самолюбие было уязвлено. И лишь необходимость соблюдать приличия мешала Эбигейл повернуться лицом к Кену и сказать на всю церковь: «Знаешь, дорогой, меня тоже тошнит при одной мысли, что мне нужно с тобой поцеловаться. Однако я готова на это, потому что уговор дороже денег!»

Чувствуя, как глупо они с Кеном сейчас выглядят, Эбигейл собралась с духом и, повернувшись к новобрачному, положила руки ему на плечи. В ответ на ее действия по храму прокатился гул одобрительных возгласов, кто-то даже негромко свистнул. Священник прервал речь, пару раз кашлянул и медленно обвел присутствующих строгим взглядом.

Эбигейл приподнялась на цыпочках и, приблизив свое лицо к лицу Кена, прошептала:

— Поцелуй меня, пожалуйста. Иначе твои друзья разнесут церковь.

От ее приглушенного голоса у Кена голова пошла кругом. Он отбросил все сомнения и припал к губам Эбигейл, нежно обняв обнаженные плечи новобрачной. Теперь я понимаю, что значит для путника, оказавшегося посреди бесплодной пустыни, выпить глоток холодной воды, подумал Кен.

Он убеждал себя, что месяц воздержания убил в нем непреодолимое желание близости с невестой. Но одного поцелуя оказалось достаточно, чтобы вновь разжечь в Кене пламя страсти, бушевавшее в ту ночь, когда он оказался в постели с Эбигейл.

Теперь эта красивая, умная и самоуверенная женщина стала его законной женой. Но не это поразило Кена. Его ошеломило то, что Эбигейл самозабвенно отвечала на поцелуй.

Действительно, Эбигейл находилась в блаженном забытии. Она утратила чувство реальности и будто перенеслась в недавнее прошлое — в ту ночь, которую провела с Кеном. В ее памяти ожили воспоминания о поцелуях и дерзких ласках, которыми Кен осыпал ее. И теперь ей вновь хотелось испытать напор его необузданной страсти. Блаженная истома разлилась по ее телу. Эбигейл не чувствовала под собой ног, ей казалось, что она невесома и вот-вот воспарит. В

испуге Эбигейл обхватила Кена за шею, как будто он был тем якорем, который надежно удерживал ее в жизни.

Эбигейл ощущала необычный прилив сил. Теперь став законной женой Кена, она чувствовала себя как за каменной стеной. О Боже, мы же в церкви! — пронеслось у нее в голове. Эбигейл отпрянула от Кена. И тот увидел, что ее лицо залила краска смущения. Священник тоже побагровел, его глаза метали молнии. В конце концов, он сам предложил им поцеловаться, пожав плечами, подумал Кен. Он не чувствовал за собой вины.

Напряженную обстановку разрядил органист. Зазвучала музыка, и молодожены направились к выходу из церкви. Церемония бракосочетания была закончена.

— Как сказал священник, только смерть разлучит нас. Мне это нравится, а тебе? — шепнул Кен, склонив голову к уху Эбигейл. — С такой красивой женщиной, как ты, я готов прожить до конца своих дней.

Эбигейл с удивлением взглянула на него. Что означают его слова? Может быть, Кен намекает на то, что их брак не будет фиктивным и она должна исполнять супружеские обязанности? Как бы то ни было, но последняя фраза польстила ее женскому тщеславию. Эбигейл было приятно, что Кен назвал ее красивой.

Идя по проходу, она посматривала по сторонам. Церковь была до отказа заполнена людьми, в основном приятелями и знакомыми Кена. Все они явились свидетелями странной заминки, которая произошла во время торжественной церемонии. Жених не захотел поцеловать невесту — здесь пахло скандалом. Однако Эбигейл надеялась, что ей удалось сгладить неловкость. Заметила она и нескольких ванкуверских репортеров. Интересно, что напишут о ней в прессе? Впрочем, ничего хорошего ждать не приходилось. Эбигейл вздохнула. Ее репутация была окончательно погублена этим замужеством.

Не в силах больше смотреть на толпящихся вдоль прохода улыбающихся людей, она сосредоточила взгляд на большой дубовой двустворчатой двери, к которой они с Кеном медленно, но верно приближались. Эбигейл вспомнила, что, когда она переступила порог церкви, у нее тряслись колени, слезы наворачивались на глаза и она, с трудом делая шаг за шагом, шла к алтарю на ватных ногах. Теперь Эбигейл не ощущала прежней слабости, однако действовала, как во сне. Все происходящее казалось ей нереальным. Она понимала, что пережила сильное нервное потрясение, и боялась, что это отрицательно скажется на ребенке.

Эбигейл искоса взглянула на Кена. Тот, широко улыбаясь, раскланивался с друзьями и знакомыми, приветствуя их взмахом руки и благодаря за поздравления. Конечно, Кен заслуживает лучшего, невольно подумала Эбигейл, я дурно обращалась с ним в последнее время. Кен вел честную игру, а я говорила одно, а делала совсем другое, стараясь расстроить свадьбу и побыстрее сбежать из его дома.

Не то чтобы Эбигейл чувствовала раскаяние, но она думала о том, как трудно ей будет наладить нормальную жизнь в доме Кена. Все это время, полагая, что не задержится у него надолго, она жила будто на чемоданах, не заботясь о своих отношениях с окружающими людьми. Теперь ей придется приспособливаться к жизни в квартирке Кена, свыкаться с капризами его племянницы, учиться общаться с его друзьями.

Эбигейл предстояло два долгих года жить бок о бок с новым мужем, и она дала себе слово быть ему хорошей женой.

Стоя у окна, Эбигейл смотрела вслед удалявшемуся черному лимузину, который, словно инородное тело, целый час стоял на парковочной площадке среди мотоциклов, пикапов и грузовиков. Эбигейл так и не поняла, что заставило ее школьную подругу Энн Шиффорд рано уехать со свадебного обеда: подвыпивший приятель Кена, пристававший к ней все это время, или перспектива отведать мясо в горшочках по-домашнему. Кен снял на вечер паб, который, конечно, на взгляд великосветской дамы выглядел довольно убого. Но Эбигейл разозлил даже не преждевременный отъезд Энн, а ее замечание, касающееся Кена:

— По всей видимости, он потрясающе хорош в постели, иначе, думаю, ты ни за что не вышла бы за него замуж. Беременность — не причина. Ты просто потеряла голову от сексуальных талантов этого самца.

Слова Энн до глубины души обидели Эбигейл.

— Ты что такая мрачная? — услышала она за спиной голос брата.

Обернувшись, Эбигейл увидела рядом с Майклом и своего новоиспеченного супруга. Она очень обрадовалась, что брат приехал на свадебный обед: хоть одно знакомое лицо в этом вертепе!

— Вы только посмотрите на нее! — со смехом воскликнул Майкл, заметив замешательство сестры. — Она удивлена появлением брата на своей свадьбе! А что тут странного? Я был в церкви, а теперь хочу поднять бокал за твое счастье. Или ты втайне надеялась, что я пропущу это торжество?

— Прекрати, Майкл, я страшно рада, что ты приехал.

— Я тоже, — поддержал Кен жену. — Ты просто герой, если учесть, что твоя, мать даже не удосужилась позвонить нам.

Кен обнял Эбигейл за талию и притянул к себе. Мурашки забегали у нее по коже, сердце сладко заныло. Неожиданно он слегка подтолкнул ее вперед, вывел на середину зала и закружил в вальсе. Когда танец закончился, Кен проводил Эбигейл к столу новобрачных, заботливо усадил и занял место рядом.

Эбигейл стоило огромного труда сконцентрировать внимание на том, что говорил присевший за их столик Майкл. Ее неудержимо тянуло к Кену.

— Итак, какой процент ты готов мне выплачивать, если я буду направлять в твою лечебницу своих друзей? — шутливо спросил Майкл Кена.

— Процентом пять, не больше, — с ухмылкой ответил Кен.

— Ну и жаден же ты. А тем временем именно мне вы оба обязаны своим счастьем. — Майкл окинул молодоженов торжествующим взглядом.

— Да ну? — удивился Кен.

— Ей-богу, можете мне поверить. Это я убедил маму не тратить попусту времени на уговоры Эбигейл. Я сказал, что у нее ничего не выйдет. Поэтому она уехала за границу, а иначе вам грозил бы грандиозный скандал. Мама непременно заявила бы в церковь и силой увела бы Эбигейл.

Кен рассмеялся с довольным видом и в знак благодарности пожал шурина руку. У Эбигейл

упало сердце.

— Ты уговорил Сьюзан уехать за границу? — севшим от волнения голосом переспросила она.

— Вот именно! — с гордостью подтвердил Майкл. — Я сказал, что, если она не хочет получить инфаркт, ей следует уехать куда-нибудь подальше и не возвращаться до тех пор, пока она не свыкнется с мыслью, что Кен Уоррен — ее зять. Я передал маме наш с тобой разговор, Эбигейл, и добавил, что уверен в твоей решимости скорее умереть, чем отказаться от брака с Кеном. Послушай, сестренка, почему ты так странно смотришь на меня? Я знаю, тебе пришлось многое пережить за последние годы: смерть отца, проблемы со здоровьем, развод. Но мне хочется, чтобы ты всегда помнила: в нашей семье есть человек, который всегда будет отстаивать твои интересы. Все плохое в прошлом, поверь мне.

Майкл самодовольно улыбнулся.

Тем временем белая как мел Эбигейл, теряя сознание, начала медленно сползать со стула. Если бы Кен вовремя не подхватил ее, она упала бы на пол.

13

От пронзительного визга Линды, казалось, содрогнулись стены дома. Эбигейл оцепенела от страха.

— Кен! Иди быстрее сюда! — не унималась Линда. — Быстрее, слышишь?! По-моему, она хочет покончить с собой!

Эбигейл испугалась не на шутку. Она и раньше подозревала, что племянница мужа балуется наркотиками, а теперь, кажется, получила на этот счет неопровержимые доказательства. Стараясь не утратить присутствия духа, Эбигейл не сводила с Линды глаз и боялась пошевелиться. Линда тоже гипнотизировала ее взглядом. Сейчас придет Кен, думала Эбигейл, он знает, как вести себя в подобных ситуациях.

Наконец на пороге кухни появился Кен. Он, по всей видимости, вынужден был прервать утренний туалет — на Кене ничего не было, кроме полотенца, обернутого вокруг бедер. Кен успел гладко выбрить одну сторону лица, другая же была покрыта густым слоем пены. Кен подошел к женщинам, шлепая босыми мокрыми ногами по полу, на котором оставались следы.

— Что здесь происходит? — сердито спросил он.

— А ты сам не видишь? — вопросом на вопрос ответила Линда. — Твоя чокнутая жена схватила разделочный нож! Зачем он ей? Посмотри, нет ли на нем крови.

— Что?! — изумленно воскликнула Эбигейл и бросила нож в раковину. — Ты с ума сошла! Я просто хотела приготовить завтрак.

Линда в страхе прижалась к стене, с отчаянием глядя на дядю.

— Значит, все хуже, чем я думала. Она собирается убить не себя, а нас!

— Не волнуйся, — сказал Кен. — Прежде чем заняться тобой, ей сначала нужно было бы прикончить меня, а вообще, Линда, в такую рань лично мне чувство юмора отказывает. Не шути так больше.

— Я бы не советовала тебе есть то, что она приготовит. Больше месяца твоя невеста не переступала порог кухни и вдруг неожиданно взялась за приготовление завтрака. Это не может не показаться странным. — Линда презрительно фыркнула. — Неужели ты думаешь, что за неделю, прошедшую со дня свадьбы, она так изменилась, что решила начать готовить тебе завтраки?

— Линда! — сердито оборвал ее Кен. — Перестань. Иди покорми Рекса. Когда будет готов завтрак, я позову тебя.

— Слушаюсь, сэр! Будет сделано, сэр! К вашим услугам, сэр! — И Линда, чеканя шаг, прошла по кухне.

— Не зли меня, слышишь?! — прикрикнул Кен. — Я не шучу, Линда. Хватит паясничать!

Только теперь девушка поняла, что вывела Кена из себя, и тут же присмирела.

— Хорошо, хорошо! — поспешно сказала она. — Я иду кормить Рекса.

И, показав язык Эбигейл так, чтобы не заметил Кен, Линда удалилась из кухни.

— Только не заставляй меня есть то, что она приготовит! — донеслось из-за двери. — Ты на ней женился, пусть твой желудок и страдает!

Кен чертыхнулся. Когда шаги Линды затихли, он подошел к Эбигейл и обняв ее за плечи, заглянул в глаза. Эбигейл затаила дыхание, его прикосновения возбуждали ее — ей захотелось упасть Кену на грудь и обвить его шею руками.

— С тобой все в порядке? — заботливо спросил он.

Эбигейл не слышала его, чувствуя, что еще немного — и она, утратив над собой контроль, прильнет к нему всем телом. Она видела, как лицо Кена приближается к ее лицу, и закрыла глаза, ожидая, что вот сейчас он поцелует ее. Семь дней и ночей, прошедших, после их венчания, Эбигейл мечтала об этом. Ей хотелось вновь ощутить прикосновение его губ, пережить глубокий страстный поцелуй, но уже не в церкви, где за ними пристально наблюдали сотни глаз, а наедине, чтобы полностью отдаться на волю чувств... Эбигейл задрожала от возбуждения.

Молчание жены встревожило Кена. Он чувствовал, как напряглось ее тело.

— Эбби, что с тобой? Ответь мне, не молчи! Она открыла глаза, несколько мгновений смотрела на него, как будто не понимая, что происходит, затем вспыхнула до корней волос и оттолкнула Кена.

— Пусти меня! Я вовсе не собиралась убивать себя! — Эбигейл взглянула на мужа почти враждебно. — Неужели ты действительно подумал, что я могу пырнуть себя этим ножом?

— Перестань городить чепуху! Что с тобой?

— А то, что шуточки твоей племянницы, этой наркоманки, стоили мне десяти лет жизни. Я стояла у плиты и размышляла, как приготовить омлет на всю семью, а она неслышно подкралась сзади и начала так громко вопить, что у меня заложило уши. До этого она ворвалась в ванную комнату, где я чистила зубы, и заняла душевую кабинку, опередив меня. Она что, здесь хозяйка?! — возмущенно спросила Эбигейл.

— Да. На пятьдесят процентов, — промолвил Кен и пожалел о своей искренности. Он не хотел заводить речь о своем финансовом положении и о принадлежащей Линде доле недвижимого имущества семьи. — Уверю тебя, как бы Линда ни была порой невыносима, она не настолько глупа, чтобы связываться с наркотиками. Поверь мне, я кое-что смыслю в этом и первым заметил бы, что с ней происходит неладное.

— Правда? Ну, если ты такой проницательный, то, наверное, уже давно понял, что Линда смертельно ненавидит твою жену и из кожи вон лезет, стараясь побольнее задеть или даже оскорбить меня?

— Да, я это вижу. Но ведь ей всего лишь шестнадцать лет, а ты не делаешь никаких усилий, чтобы подружиться с ней.

Эбигейл недоуменно вскинула брови.

— В чем ты меня обвиняешь? С тех пор, как я поселилась здесь, я не сказала ей ни одного дурного слова.

— Но и ни одного хорошего, могу поклясться.

— Именно поэтому она смотрит на меня с ненавистью?

— Это тебе кажется, Эбби. Я ни разу не видел, чтобы Линда с ненавистью смотрела на тебя.

— В таком случае, тебе следует проверить зрение! Со дня нашей свадьбы я стараюсь не конфликтовать с Линдой и...

— А до этого ты старалась избегать всех, не исключая меня. И мы потакали тебе, делая скидку на то, что ты беременна и не привыкла к нашему образу жизни. Но теперь тебе придется научиться уживаться с обитателями этого дома.

Слова Кена обидели Эбигейл до глубины души. Никто никогда не потакал мне — ни здесь, ни в доме отца, с горечью подумала она. Видя, как мрачнеет лицо Эбигейл, Кен почувствовал, что перегнул палку и начал раскаиваться в своих словах.

— Прости, я несправедлив к тебе. Послушайся моего совета: когда Линда вновь вздумает обидеть тебя, не давай ей спуска, не дожидаясь, когда я вмешаюсь. Этим ты заставишь ее уважать себя.

Эбигейл мысленно сосчитала до десяти, чтобы немного успокоиться и не наговорить этому полуобнаженному красавцу всех тех гадостей, которые вертелись у нее на языке.

— Значит, по твоему мнению, в следующий раз, когда Линда ни с того ни с сего вновь, как сегодня, начнет орать на меня во все горло, — наконец промолвила Эбигейл, внешне сохраняя спокойствие, хотя в душе у нее клокотал вулкан эмоций, — я, вместо того чтобы удивиться и молча отойти подальше от этой ненормальной, должна наброситься на нее, прижать к стене и, приказав заткнуться, начать душить ее?

На лице Кена, явно не ожидавшего от Эбигейл подобной реакции, появилась смущенная улыбка.

— Не надо утрировать, Эбби. Я не имел в виду ничего подобного. Линду надо просто одернуть, прикрикнуть на нее, чтобы ее не заносило.

— А с тобой тоже следует поступать подобным образом?

Кен нахмурился.

— Со мной? — переспросил он, не понимая, к чему она клонит.

— Да-да, именно с тобой! — взорвалась Эбигейл. — Высокомерный, тупой болван! Не смей поучать меня и делать мне замечания! Я сама знаю, как себя вести! Я так стараюсь, а вы не хотите этого видеть! Всю последнюю неделю я из кожи вон лезу, чтобы подружиться наконец с Полли и Мэтом, а они только огрызаются. — Эбигейл перевела дыхание и заговорила более спокойно. — Правда, Мэт начал улыбаться мне, это хороший знак, я считаю, что с ним я более или менее наладила отношения. Но Полли по-прежнему грубит мне и воротит нос. Это так обидно! Даже твой отвратительный Рекс, и тот теперь виляет хвостом, когда лает на меня. Но Полли не хочет мириться с тем, что я живу в твоём доме. Она ненавидит меня. Слышал бы ты, какие словечки она отпускает за моей спиной! Полли на каждом шагу оскорбляет меня! Мне все это надоело. Мне надоело заискивать перед твоими друзьями, стараться им понравиться! Я не хочу больше терпеть их насмешки и кривые ухмылки. Они ведут себя так, словно я одна во всем виновата. Но брак — это твоя идея, именно ты настаивал на нашей женитьбе. А твои приятели и племянница не могут мне простить, что я согласилась выйти за тебя замуж! И потом...

— Хорошо, хорошо, успокойся, — попытался утихомирить ее Кен. — Все уладится, не терзай себя!

— Перестань разговаривать со мной, как с дурочкой! Разве это может само собой уладиться? Да, я признаю, что вела себя немного вызывающе до свадьбы, но меня сразу приняли здесь, как заклятого врага. Вот уже неделю я хожу перед вами на задних лапках, а отношение ко мне только ухудшается. Я не рассказывала тебе, как Линда поджидает в коридоре, когда я встану и направлюсь в ванную, а затем быстро обгоняет меня и захлопывает дверь перед моим носом. Она торчит там часами, а я вынуждена покорно ждать, когда твоя племянница соизволит освободить ванную. Это просто издевательство! Она оттачивает на мне свое остроумие, а ее друзья многозначительно обращаются ко мне по телефону «мэм» и «миссис Уоррен», считая это, наверное, очень забавным. А сегодня утром, когда я встала пораньше с лучшими намерениями — мне так хотелось приготовить всем вкусный завтрак, — Линда взяла и испортила мне настроение, обвинив черт знает в чем!

Эбигейл уже не просто говорила, а громко кричала, по ее щекам текли слезы. Испугавшись, что ее гневную речь примут за истерику, она на мгновение умолкла и вытерла слезы.

— Эбби, послушай... — попытался воспользоваться паузой Кен.

— Я еще не закончила! — оборвала она его. — Так вот, Кен Уоррен, по праву твоей законной жены я требую, чтобы ты оказывал мне моральную поддержку, чтобы ты не затыкал мне рот, когда я хочу высказать все, что накипело, и не обвинял меня в том, в чем я не виновата.

Эбигейл замолчала, ожидая, что ответит Кен. Он стоял напротив нее и, по-видимому, собирался с мыслями. Его лицо было непроницаемым. О чем он думал? Эбигейл решила на этот раз идти до конца и выяснить отношения с ним. Ей предстояло провести в этом доме два долгих года, и она не хотела, чтобы между ней и Кеном оставалась хоть какая-нибудь недоговоренность. Несмотря на то что Эбигейл с недавних пор вошла в семью Уоррен, она была урожденная Ричардсон и, как все в их роду, отличалась упрямством. Ей не подходила роль бессловесной козы отпущения.

Кен не сводил с жены восхищенных глаз. Эбигейл в эту минуту была удивительно хороша. Охваченный возбуждением, Кен чувствовал, как топорщится полотенце, прикрывавшее его бедра. Он помнил поцелуй в церкви: Эбигейл страстно отвечала ему. Кен не сомневался, что рано или поздно они начнут заниматься любовью.

Он замечал, как трепещет Эбигейл от его прикосновений, как огонь желания вспыхивает в глубине ее синих глаз, когда он смотрит на нее. Однако лежа ночью рядом с Эбигейл в постели, Кен не решался начать любовную игру: что-то останавливало его. Честно говоря, он побаивался непредсказуемой реакции Эбигейл на ласки. Она была способна на любую выходку.

Но сегодня, стоя лицом к лицу с белокурой красавицей, одетой в длинную футболку, оставлявшую открытыми ее длинные точеные ноги, Кен чувствовал, что теряет контроль над собой. Память Кена хранила соблазнительные воспоминания о том, как эти ноги обвивали его бедра и Эбигейл, выгибаясь, всем телом устремлялась ему навстречу, издавая стоны страсти.

В юности Эбигейл Ричардсон была героиней сексуальных фантазий Кена Уоррена. И вот четыре месяца назад его давние мечты сбылись. Реальность превзошла все ожидания Кена. Они провели вместе незабываемую волшебную ночь. Эбигейл оказалась страстной любовницей, и Кен отказывался верить, что она совершенно не помнит те пять часов, которые провела в его объятиях.

Эбигейл, которая все еще ждала ответа Кена на свою гневную тираду, застыла в оцепенении под его пристальным взглядом. Разум подсказывал ей, что надо бежать отсюда, но ноги не слушались. Эбигейл не могла тронуться с места, ее будто загипнотизировали. Она понимала, что Кен, охваченный возбуждением, может вот-вот наброситься на нее и произойдет то, чего она так боялась и... так хотела. Взгляд Кена завораживал Эбигейл и притягивал к себе, он был красноречивее любых слов.

Сердце Эбигейл сладко заныло, когда Кен наконец подошел к ней и, положив одну руку ей на плечо, другой приподнял ее голову за подбородок.

— Неужели ты совершенно не помнишь ту ночь? — сдавленным от волнения голосом спросил он, глядя ей в глаза.

У Эбигейл кружилась голова. От ее ответа сейчас очень много зависело, и ей не хотелось лгать.

— Нет, я смутно помню некоторые подробности, но очень хочу их забыть.

Кен обнял ее и прижал к себе, Эбигейл почувствовала, как его затвердевшая плоть уперлась ей в живот.

— Всего лишь некоторые подробности? — переспросил он, прерывисто дыша.

— Я... я помню все, — задыхаясь от охватившего ее возбуждения, прошептала Эбигейл.

Губы Кена медленно приблизились к ее губам. Эбигейл закрыла глаза. Их поцелуй, казалось, длился целую вечность. Эбигейл погрузилась в полузабытье. Внезапно Кен поднял ее на руки и понес в спальню.

— Что ты делаешь? Не надо!.. — робко протестовала она.

Переступив порог комнаты, Кен поставил Эбигейл на ноги и запер дверь. От резкого движения полотенце, прикрывавшее его бедра, упало на пол, и теперь он стоял совершенно обнаженный.

У Эбигейл перехватило дыхание.

— Какой ты красивый! — невольно вырвалось у нее.

Ее восклицание подстегнуло возбуждение Кена. Он снял с Эбигейл футболку и отбросил в сторону. Эбигейл и не подумала сопротивляться.

— Ну вот. Теперь и ты не хуже меня, — улыбаясь, сказал он.

Кен провел рукой по ее упругой груди. Эбигейл чуть ссутулилась, надеясь таким образом сделать менее заметным живот, который уже начал расти. Она опасалась, что ее фигура, потерявшая идеальную форму, вызовет у Кена брезгливость.

— Перестань, — остановил ее Кен. — Не делай этого. Я хочу тебя такую, какая ты есть. Я хочу заниматься любовью с матерью моего ребенка, желанного для нас обоих ребенка! А я? Я для тебя желанный? — Он притянул Эбигейл к себе.

— Да, — прошептала она, не в силах лгать и притворяться.

Кен зарылся лицом в ее волосы.

— Мне нужно знать... — чуть слышно сказал он, — нужно знать, хочешь ли ты меня... Скажи честно.

Его рука скользнула по ее животу, по мягким, словно шелк, волосам, и, чуть-чуть раздвинув ноги Эбигейл, пальцы Кена начали ласкать самую интимную часть ее тела. Эбигейл застонала от наслаждения.

— Скажи, ты действительно хочешь меня? — настойчиво спрашивал Кен.

Эбигейл была словно в тумане, однако постепенно до ее сознания начало доходить, что вопрос Кена вовсе не праздный. Он свидетельствовал о неуверенности Кена в себе. Кен сомневался в своей сексуальной привлекательности, поэтому ему так важно было услышать ответ Эбигейл. Невыразимая нежность охватила Эбигейл, когда она поняла, какие страхи мучают Кена. Внешне он всегда казался самонадеянным и даже нагловатым, но теперь Эбигейл поняла, насколько он раним. От волнения у нее перехватило горло, и она прильнула к губам Кена, стремясь этой лаской высказать все, что у нее на сердце.

Однако уже через несколько секунд ее мысли начали путаться. Умелыми движениями Кен ласкал ее грудь, а его твердая набухшая плоть упиралась в живот Эбигейл. Кровь горячей волной прилила к ее лицу, ее возбуждение нарастало. Отныне в этом мире для нее существовал только один человек — мужчина, подаривший ей ребенка, то, о чем, по мнению врачей, она и мечтать не могла.

Кен потерял контроль над собой. То же самое произошло и в Ванкувере в ту памятную ночь. Он тогда не хотел заниматься любовью с этой высокомерной, заносчивой особой, но Эбигейл обладала какой-то сверхъестественной властью над ним. Кен не придавал значения одной ночи, проведенной с ней, но теперь чувствовал, что теряет свободу и независимость. С этих пор для него на свете будет существовать только одна женщина — его жена, мать его ребенка.

Понимая, чем рискует, Кен не мог поступить иначе. Эбигейл сама не оставила ему выбора. Обняв руками его шею, она подтянулась и обхватила ногами узкие бедра Кена. Он прислонился спиной к стене, поддерживая Эбигейл за талию. Подняв на него затуманенный

взгляд, она прошептала:

— Я хочу тебя, Кен... Только тебя... Одного тебя...

14

Эбигейл открыла глаза. Она лежала рядом с дремавшим Кеном. Эбигейл, к своему удивлению, не испытывала неловкости после того, как целых два часа они неумоимо занимались любовью. Впрочем, что значит «неловкость», подумала Эбигейл, и почему я должна испытывать неловкость? Ведь я — жена Кена, он — мой муж. И все же, каковы мои чувства теперь, когда наш брак из фиктивного превратился в настоящий?

Удовлетворение! — призналась она себе. Сбылись мои сокровенные мечты.

И все же в душе Эбигейл оставался горький осадок. Все произошло слишком внезапно. Еще утром она даже не предвидела подобного поворота событий. Робкая надежда теплилась в душе Эбигейл: а что, если ее вынужденный брак окажется счастливым? Эбигейл отогнала эту мысль, боясь спугнуть удачу. Вовсе не секс является причиной того, что она втайне мечтала навсегда остаться с Кеном. Этот мужчина сам по себе, со всеми достоинствами и недостатками, словно магнит притягивал ее.

Эбигейл испытывала такое чувство, будто между ней и Кеном существует таинственная связь, которую может разорвать только смерть. И дело было вовсе не в том, что она носит его ребенка. Причина крылась много глубже. Эбигейл подозревала, что четыре месяца назад в гостинице, в которой она отмечала с подружками свой развод, ее с Кеном свело само Провидение, а не простой случай. Тогда она позорно бежала под покровом ночи, испугавшись своей судьбы. Сейчас же их супружескую спальню заливал яркий солнечный свет, вселявший уверенность, что все будет хорошо и их жизнь наладится.

Теперь Эбигейл не убежала бы из дома Кена, даже если на земле существовало бы место, где она могла укрыться от невзгод и получить средства к существованию. Да и какая женщина, пребывающая в здравом уме, уехала бы от неподражаемого самого нежного и искусного любовника? Эбигейл особенно поразила заботливость Кена. Он постоянно спрашивал о том, что доставляет ей удовольствие в постели и не причиняет ли та или иная ласка вреда их будущему ребенку.

Всю свою жизнь Эбигейл пыталась доказать окружающим, что она — особенная, не такая, как все, что она личность. Но никто до сегодняшнего дня не обращался с ней так, как она того хотела. И лишь Кен проявил то внимание и ту заботу, которые Эбигейл требовала, но не могла получить от друзей и близких.

Погрузившись в дрему, Эбигейл сладко зевнула. Лежавший рядом Кен сразу же встрепенулся и приподнялся на локте.

— У тебя удивительно довольное выражение лица. Ты что, выиграла в лотерею?

Эбигейл улыбнулась.

— По всей видимости, вместе с тобой. Потому что ты так и сияешь от радости.

— У меня есть повод для радости. Моя лечебница начала пользоваться бешеным спросом, отбою нет от желающих привезти сюда своего питомца.

Ну вот, он опять начал поддразнивать меня, разочарованно подумала Эбигейл. Кен не желает признавать, что радость ему доставляю именно Я.

— Прекрасно, поздравляю тебя. — Эбигейл не смогла скрыть досаду.

— Правда? А я думал, ты расстроишься и вновь будешь гонять на своей игрушке по ночам, вместо того чтобы спать рядом с законным мужем, который, кстати, глаз не может сомкнуть, пока ты пропадаешь неизвестно где.

Сердце Эбигейл моментально оттаяло.

— Ты и представить не можешь, — задумчиво продолжал Кен, — сколько крови мне испортили твои ночные прогулки.

— В таком случае, у меня есть прекрасная идея. Мы можем кататься по ночам вместе, — предложила Эбигейл, проводя пальчиком по щеке Кена. — Кстати, меня всегда интересовало, как это люди умудряются заниматься любовью в салоне легковой машины?

— Ну уж нет. — Кен обнял Эбигейл и повернулся на спину, увлекая ее за собой. — Это для тебя так и останется тайной, потому что ты заслуживаешь лучшего обращения.

Эбигейл хотела что-то возразить, но губы Кена не дали ей вымолвить ни слова.

— О Боже, Кен, что с тобой? — С притворной озабоченностью спросила Линда. — Ты прямо светишься от счастья! Неужели подрезка собачьих когтей доставляет тебе такое неслыханное удовольствие?

Кен усмехнулся. После нескольких часов, проведенных с Эбигейл в постели, он действительно пребывая в прекрасном расположении духа.

— Придется вернуть тебя на грешную землю, — со вздохом сказала Линда.

Кен молча протянул руку, и девушка подала ему дезинфицирующую жидкость. Они понимали друг друга без слов.

— У нас закончились продукты. Скажи, пожалуйста, своей жене, что она, конечно, очень вкусно готовит, но съестные припасы не пополняются сами собой. Их надо закупать.

Кен выпрямился и с беспокойством взглянул на Линду. В последнее время отношения между его племянницей и женой, казалось бы, наладились. И вот опять, похоже, между ними пробежала черная кошка. Эбигейл проявляла удивительную терпимость в общении с друзьями мужа и особенно с его племянницей. Кен не мог не восхищаться ее выдержкой и самообладанием. Честно говоря, он и предположить не мог, что, женившись в силу сложившихся обстоятельств на Эбигейл Ричардсон, обретет в ней прекрасную хозяйку и великолепную любовницу: Эбигейл была талантлива и изобретательна как на кухне, так и в постели.

— Я думал, что вы обе поехали за покупками, — сказал он.

Линда закатила глаза. Кен отметил про себя, что его племянница с недавних пор стала употреблять меньше косметики. Теперь она подкрашивалась со вкусом, о наличии которого у нее Кен раньше даже не догадывался. В этой перемене, произошедшей с Линдой, он

усматривал благотворное влияние Эбигейл.

— Да, мы действительно ездили по магазинам, — сказала девушка. — Но твоя жена оказалась такой скупердяйкой, что я просто диву далась. Теперь я знаю, как Ричардсоны склотили свое состояние: они ЭКОНОМИЛИ на еде, ведя полуголодный образ жизни! — Линда засмеялась. — Представляешь, в супермаркете я положила в тележку для покупок несколько пакетиков чипсов, но твоя дражайшая супруга тут же вынула их и сказала, что это лишнее.

— Да она просто беспокоится за твою фигуру, — пошутил Кен.

— Ну хорошо. В таком случае я посмотрю, что произойдет с твоим чувством юмора завтра утром, когда тебе вместо настоящего апельсинового сока подадут разведенный в воде порошковый, а сосиски ты вынужден будешь поливать жидким дешевым кетчупом с отвратительным вкусом!

— Сосиски? Не пугай меня, Линда. Я же терпеть их не могу, ты знаешь!

— А по мнению Эбигейл, ты пальчики оближешь, когда она их тебе собственноручно приготовит. — Линда пожала плечами. — Лично я могу съесть все что угодно, но при условии, что заем это своими любимыми чипсами. Если же их нет в доме, у меня пропадает всякий аппетит, а настроение...

Внезапно на улице раздался звук автомобильного клаксона.

— Это Бетти! — радостно воскликнула Линда, — Она с матерью обещала заехать за мной. Пока!

Кен озабоченно нахмурился.

— Ты куда это собралась? — недовольным тоном спросил он.

Линда закатила глаза, демонстрируя дяде, как ей надоела его опека.

— Мы едем к сестре Бетти, Розе. У нее маленький ребенок, ей нужно отлучиться в Ванкувер, и мы с Бетти согласились приглядеть за малышом. Неужели ты все забыл? Я же уже говорила тебе об этом.

— Ну хорошо. Когда ты вернешься домой?

— Сегодня я не собираюсь возвращаться, я там заночую.

— У Бетти?

— Нет! У ее сестры. Ты просто невозможный! Сколько раз тебе говорить одно и то же? Эбигейл отбила у тебя всю память. Интересно, как ей это удалось?

Кен пропустил мимо ушей колкость Линды.

— А уроки ты уже сделала?

— Я беру с собой необходимые учебники и тетради. — Линда повернулась к Кену спиной, чтобы он хорошенько разглядел ее школьный рюкзак. — Ты доволен?

Кену нечего было возразить. Собственно говоря, у меня нет причин не пускать эту занозу к подруге, подумал он и нехотя кивнул. Линде только этого и надо было: получив наконец

разрешение, она тут же ринулась к двери.

— Будь осторожна! — крикнул ей вслед Кен. — И, если возникнут какие-нибудь проблемы, звони.

— Да-да, сразу же звони дяде Кену, — подхватила Полли, переступая порог. Он знает, как успокоить плачущего младенца. Однажды он посоветовал дать моему крошечному сыну кусок сахара, утверждая, что это остановит его слезы. Так что дядя Кен — лучший советчик в делах ухода за новорожденными.

— Не язви. На ошибках учатся. Зато теперь у меня прекрасные отношения с крестницей: я покупаю ей сласти, а она за это беспрекословно слушается меня. Все по справедливости. — Кен вынул из кармана пачку сигарет.

— Женитьба пошла тебе явно не на пользу, — заметила Полли. — Ты стал больше курить.

— Ты не права. Я теперь, напротив меньше курю. — Кен извлек из пачки, где лежала одна-единственная сигарета, пластинку жвачки с табаком и, развернув обертку, сунул в рот, — Эбби запретила мне курить в доме, поскольку сигаретный дым плохо влияет на ребенка в утробе матери — эффект так называемого пассивного курения. Поэтому только на улице я и могу пару раз затянуться, если станет невмоготу.

— Значит, Эбигейл оказывает на тебя исключительно положительное влияние! Я просто счастлива! — фыркнула Полли. — Но хочу сказать, что мое курение во время беременности не нанесло ребенку никакого вреда.

Все это было сказано таким резким тоном, что Кен понял: Полли закусил удила.

— Насколько я помню, ты говорила мне, что в свое время бросила курить именно из-за ребенка, — постарался он осадить Полли, — чтобы не наносить вред его здоровью. А теперь ты фыркаешь, узнав, что Эбигейл не выносит сигаретного дыма.

Полли, вскинув голову, сердито посмотрела на Кена. Раньше он не вступался так рьяно за Эбигейл.

— Давай разберемся с этими счетами, — начала она, надеясь сменить тему разговорами протянула Кену папку с бухгалтерскими документами.

— Счета подождут, — сухо бросил Кен. Он решил на этот раз не давать Полли спуска. — Я хочу знать, почему ты до сих пор принимаешь в штыки все, что делает и говорит моя жена. Мэт уже давно примирился с мыслью, что Эбигейл здесь всерьез и надолго. А ты...

— Мэт, как и все мужики, когда видит смазливую мордашку, думает не головой, а!.. — взорвалась Полли.

— Прекрати, Полли, слышишь? — процедил сквозь зубы Кен, не дав ей закончить фразу. — Не смей говорить гадости о моей жене! И, кстати, о твоём муже.

Полли вспыхнула, ей стало неловко за свои слова.

— А теперь успокойся и скажи честно, что тебе мешает наладить нормальные отношения с Эбигейл, — предложил Кен. — В чем проблема?

— Я... я не знаю. Впрочем, если ты настаиваешь, слушай, что я думаю по этому поводу. Такой гордячки и зазнайки, как твоя Эбигейл, я в жизни не видела. Сейчас она прикидывается кроткой и, наверное, всю убажует тебя в постели, но придет время и она бросит тебя, разобьет твоё сердце и безжалостно вычеркнет из своей жизни!

Кен глубоко вздохнул, не зная, что сказать. Он и сам с недавних пор стал задумываться над тем, что такое любовь и насколько он готов к этому чувству. В свое время он переиграл Эбигейл: нанял частного детектива, разузнал все подробности о ее жизни и финансовом положении, а затем вынудил ее вступить с ним в брак. Возможно, настанет день, и она сумеет переиграть его...

— Конечно, Эбигейл немного высокомерна, в душе она, должно быть, ощущает свое превосходство над нами, — признал Кен. — Ее отец истратил целое состояние на то, чтобы она обучалась в самых дорогих, элитарных учебных заведениях, а там из детей делают настоящих снобов. Ничего не попишешь...

— Ей-богу, Кен, я куда меньше беспокоилась бы, если бы узнала, что тебя, к примеру, террористы захватили в заложники, — мрачно сказала Полли. — Это намного безопаснее, чем жить под одной крышей с Эбигейл Ричардсон.

— Твоя беда, Полли, в том, что ты слишком любишь фильмы Хичкока. — Кен усмехнулся. — Сделай одолжение, будь помягче с Эбби. Хорошо?

— Ладно. Только пусть не сует нос в бухгалтерские дела, я не позволю ей вмешиваться. Я буду выполнять только твои распоряжения. А эта зазнайка пусть помалкивает. Она мне не указ! Я не могу слушать человека, который не отличает шнауцера от шницеля.

— Не кипятись. Я вовсе не собираюсь назначать ее главным врачом.

— Дело не в этом. Мне обидно, что ты позволяешь ей каждый день приходить сюда. «Не могу ли я тебе чем-нибудь помочь, Полли?» — передразнила она Эбигейл. — Твоя жена постоянно задает один и тот же вопрос и это бесит меня!

Кен не мог отрицать тот факт, что в последнее время Эбигейл частенько заглядывала в лечебницу. Стоило Эбигейл появиться на пороге, как сердце Кена начинало учащенно биться. Он кожей ощущал ее присутствие. Это было настоящим наваждением! Эбигейл мешала ему работать, но он не знал, как сказать ей, чтобы она без надобности не приходила. Подобная просьба могла смертельно обидеть ее.

— Мы должны ее понять, Полли. В Ванкувере Эбигейл вела активную светскую жизнь, участвовала в благотворительных акциях. А здесь она осталась не у дел. Мы все работаем, о чем-то хлопочем, а она не может найти себе достойного занятия. Я понимаю, что она досаждаёт тебе своими неловкими попытками помочь. Но я очень прошу, займи ее каким-нибудь делом. Пусть, например, она отвечает по телефону на звонки клиентов.

— Вернемся к бухгалтерским делам. — Полли вновь раскрыла папку с бумагами. — Что ты скажешь по поводу этих счетов? Платежи по дюжине из них просрочены по крайней мере на два месяца.

Кен просмотрел документы, обращая внимание на фамилии должников. Он знал, что все его постоянные клиенты, за исключением трех-четырех, имеющих счет в банке, были неплатежеспособны. Многие жители их городка сидели без работы.

Тяжело вздохнув, Кен вернул счета Полли.

— Что с них возьмешь, Полли? Давай отсрочим оплату этих счетов еще на месяц.

— Так я и думала! — Полли покачала головой. — Ну хорошо, ничего не поделаешь. Если ты полагаешь...

Эбигейл, все это время стоявшая за приоткрытой дверью и слышавшая весь разговор, вышла наконец из оцепенения и поспешила на второй этаж, в квартиру. Она не собиралась подслушивать, но при упоминании своего имени застыла на месте, пораженная тем, что Кен защищает ее. Говорят, что тот, кто подслушивает, редко слышит о себе хорошее, однако Эбигейл узнала сегодня много полезного.

15

— Кен, ты что, собираешься устроить вечеринку? — спросила Эбигейл, наблюдая за мужем, который остановился перед очередной полкой в супермаркете и положил сверху на гору продуктов, переполнявших тележку, несколько больших пакетов с кукурузными хлопьями.

— С чего ты взяла? — удивился Кен.

— Дело в том, что мы втроем — я, ты и Линда — не съедим все это за неделю.

— Знаю, но я хочу побольше закупить продуктов длительного хранения, чтобы на целый месяц избавить тебя от необходимости заходить в бакалею. Свежее мясо и овощи можно будет заказать с доставкой на дом. Так, что нам еще нужно? — задумчиво пробормотал Кен. — Ах да, чуть не забыл. Апельсиновый сок!

— Я его уже купила, — поспешно сказала Эбигейл.

— Нет, ты купила порошок, а не сок. Так дело не пойдет. Во-первых, я терпеть не могу суррогаты, а во-вторых, в них недостаточно витаминов, необходимых для беременной женщины.

Эбигейл хотела было сказать ему, что принимает поливитаминные комплексы, но промолчала. Это могло дать Кену повод отправиться в отдел здорового питания и закупить там несколько упаковок полезных для будущих матерей пищевых добавок. Он не задумываясь тратил на нее деньги, и это угнетало Эбигейл. Она не хотела находиться на иждивении у мужа и мечтала хоть чем-нибудь облегчить Кену бремя финансовых расходов на содержание семьи.

Раньше Эбигейл легкомысленно швыряла деньги на ветер, приобретая по сумасшедшим ценам шикарную обувь или дорогое белье. А сегодня покупка специального бюстгалтера для беременных повергла ее в настоящий шок и не только потому, что его безобразный вид оскорблял ее тонкий вкус.

Выходя замуж за Кена, Эбигейл мало задумывалась о том, что они будут стеснены в средствах. Правда, она понимала, что, заплатив ее долги, Кен нанес значительный ущерб своему банковскому счету, однако Эбигейл решила, что если он это сделал, значит, банкротство ему не грозит. Но за последние дни, внимательно наблюдая за работой лечебницы, Эбигейл пришла к выводу, что дело Кена может вот-вот лопнуть. Работы хватало, но доходы были невелики.

Тем временем Кен подошел к кассе и начал расплачиваться за покупки. Эбигейл

почувствовала облегчение, увидев, что в его бумажнике много наличности, кроме того, Кен предъявил карточку, дающую покупателю право на скидку. У Эбигейл когда-то тоже была такая... Внезапно она насторожилась. Откуда у Кена карточка, доступная только человеку, купившему определенное количество акций крупной торговой компании, которой принадлежала сеть супермаркетов по всей стране?

— Где ты взял эту карточку? — подозрительно спросила Эбигейл. — Такие имеют только акционеры!

— Вы ошибаетесь, у обслуживающего персонала они тоже есть, — ответила вместо Кена молоденькая кассирша, не отрываясь от своего занятия: она быстро подсчитывала общую стоимость горы продуктов в тележке Кена и Эбигейл. — Здорово, правда?

Эбигейл открыла рот, чтобы возразить: Кен вовсе не принадлежит к обслуживающему персоналу компании. Но он опередил ее.

— Я лечил собаку управляющего. Очень трудный был случай, вот он в знак признательности и вручил мне эту карточку, — объяснил он. И, велев служащему доставить покупки к специальному окну, у которого их можно было сразу загрузить в машину, Кен взял Эбигейл под руку и направился к выходу.

На улице стоял лютый холод, и Эбигейл зябко повела плечами.

— Может быть, тебе еще что-нибудь нужно купить? — заботливо спросил Кен.

Эбигейл отрицательно покачала головой.

— Сегодня утром я приобрела все, что мне было необходимо.

Снова вспомнив, сколько стоит проклятый лифчик, Эбигейл почувствовала угрызения совести, несмотря на то что купила его на распродаже и заплатила меньше, чем могла бы заплатить в магазине. И все же ее угнетала мысль, что она потратила на себя так много денег из семейного бюджета.

Погруженная в свои мысли, Эбигейл не сразу заметила, что они идут в противоположную от стоянки машин сторону.

— Куда ты меня ведешь?

— Я решил, что нам надо где-нибудь перекусить, — объяснил Кен, заботливо отводя Эбигейл в сторону при виде двух сорванцов, стремительно несущихся им навстречу по обледенелому тротуару на самокатах. — Знаешь, Линда давно уже делает прозрачные намеки на то, что пора бы купить ей новое платье.

— Конечно, девочке нужна обнова, — сухо согласилась Эбигейл.

Кен нахмурился.

— Ты снова с ней не в ладах?

— Нет, ничего подобного, — поспешно ответила Эбигейл. — То есть у нас, конечно, бывают мелкие стычки, но никаких серьезных ссор. Однако что значит «прозрачные намеки»? Неужели она не может прямо сказать, что ей нужно? — Эбигейл не нравились скрытность и

капризы Линды.

— Под намеками я подразумевал следующее. Как-то на днях она сказала, что, по мнению подруг, выглядит в черном просто сногшибательно, и тут же предложила мне сходить и взглянуть, как Симпсон отремонтировал свой магазин.

— Совершенно не вижу никакой связи...

— Не видишь? — Кен рассмеялся. — В таком случае, мысленно представь магазин Симпсона и вспомни, что находится рядом.

— А-а! Вот в чем дело! — воскликнула Эбигейл. По соседству с магазином Симпсона располагался бутик. — Ты умнее, чем я думала, — шутливо добавила она. — Я бы ни за что не догадалась, на что намекает твоя племянница.

— У меня богатый опыт по этой части. Однако я ничего не смыслю в тряпках. Ты знаешь, сколько стоит одежда в бутиках, а мне не хотелось бы выбрасывать деньги на ветер. Не могла бы ты помочь мне выбрать что-нибудь подходящее для Линды? Я полностью полагаюсь на твой вкус.

— И не мечтай! — испугалась Эбигейл. — Мы с Линдой совершенно разные. Что нравится мне, вызывает у нее отвращение. Да она убьет меня, если узнает, что не понравившееся ей платье выбирала именно я. Мне кажется, было бы намного лучше, если бы ты сходил в магазин с ней.

Кен с негодованием взглянул на жену.

— Ты вообще понимаешь, что говоришь? Да мне легче слетать в космос, чем выбрать это чертово платье!

Они препирались до тех пор, пока не подошли к бутику. Остановившись у витрины, Эбигейл начала разглядывать выставленные на всеобщее обозрение наряды. Но живой интерес вызвали у нее не они, а небольшое объявление, прикрепленное к стеклу: «Требуется продавщица, обладающая хорошими манерами и вкусом. Опыт работы не обязателен».

Эбигейл всеми силами старалась скрыть от Кена охватившее ее волнение. Она чувствовала себя Золушкой, на глазах которой только что обыкновенная тыква по мановению волшебной палочки феи превратилась в роскошную карету. Внезапно мир вокруг нее преобразился. Эбигейл сгорала от нетерпения, ей хотелось немедленно войти в магазин и поговорить с управляющим. Но внутренний голос советовал не торопиться. Ей могли отказать, и тогда Кен стал бы свидетелем ее позора. Этого Эбигейл не могла допустить. Кен постоянно говорил жене, что она избалованная особа, не знающая жизни, и мало-помалу Эбигейл начала привыкать к мысли, что ни к чему не пригодна. Как бы ей хотелось доказать обратное! Но что, если Кен прав и у нее действительно ничего не получится? Нет, на этот раз Эбигейл была почти уверена в успехе. Ни в чем она так хорошо не разбиралась, как в одежде. Мода, фасон, цвет, качество ткани, необходимые аксессуары — эту область она знала досконально.

— Ни за что на свете я не купил бы Линде вот эту дрянь.

Голос Кена вывел Эбигейл из задумчивости. Она вздрогнула и повернулась к нему. Кен показывал пальцем на облегающее, очень открытое платье, вышитое стеклярусом. Окинув взглядом остальные модели, Эбигейл поняла, что Линда имела в виду именно этот наряд, только он один был черного цвета. Эбигейл с трудом могла представить в нем девочку-подростка.

— И все же, думаю, тебе придется купить именно это платье, — отважилась она высказать Кену свое мнение. — Пусть даже оно тебе не нравится.

— О Господи, Эбби, ты забываешь, что Линда еще девчонка! Ей предстоит ходить в нем на танцы в молодежный клуб, а не появляться на церемонии вручения «Оскара». Кроме того, за эту тряпку я должен выложить кругленькую сумму, которой хватило бы, чтобы в течение трех лет одевать девчонку.

Кен сильно расстроился. Он не знал, что делать. Эбигейл вновь испытала угрызения совести: раньше подобная цена за платье не показалась бы ей чрезмерно высокой.

— Учитывая наши обстоятельства, платье, конечно, стоит довольно дорого, — промолвила она.

— Довольно дорого? Не довольно, а чересчур, ты хотела сказать! — возмутился Кен. Взглянув еще раз с негодованием на витрину, он взял жену за руку. — Пойдем перекусим. У меня в желудке урчит от голода. После обеда я, может быть, стану поговорчивее. Ты не возражаешь, если мы отправимся в «Золотую лихорадку»?

— В ресторан «Золотая лихорадка»? — растерялась Эбигейл. — Но посмотри, как мы одеты! — На них были джинсы, теплые свитера и спортивные куртки.

— В меню ресторана в основном блюда из дичи, а мы с тобой одеты, как два охотника, вышедших из леса. Так что наш вид вполне соответствует духу этого заведения.

Эбигейл рассмеялась.

— Ты неисправим. Да нас в таком виде не пустят даже в забегаловку!

— Еще как пустят. — Кен взглянул на часы. — Пойдем быстрее. Я умираю с голоду.

Эбигейл не стала спорить, хотя ресторан «Золотая лихорадка» был им явно не по карману. Однако она понимала, что Кену очень хочется покрасоваться перед ней, сделать широкий жест. До дому было двадцать минут езды, и Эбигейл могла бы быстро приготовить вкусный и недорогой обед. Но что поделать, Кена не переубедишь.

Когда они вошли в зал, метрдотель окинул Кена с ног до головы оценивающим взглядом и глубоко задумался, не зная, как поступить: одетый в джинсы и свитер индеец не внушал доверия. Но тут в поле его зрения попала Эбигейл. Улыбнувшись, она назвала метрдотеля по имени. Кен заметил, как выражение превосходства в глазах парня сразу же исчезло. Он явно смутился, но уже через несколько мгновений былая самоуверенность вернулась к нему. С насмешливой полуулыбкой он наблюдал, как один из официантов подвел странную пару к самому неудобно расположенному столику. Однако Эбигейл резким тоном заметила, что, поскольку любимый столик ее мачехи сейчас свободен, они с мужем хотели бы сесть именно за него. Ресторан в это время дня был практически безлюден, и официант не смог отказать Эбигейл в ее просьбе.

«Золотая лихорадка» славилась своей изысканной кухней. Во всем Ричвилле нельзя было найти более шикарного ресторана. Поэтому Кен почувствовал некоторое разочарование, когда Эбигейл, даже не заглянув в меню, заявила, что ничего не хочет, кроме салата. Когда же Кен сказал, что закажет себе отбивные из оленины, Эбигейл пришла в ужас. Кена удивила реакция жены, и он уже начал сомневаться, правильно ли поступил, приведя ее именно в этот ресторан.

Открыв меню, он наконец понял, чего опасалась Эбигейл. В перечне предлагаемых блюд отсутствовали цены, что означало следующее: если тебе обязательно надо знать, сколько они стоят, значит, ты не можешь позволить себе ходить сюда. Кен подумал, что, должно быть, он первый и последний ветеринар, переступивший порог «Золотой лихорадки».

— Успокойся, Эбби. — Видя, что Эбигейл сильно нервничает, Кен погладил ее по руке. — Я обещаю, что тебе не придется мыть посуду в этом заведении. Поверь, я не привел бы тебя сюда, если бы не был уверен, что смогу расплатиться по счету.

Эбигейл вспыхнула от смущения, поняв, что Кен угадал причину ее беспокойства.

— Все... все это выглядит несколько экстравагантно, — запинаясь, промолвила Эбигейл.

Кен удивленно вскинул бровь.

— Ты хочешь сказать, что чувствуешь себя здесь не в своей тарелке? Но ты же на короткой ноге с метрдотелем, называешь его по имени. Зачем же комплексовать? — Кен пожал плечами.

— Я чувствую неловкость вовсе не из-за себя, — честно призналась Эбигейл, хотя не хотела ранить самолюбие мужа. — Я удивляюсь, как ты не умер на месте от взглядов присутствующих, пронзавших тебя, словно острые стрелы?

Она была так хороша в своем искреннем возмущении, что Кен не удержался и поцеловал ее ладонь. Эбигейл зарделась от его невинной ласки.

— Значит, ты беспокоишься о моем самочувствии, — с усмешкой сказал он. — Но, знаешь, я ловлю на себе подобные взгляды всю жизнь. Как видишь, пока еще не умер от этого. Не стоит портить себе обед и волноваться по поводу того, что думают о нас люди.

Улыбнувшись, Эбигейл откинулась на спинку стула.

— В таком случае, — сказала она, — позови снова официанта. Я хочу разорить тебя, одним салатом ты сегодня не отделаешься.

Забыв обо всем на свете, не обращая больше ни малейшего внимания на окружающих, они завели разговор, который прервали лишь на минуту, когда официант принес заказанные блюда. Наслаждаясь обществом друг друга, Эбигейл и Кен, казалось, успели за час обсудить все на свете: вкусы, политические пристрастия и антипатии, взгляды на жизнь.

Теперь Кен искренне радовался тому, что ему в голову пришла счастливая идея привести сюда Эбигейл. В последнее время между ними сложились теплые отношения, о возможности которых Кен, честно говоря, даже не подозревал.

Все это время он внимательно наблюдал за Эбигейл. Кену казалось, что здесь, в знакомой по прежнему образу жизни обстановке, она исподволь выдаст себя, признается в тайных намерениях бросить его через два года, когда вступит в права наследства. Но этого не произошло, Эбигейл вела себя совершенно естественно. Кен почти уверился, что она не собирается предать его, и все же червячок сомнения еще точил душу Кена.

Может быть, задать ей прямой вопрос? — спрашивал он себя. Искушение вызвать Эбигейл на откровенный разговор было очень велико, но страх получить неутешительный ответ переборол его. Паря на крыльях любви, Кен очень боялся опускаться на грешную землю. Что, если нежность и заботливость Эбигейл — всего лишь маска, под которой она прячет свою истинную,

черствую и расчетливую, натуру? Если все происходящее сейчас — сон, думал Кен, то я не хочу просыпаться.

Он понимал, что попал в ловушку. Его и раньше привлекала красивая, богатая и высокомерная Эбигейл Ричардсон, еще в юности он страстно мечтал переспать с ней. Но теперь, узнав эту женщину поближе, увидев, какой незащитной и нежной бывает она, Кен ужасался даже мысли, что может навсегда потерять ее.

— Можно, я задам тебе один личный вопрос? — спросила Эбигейл, и Кен с опаской взглянул на нее, ожидая подвоха.

— Думаю, ты как законная жена имеешь право задавать мне любые вопросы.

— Тогда скажи, как тебе удалось стать опекуном Линды?

Кен недоуменно пожал плечами.

— Мне казалось, что весь город уже знает эту историю.

— С тех пор, как я уехала в Ванкувер, я навещала в Ричвилл на очень короткое время только для того, чтобы выполнить свои дочерние обязанности и подтвердить неофициальный титул первой красавицы города, — объяснила Эбигейл. — Последняя сплетня, которую я слышала о местном хулигане Кене Уоррене, заключалась в том, что он уехал куда-то после того, как был задержан полицией за драку в пивной и вскоре отпущен.

— Так оно и было на самом деле. Но этот хулиган вернулся через пять лет в Ричвилл, узнав, что его брат погиб, а племянницу отдали в приют. — Видя, с каким неподдельным интересом слушает его Эбигейл, Кен продолжил свой рассказ: — В детстве я какое-то время жил в приюте и сохранил об этом учреждении самые неприятные воспоминания, поэтому не мог допустить, чтобы Линда надолго задержалась там. Тогда я обратился в соответствующие инстанции с заявлением, что хочу стать официальным опекуном ребенка. В свое время старший брат взял на себя заботу обо мне, поэтому я чувствовал себя в долгу перед ним.

Опечаленное выражение лица Эбигейл заставило Кена пожалеть о том, что он излишне подробно рассказал о семейной трагедии, и Кен решил в дальнейшем быть более кратким и избегать жестоких деталей.

— Поскольку Линда была еще совсем ребенком, ветлечебница, которой владел мой брат, перешла по наследству ко мне, я осел в Ричвилле и занялся делом. Вот и все.

Несколько мгновений Эбигейл молчала, о чем-то сосредоточенно размышляя, а затем ее лицо озарилось улыбкой, от которой у Кена учащенно забилося сердце.

— Надеюсь, Линда высоко ценит тебя и твой благородный поступок. Не много найдется парней, которые в двадцать с небольшим лет отважились бы взвалить на плечи груз забот о ребенке. Тебе, наверное, на первых порах нелегко пришлось с одиннадцатилетней девочкой.

— Ты полагаешь? Возвращаясь мысленно в прошлое, могу положить руку на сердце сказать, что Линда была куда покладистее, чем сейчас. Знаешь, она уже столько раз прокалывала себе уши, что они, наверное, теперь похожи на сито. А сейчас она собирается проколоть себе нос.

— Я знаю. — Эбигейл разбирал смех.

— Да? Она тебе сама об этом сказала? — удивился Кен.

— Нет, конечно, Линда, ты знаешь, не откровенничает со мной. Просто вчера вечером я случайно услышала ваш с Линдой разговор. Она так горячилась. — Эбигейл не выдержала и засмеялась. — Особенно меня позабавил сленг, на котором она говорила. Я в ее годы не знала и половины слов, которыми твоя племянница сыплет на каждом шагу.

Кен недовольно хмыкнул.

— Это влияние улицы. Она не виновата, что растет в таком окружении. Какой из меня воспитатель? Я сам вырос на улице, мне нечего дать ей.

— Не будь слишком суров к себе и к ней, Кен. Линду нельзя назвать пропащей. По сравнению со многими своими приятелями она вполне нормальный подросток.

— Ее дружки для меня настоящая проблема. — Кен тяжело вздохнул. — Как мне убедить Линду, что она достойна лучшего будущего? Как внушить ей мысль о ее превосходстве над убудками, которыми она окружена?

— Я не знаю. Всех нас формирует среда, и с этим ничего не поделаешь. И все же человек способен вырваться из замкнутого круга своей судьбы. Когда я наконец набралась храбрости и ушла от Тома — это был первый шаг к освобождению от власти обстоятельств, от диктата моей среды. А Линда...

— Что ты хочешь этим сказать? Ведь у тебя, наверное, были веские причины уйти от Тома?

Кен умышленно направил разговор в другое русло. Эбигейл впервые упомянула о своем первом браке, и ему хотелось узнать поподробнее историю ее замужества.

Прежде чем заговорить, Эбигейл сделала несколько глотков воды из высокого стакана и аккуратно поставила его на белоснежную скатерть.

— Я вышла замуж за Тома на втором курсе университета, где изучала английскую литературу. Однако мои родные вовсе не считали, что я должна окончить высшее учебное заведение и получить степень. Просто сложилась такая традиция: все женщины из семьи Ричардсон посещали университет и слушали лекции по английской литературе. Однако главным для них являлось удачное замужество, а не образование. Моя тетя, получившая ученую степень, считалась у нас в родне белой вороной. — Эбигейл немного помолчала, собираясь с мыслями. — Том очень настойчиво ухаживал за мной, он умел произвести приятное впечатление. Обаятельный, честолюбивый, обладающий хорошими манерами. Что еще требовалось от мужчины нашего круга? Все мое окружение полагало, что наш брак идеален. Если друзья и родные наперебой твердят, что тебе страшно повезло с мужем, трудно сердиться на такие пустяки, как, например, растрата приданого. Но, когда денежки подошли к концу, поползли упорные слухи, что Том всерьез взялся за моих так называемых подружек.

— Ты хочешь сказать, что он изменял тебе? — изумился Кен, не в силах представить, как можно по доброй воле заводить кого-то на стороне при такой жене, как Эбигейл.

— Мой муж оценивал ситуацию совсем иначе. Он заявлял, что я неумелая и неловкая в постели и сексуальная неудовлетворенность толкает его в объятия других женщин.

Эбигейл с трудом далось это признание. Опустив глаза, она долго молчала. Кен был потрясен ее словами.

— И ты поверила ему? — наконец вымолвил он.

— А как же иначе, Кен? Я была очень наивной и неопытной. Когда я стала намекать отцу, что его любимый зять нарушает супружескую верность, он всю вину за это возложил на меня. Мне напомнили, что, как бы порой ни складывались обстоятельства, Ричардсоны никогда не опускались до развода. Отец прямо сказал мне, что я должна или наладить отношения с мужем, или закрыть глаза на его похождения.

Кена охватила жалость к Эбигейл, которая, оказывается, пережила так много унижений и несправедливости за свою жизнь. А он-то считал ее избалованной неженкой! Как легко мы ошибаемся в людях!

— Вернувшись однажды домой в Ванкувер после очередного тяжелого разговора с отцом, я застала Тома в постели с очередной пассией. Это была жена его босса. Мое терпение лопнуло, я поняла, что никогда не смогу жить по законам своей семьи. Я заявила, что ухожу и они вольны делать все, что хотят. А сама позвонила боссу Тома и сказала ему, где он может найти свою супругу. — Эбигейл скривила губы в презрительной усмешке. — Потом я отправилась к адвокатам и велела им начать бракоразводный процесс. Нет, наверное, нужды говорить, что он длился очень долго и походил скорее на битву, нежели на судебное разбирательство. Отец умер, так и не дождавшись его окончания. Мне бы очень хотелось думать, что он простил меня, но...

— Ради Бога перестань! Ты ни в чем не виновата, за что старик, по-твоему, должен был прощать тебя? — не выдержал Кен. — Черт возьми, Эбби, я не знаю, кто во всей этой истории вызывает у меня наибольшее возмущение — этот идиот, твой бывший муженек, спесивый отец или ты сама, позволявшая подобным образом обращаться с собой?

Эбигейл понимала, что причиной столь неожиданной вспышки гнева Кена было глубокое сочувствие к ней, которое вызвал в его душе рассказ. Тем не менее недовольные взоры всех присутствующих, — а посетителей в ресторане значительно прибавилось, — обратились к ним, и Эбигейл это очень не нравилось. Не хватало еще каким-нибудь безобразным скандалом испортить чудесный вечер, с тревогой подумала она.

— Тихо, успокойся! — Эбигейл сжала руку Кена. — На нас смотрят.

— Пусть смотрят! — Кен все же чуть понизил голос. — Я хочу, чтобы ты запомнила то, что я тебе сейчас скажу. Ты меня внимательно слушаешь?

Эбигейл кивнула. Ей казалось, что черные как ночь глаза Кена смотрят ей сейчас прямо в душу. Они сидели, не разжимая рук. Сердце Эбигейл гулко билось в груди.

— Ты самая прекрасная, самая сексапильная, самая потрясающая женщина на свете. — Кен нежно погладил Эбигейл по щеке. — Твой бывший муж был просто мошенником. В ту ночь, когда я привел тебя в свой гостиничный номер, меня соблазнило вовсе не твое богатство, а ты сама. Когда я вот так близко смотрю на тебя, мне никогда не приходит в голову мысль о каких-то вонючих деньгах. И сейчас, поверь, вовсе не по причине экономии своих финансовых средств я прошу тебя, не дожидаясь десерта, отправиться домой и заняться... ты сама знаешь чем.

Эбигейл молчала, в ее глазах стояли слезы.

— Ты все-таки хочешь закончить обед десертом? — улыбаясь, спросил Кен, чувствуя, что пауза затягивается.

— Нет... — с трудом произнесла Эбигейл: от избытка чувств у нее перехватило горло. — Десерт мы съедим дома.

Кен быстро встал, вынул из бумажника несколько банкнот и бросил на стол. Затем, не говоря ни слова, он подхватил Эбигейл на руки и понес к выходу. Эбигейл взвизгнула на весь зал от неожиданности, и мгновенно они вновь стали центром внимания всех присутствующих.

— Кен, что ты делаешь? Сумасшедший! Отпусти меня! — отбивалась Эбигейл.

Но выходка Кена скорее забавляла ее, нежели сердила. Засмеявшись, Эбигейл прижалась лицом к его плечу и зашептала ему на ухо:

— Посмотри, в каком шоке официанты, видишь, что ты наделал?

— Дорогая, они были бы еще больше шокированы, если бы я не прикрывал тобой свою ширинку.

Когда они подошли к застывшему на месте, словно статуя, метрдотелю, глаза которого, казалось, метал громы и молнии, Кен сунул деньги в карман его смокинга.

— Это тебе, парень, за доставленное нами беспокойство...

Однако прежде, чем тот успел ответить, Эбигейл протянула руку и забрала из кармана метрдотеля половину банкнот.

— Ты слишком щедр, Кен, — сказала она. — Однако я считаю, что обслуживание сегодня было далеко не на высоте. Поэтому урежем чаевые. — И, обратившись к метрдотелю, она капризным тоном добавила: — На этот раз мне у вас очень не понравилось. Больше я к вам никогда не приду.

Кен заметил, что голоса в зале смолкли, все напряженно прислушивались к их разговору. Он понимал, что Эбигейл сейчас мстит за него, за то, что ее мужа встретили в «Золотой лихорадке» неприветливо, и это тронуло Кена до глубины души. Обычно он не позволял другим вступаться за себя, но сегодня был особый случай. Эбигейл давала ему понять, что она на его стороне, и ее поддержка наполняла сердце Кена бурной радостью.

16

Эбигейл бросила последний взгляд на тщательно сервированный стол и осталась довольна своей работой. Ей очень хотелось, чтобы Кен побыстрее вернулся домой. Он поехал за Линдой, которая задержалась у своих друзей, и должен был скоро ее привезти.

Сердце Эбигейл ликовало: сегодня она совершила поступок, которым по праву могла гордиться. Отныне она больше не чувствовала себя никому не нужной, ни на что не способной бесполезной для семьи иждивенкой.

Услышав рокот подъезжающего мотоцикла, Эбигейл достала из духовки пирог и поставила его на стол. Обед удался на славу. Впрочем, как всегда. Она научилась готовить вкусные блюда даже из тех немногих недорогих продуктов, которые имелись в доме. Из коридора слышались шаги, и Эбигейл улыбнулась, предвкушая, как приятно удивится сейчас Кен.

Но первой на кухню вбежала Линда.

- Ах ты стерва! — с порога заорала она на Эбигейл. — Эгоистичная, самодовольная...
- Линда! Прекрати! — одернул племянницу вошедший следом Кен. — Угомонись, прошу тебя!
- Я не замолчу и не успокоюсь, пока ты не выгонишь ее из дому!
- Я никого не собираюсь выгонять из дому. Я хочу во всем разобраться.

Линда бросила на Эбигейл взгляд, исполненный ненависти.

— А чего тут разбираться? Твоя жена, у которой денег куры не клюют, хочет больше и больше. Она удавиться готова за бабки!

Потрясенная внезапной вспышкой ярости Линды, Эбигейл бросила вопросительный взгляд на Кена. Его лицо было бесстрастным.

— Что я такое сделала? — растерянно спросила Эбигейл.

— Как будто ты не знаешь! — фыркнула Линда.

— Не знаю.

— Линда сказала, что ты подала заявление о приеме на работу в бутик, — с нескрываемым раздражением объяснил Кен.

У Эбигейл упало сердце: она и предположить не могла, что Кен примет ее инициативу устроиться на работу в штюки.

— Почему ты молчишь? — сердито спросил он. — Отвечай: это так или нет?

Эбигейл совсем сникла. Хмурый вид Кена, его грозный голос произвели на нее тягостное впечатление. Она молча кивнула.

— Ну, что я тебе говорила! — злорадно воскликнула Линда.

— Почему ты это сделала? — мрачно спросил Кен.

— Потому что она жуткая эгоистка, которая думает только о себе! — снова встряла Линда.

— Заткнись, Линда! Дай мне самому все выяснить! — прикрикнул Кен на племянницу.

Эбигейл чуть не плакала. Все происходящее казалось ей дурным сном. Она ждала, что Кен сердечно поздравит ее с успехом — ведь в Ричвилле не так-то просто найти работу, а вместо этого разразился скандал. Почему он злится на меня? — недоумевала Эбигейл.

— Эбби, еще раз повторяю: я хочу знать, что толкнуло тебя на подобный шаг. Что заставило устроиться на работу?

— То же, что и большинство других людей, — вскинув голову, наконец заговорила Эбигейл. Смятение в ее душе уступило место раздражению. — Я хочу работать!

— Но зачем тебе это надо? — с недоумением спросил Кен.

— Потому что мне надоело целый день торчать дома, ничего не делать и толстеть! Я думала,

что деньги придутся нам очень кстати. Если ты беспокоишься о здоровье ребенка, Кен, то эта работа не сопряжена с физическими усилиями, она безопасна для беременных!

— Ты только посмотри на нее, Кен! — воскликнула Линда. — Она даже не понимает, о чем идет речь! Ей невдомек, что она займет чье-то место, оставит кого-то без куска хлеба!

— Да, я знаю, что на это место претендовало много девушек, — сказала Эбигейл, чуть поостыв. — Но владелец бутика выбрал именно меня, потому что я более компетентна в вопросах одежды и моды.

— Скажи лучше, у тебя хорошие связи! — Теперь Линда обращалась непосредственно к Эбигейл. — Ты перешла дорогу сестре Бетти, Розе. Еще вчера управляющий сказал, что берет ее на работу, а сегодня позвонил и заявил, что передумал!

— Я ничего не понимаю... — растерянно пробормотала Эбигейл. — Я видела объявление вчера во второй половине дня.

— Управляющий снял его сегодня утром. Но сразу, как только ты позвонила в бутик, Роза получила от ворот поворот! Интересно знать, они приглашали тебя на собеседование или одной фамилии Ричардсон было достаточно, чтобы тебя взяли на работу? Или, может быть, за тебя кто-то замолвил словечко?

— Послушай, Линда, я понятия не имею, почему выбор управляющего остановился на мне, но клянусь, я не прибегала ни к каким уловкам...

— Эбби, очнись! — вновь вступил в разговор Кен. Все это время он молча, все больше хмурясь, слушал перепалку двух женщин. — Тебе и не надо было прибегать к уловкам. Управляющий сразу клюнул на твое имя и на скандал, который с ним связан. По городу давно уже ходят слухи о твоём невероятном замужестве. Ты — богатая наследница, внезапно оказавшаяся в бедном квартале, где вынуждена жить и даже искать работу. Все это порождает массу сплетен, подогревая интерес обывателей. Именно по этой причине управляющий и выбрал тебя, а твои знания и навыки здесь ни при чем. Он рассчитывал на то, что ты будешь привлекать толпы любопытных в бутик.

— Но... но это же подло!

— Да, управляющий поступил не лучшим образом, — согласился Кен. — Но задумайся над тем, как вела себя ты. По сравнению с твоей прежней жизнью сейчас ты, конечно, живешь небогато, но намного лучше, чем большинство обитателей нашего района. И то, что ты заняла одно из рабочих мест, не может не вызвать у них возмущения. В отличие от тебя Роза родилась в необеспеченной семье, и, когда ей стукнет тридцать лет, ее не ожидает богатое наследство, как тебя. Она буквально борется за существование, из сил выбиваясь, чтобы ее ребенок имел кусок хлеба и крышу над головой. Для нее заработанные в бутике деньги были бы не просто «кстати», как для тебя, они ей жизненно необходимы. Может быть, это ее последняя надежда удержаться на плаву.

Эбигейл чуть не плакала. Комок подступил к ее горлу. Только теперь она до конца осознала, что натворила. Какой же глупой и неосмотрительной надо быть, чтобы поступить подобным образом! — корила она себя. А я еще ждала похвалы от Кена! О том, что его речь произвела впечатление не только на Эбигейл, но и на Линду, свидетельствовало молчание последней.

— А сколько едких замечаний придется мне выслушать сегодня, ты и представить себе не можешь. Все теперь решат, что дела у меня идут хуже некуда. Никогда не думал, что ты

будешь подрывать мою деловую репутацию. И вообще, до каких пор моя жена будет держать в тайне от меня свои планы и намерения?

Эбигейл не знала, что ответить. Попытаться объяснить, что она хотела помочь мужу, а не обидеть его? Но поверит ли ей Кен? Глубоко вздохнув, она молча направилась к двери. На пороге Эбигейл обернулась и, не глядя на Кена и Линду, холодно заявила:

— Я немедленно позвоню владельцу магазина и откажусь от места. Я буду настаивать на том, что место принадлежит по праву сестре Бетти. Уверяю вас, я вовсе не хотела поставить в неловкое положение членов семьи Уоррен или сделать их посмешищем в глазах всего города. Но в одном ты прав, Кен. — Эбигейл взглянула ему в глаза. — С моей стороны было глупо поверить в то, что меня могут взять на работу из-за моих способностей, знаний или деловых качеств. Жизнь еще раз доказала мне, что все вокруг стремятся лишь к одному — использовать мое имя.

Слова Эбигейл задели Кена за живое.

— Эбби, погоди! Я вовсе не это имел в виду! — крикнул он вслед удаляющейся жене.

Эбигейл вновь остановилась и, резко обернувшись, окинула его презрительным взглядом.

— Ты так сказал, Кен, это следовало из твоих слов. Как все в этом городе, ты поверил, что, раз я Ричардсон, значит, черства и эгоистична, что я все получила в жизни и стремлюсь получить, только спекулируя своим именем. Ты в это поверил и мне очень жаль!

Эбигейл быстро зашагала по коридору. Кен бросился за ней, но их разделяло уже значительное расстояние. Войдя в спальню, Эбигейл захлопнула дверь прямо перед носом мужа и повернула ключ в замке.

17

Четыре часа спустя Кен вернулся домой. В жилых помещениях второго этажа свет уже не горел. Из опасения, что Рекс, способный разбудить и мертвого, подымет лай, Кен не стал загонять мотоцикл в гараж, а приковал его цепью к забору и затем поднялся по наружной лестнице прямо на террасу второго этажа.

Вздохнув, Кен снял шлем и перчатки. Он думал, что прогулка с ветерком рассеет его грустные мысли, поможет успокоиться, но ему так и не удалось избавиться от неприятных впечатлений, которые оставил разговор в кухне. Он ощущал вину перед Эбигейл. Кен знал, что обидел ее, и страдал от этого, наверное, не меньше жены, ругая себя на чем свет стоит за несдержанность.

Что будет со мной, если Эбигейл вернется в Ванкувер? — с горечью думал он. Ее мачеха может спохватиться и снять запрет с выплаты ежемесячного содержания. Заставив Эбби вступить со мной в брак, я обеспечил себе права на ребенка, но ее, если она захочет уйти, я не смогу удержать.

Понурившись, Кен стоял на открытой террасе, не решаясь войти в дом. Как встретит его Эбигейл? Что скажет ему? Кен невесело усмехнулся, вспомнив, что всего лишь несколько часов назад считал себя удачливым игроком, у которого на руках все козыри. Теперь-то он прекрасно понимал, что из-за своей самоуверенности наломал дров и, может быть, навсегда испортил отношения с женой.

Эбигейл стала для него центром Вселенной, самым важным человеком в жизни. Рядом с этой

женщиной, обладавшей врожденным благородством и великодушием, он ощущал себя нескладным грубоватым парнем из глубинки, не знающим, как себя вести в хорошем обществе.

— Кен, это ты? — прошелестел голос Эбигейл.

Кен вздрогнул от неожиданности и увидел в конце террасы смутный силуэт жены. Первым желанием Кена было отругать ее как следует за то, что она встала среди ночи и вышла на холодную террасу, рискуя простудиться. Но он сдержал себя. Сколько можно наступать на одни и те же грабли? Кен дал себе слово во что бы то ни стало не заводить новых ссор.

— Да, это я, — откликнулся он. — Что случилось?

— Ребенок...

Сердце Кена упало. Он стремительно бросился к Эбигейл и схватил ее за плечи. В лунном свете ее лицо казалось мертвенно бледным.

— Что с тобой? У тебя началось кровотечение? — задыхаясь от охватившего его сильного волнения, начал допытываться он.

Эбигейл покачала головой и кротко улыбнулась.

— Он шевелится! Я ощущаю его толчки! Кен, наш ребенок... — она не договорила, слезы радости душили ее.

Наш ребенок! — с ликованием отметил Кен. Она сказала «наш ребенок» — не мой или твой, а наш!

— Это чуть заметное шевеление, я его едва чувствую, и все же это такое радостное ощущение! — делилась своими переживаниями Эбигейл.

Кен погладил ее по щеке.

— Может быть, он сердится на меня за то, что я огорчил его маму. И, видит Бог, малыш прав, я заслуживаю самых серьезных упреков, — сказал он, сокрушенно качая головой.

Эбигейл потупила взор.

— Я обдумала все, что ты сказал, — промолвила она, — и пришла к выводу, что твои слова были справедливы. Устраиваясь в бутик, я не учла одного важного обстоятельства: существуют люди, которым это место нужно больше, чем мне. И, конечно, здесь, в Ричвилле, где бы я ни искала работу, работодатели будут прежде всего обращать внимание на мое имя, а не на мои деловые качества.

Приподняв за подбородок лицо Эбигейл, Кен взгляделся в ее глаза.

— Я тебя прекрасно понимаю, трудно быть постоянно центром всеобщего внимания. Ты правильно сделала, отказавшись от затеи устроиться в бутик. Прости, что я вел себя с тобой довольно грубо, вместо того чтобы спокойно объяснить свою точку зрения. Но уж такой у меня характер. — Кен вздохнул, прежде чем сделать признание: — Я понял, что подсознательно постоянно стремлюсь играть роль твоего наставника и опекуна. Мне хочется заботиться о тебе, оберегать от реальных и мнимых опасностей и...

— Ой! — вырвалось у Эбигейл, и она схватилась за живот. — Он опять пошевелился.

Кен улыбнулся и осторожно прижал ладонь к животу Эбигейл. Лицо молодой женщины выражало такое умиротворение и счастье, что он невольно залюбовался ею. Внезапно он ощутил под своей рукой легкий толчок.

— О Боже... — не веря себе, прошептал Кен. — Я чувствую, как он шевелится! Это... это так...

Эбигейл счастливо засмеялась. Она и не подозревала, что подобные минуты, пережитые вместе с любимым человеком, могут доставить ей ни с чем не сравнимую радость.

— Ты хотел сказать — это так невероятно? Удивительно? Замечательно?

— Да, это ни на что не похожее ощущение! — взволнованно воскликнул Кен и заключил Эбигейл в объятия.

В его поцелуе на этот раз было больше нежности, чем страсти, и Эбигейл тотчас забыла все причиненные ей обиды. В ее душе с новой силой вспыхнула надежда на то, что они могут быть счастливы вместе, несмотря на разницу в социальном положении, в воспитании, во взглядах на жизнь. Главное заключалось в том, что Кен дорожил ею и любил ее так, как никто никогда не любил. Легкий запах мяты и табака, исходивший от Кена, кружил ей голову. По телу Эбигейл разливался безмятежный покой. В крепких сильных объятиях Кена Эбигейл ощущала себя защищенной.

Внезапно ее осенило. Она поняла, что толкнуло ее в ту ночь принять предложение Кена выпить с ним в его номере. Она подсознательно искала надежную опору в жизни и инстинктивно потянулась к Кену. Но только теперь она обрела то, к чему отчаянно стремилась.

Кен взял Эбигейл на руки и понес в спальню. Сбросив куртки, они сели на кровать, и Кен начал медленно раздевать Эбигейл. Прикосновения его рук возбуждали ее. Он расстегнул на ней блузку, и тут Эбигейл вспомнила о своем безобразном нижнем белье.

— На мне такой ужасный лифчик, — извиняющимся тоном пробормотала она.

— Но это ненадолго, — успокоил ее Кен. Сняв с нее и отбросив в сторону блузку, Кен начал целовать шею Эбигейл, спускаясь все ниже. Нежась в его объятиях, она и не заметила, как Кен снял с нее бюстгальтер.

Эбигейл легла на спину и закрыла глаза, чувствуя, как ловкие пальцы освобождают ее от бюрок. Потом Кен быстро разделся сам и, склонившись над обнаженной Эбигейл, коснулся губами ее щеки, губ, подбородка, шеи.

Когда его прерывистое жаркое дыхание обожгло грудь Эбигейл, она приподняла веки, ее глаза затуманились от охватившего ее острого желания. Ласковые руки Кена едва касались тела Эбигейл, все сильнее возбуждая ее. Она растворилась в потоке сладких ощущений, голова у нее шла кругом. Искусные пальцы Кена коснулись внутренней стороны ее бедер и начали продвигаться к сокровенным уголкам ее тела. Мощная волна возбуждения захлестнула Эбигейл, когда Кен добрался до самой чувствительной точки.

Эбигейл ждала и горячо желала каждого нового прикосновения, испытывая пронзительное наслаждение, граничащее со сладкой болью. Хриплый стон вырвался из груди женщины, она обхватила ладонями голову Кена и приблизила его лицо к своему. Их дыхание смешивалось, губы сливались в бесконечных поцелуях.

— Не бойся... не бойся, Кен... — шептала Эбигейл, задыхаясь от страсти. — Соитие не повредит

ребенку...

Кен будто ждал этих слов. Он убрал руку, и Эбигейл обхватила ногами его бедра. Чувство реальности окончательно покинуло ее, она погрузилась в полубытье, стремительно возносясь в неистовом вихре страсти к ее апогею.

Эбигейл больше не хотела обманывать себя. Да, я люблю Кена Уоррена, честно призналась она. Но это не принесло ей облегчения. У нее было тяжело на сердце. Кен ни разу не сказал, что любит ее, и это тревожило Эбигейл. Он говорил, что хочет заботиться о ней и ребенке, оберегать их. Но никогда не упоминал о любви. Вчерашняя ночь еще раз подтвердила, что они испытывают друг к другу неодолимое физическое влечение и прекрасно ладят в постели. Однако Эбигейл мечтала о большем.

Кен искренне беспокоился о ее здоровье, но это могло быть проявлением добрых дружеских чувств, и только. Ведь Полли рассказывала Эбигейл, что, когда была беременна, Кен постоянно помогал ей, окружал заботой. Нет, эти мысли сведут меня с ума! — в отчаянии подумала Эбигейл и тряхнула головой, прогоняя их.

Кен запретил ей поднимать тяжести и ездить одной на автомобиле. Он строго-настрого предупредил жену, чтобы она с максимальной осторожностью поднималась и спускалась по лестнице. Сто раз на дню Кен спрашивал ее, приняла ли она витамины и как себя чувствует. Сегодня утром он попросил Эбигейл не запирать дверь ванной комнаты.

— Что, если ты поскользнешься в душевой кабине, упадешь и потеряешь сознание? — спросил он с тревогой.

— Ну и что? Вода снова приведет меня в чувство! — шутливо ответила Эбигейл, но Кен даже не улыбнулся.

Эбигейл старалась с юмором воспринимать чрезмерную заботливость Кена, понимая, что он оберегает прежде всего ребенка, которого она вынашивает.

— Это, конечно, сногшибательное платье. Но, боюсь, оно тебе теперь вряд ли подойдет. Живот в него не всунешь.

Эбигейл вздрогнула от неожиданности, услышав за спиной голос Кена.

— По-моему, я тебе уже говорила, что твои плоские шуточки действуют мне на нервы.

Эбигейл бросила на мужа сердитый взгляд. Ей очень хотелось надеть свое любимое платье, но она и сама понимала, что теперь оно ей мало.

— По-моему, я тебе уже говорил, что ты выглядишь привлекательной в любом наряде, — с улыбкой сказал Кен.

— Я хочу отдать это платье Линде. Оно великолепно, правда? — Эбигейл приложила платье к себе и повернулась к зеркалу. Бежевый цвет был ей к лицу. — Надо его немного укоротить, и, я уверена, девочка будет выглядеть в нем просто потрясающе. Что скажешь, Кен? Как ты думаешь, она не обидится, если я подарю ей его? — Эбигейл аккуратно положила платье на постель.

— Конечно нет. — Кен подошел и обнял жену. — Разве может обидеться шестнадцатилетняя

девочка, когда ей предлагают пополнить гардероб нарядом «от кутюр»?

Эбигейл облегченно вздохнула. Она была сейчас как никогда благодарна Кену за поддержку. За последние недели Эбигейл заметно отяжелела, и это угнетало ее. А что будет через три месяца?

— Не такое уж оно и дорогое, — промолвила Эбигейл. — Знакомый модельер уступил мне его за полцены.

Кен нахмурился, внимательно глядя на платье, разложенное на кровати.

— Ты не находишь, что оно... как бы это лучше сказать... слишком изысканное для подростка?

— Ну и что? Это как раз и нужно, чтобы блеснуть на школьном вечере.

Кен был столь трогателен в своем искреннем непонимании моды, что Эбигейл не удержалась и поцеловала мужа.

— Положись на меня, — сказала она, ласково поглаживая его по щеке. — Я знаю, о чем думают и как хотят выглядеть девочки в шестнадцать лет... Сама когда-то была такой.

Кен теснее прижал ее к своей груди.

— Да, и ты водилась с богатыми мальчиками, разъезжала с ними в дорогих автомобилях, а мы, бедные парни из рабочего квартала, сходили с ума от зависти, потому что у нас не было ни единого шанса заполучить такую красотку.

Эбигейл улыбнулась.

— Зато теперь я в твоей полной власти — в обозримом будущем у меня вряд ли появится богатый мальчик или дорогая машина.

— Да, самое время заняться тобой, но, к сожалению, привезли кота, который, кажется, чем-то отравился. Так что, прости, детка, меня нечем заменить. Полли позвонили из детского садика и сказали, что ее сын приболел.

— Надеюсь, ничего серьезного? — озабоченно спросила Эбигейл.

— Какое-то вирусное заболевание. Полсадика болеет, и мальчик, видно, тоже подхватил инфекцию. Но поскольку Полли с Мэтом приехали сегодня на работу в одной машине, я вынужден был отпустить обоих домой пораньше. Поэтому... — Кен поцеловал Эбигейл с такой страстью, что она затрепетала, — вместо того, чтобы нежиться сейчас в твоих объятиях, дорогая, я вынужден спуститься в лечебницу и сделать промывание желудка несчастному коту.

— Ах ты бедняжка, — шутливо пожалела его Эбигейл, и их губы вновь слились в поцелуе.

— Странно, что ты еще не научил Рекса заниматься лечением собратьев. Тогда вы оба могли бы целыми сутками не вылезать из постели.

Голос Линды заставил Эбигейл вздрогнуть. Она выскользнула из объятий Кена и отошла к окну.

— Почему ты так рано вернулась? — недовольным тоном спросил Кен племянницу. — Я думал,

что у тебя сегодня тренировка в баскетбольной секции.

— В гандбольной. Ты даже не можешь запомнить, каким видом спорта я занимаюсь, — с упреком сказала Линда. — Сегодня нас распустили по домам, потому что заболел тренер. Кстати, а где все остальные? В лечебнице ни души. Заходи любой! У тебя угонят мотоцикл, а ты даже не заметишь!

— Ошибаешься. У Рекса вся территория под контролем. Кстати, я очень рад, что ты вернулась так рано, мне нужна твоя помощь. Видела старушку с рыжим котом? Его надо срочно привести в чувство. Полли и Мэта я отпустил, у них приболел сын, так что остаешься только ты, Линда.

— Прекрасно! Мне все равно нечего делать, — легко согласилась девушка, и тут ее взгляд упал на кровать. Глаза Линды загорелись от восторга. — Вот это да! Класс! — восхищенно воскликнула она.

— Правда?! — обрадовалась Эбигейл. — Тебе действительно нравится?

— Еще бы!

Кен улыбнулся, видя, что Линда и Эбигейл, кажется, нашли общий язык. Эбигейл бросила на него быстрый взгляд, давая понять, что он тут лишний.

— Ну ладно, я пошел! — сказал Кен. — Но тебе я даю не больше пятнадцати минут, — добавил он, обращаясь к племяннице.

Девушка с недоумением взглянула на него.

— Даешь на что?

— На то, чтобы примерить это платье, — ответила за мужа Эбигейл, ослепительно улыбаясь. — Если оно придется тебе впору и понравится, ты можешь пойти в нем на школьный вечер.

Линда недоверчиво посмотрела на Эбигейл.

— Ты это серьезно? Ты действительно дашь мне поносить этот прикид?

— Конечно. Я вовсе не шучу, — с довольным видом заверила Эбигейл. — И я уверена, что ты в нем будешь выглядеть просто потрясающе.

— Осталось четырнадцать минут! — усмехаясь, предупредил Кен, постучав пальцем по стеклу своих наручных часов.

Видя, что женщины не обращают на него ни малейшего внимания, он тихо вышел из комнаты. Пока Кен спускался по лестнице, до него доносились возбужденные голоса жены и племянницы, громко обсуждавших обнову Линды.

Прошло двадцать минут, а Линда все не появлялась. Кен начал терять терпение. Теперь уже дружеские отношения, установившиеся между ней и Эбигейл, не радовали, а скорее раздражали его.

— Линда! — наконец крикнул он на весь дом. — Когда ты соизволишь спуститься? Приехал клиент.

— Успокойся, Кен! — услышал он рядом голос Эбигейл. — Линда вышла прогуляться. Я помогу

тебе.

— Не надо, Эбби, я справлюсь!

— Неужели ты считаешь меня дурой?

И, гордо вскинув голову, Эбигейл направилась к нетерпеливо сигналившему автомобилю, который, как знал Кен, принадлежал Берте Моррис, женщине острой на язык и довольно бесцеремонной. Кен подошел к окну и, стараясь оставаться незаметным для Эбигейл и Берты, стал наблюдать за происходящим.

Однако Эбигейл инстинктивно чувствовала, что муж следит за каждым ее шагом и готов в любую минуту броситься к ней на помощь. Но это только укрепляло ее решимость действовать самостоятельно, чтобы доказать Кену свою способность быть полезной. Увидев рассерженную женщину, Эбигейл одарила ее ослепительной улыбкой.

— Добрый день, мадам! Чем могу помочь?

— Ребята Кена совсем отбились от рук, не хотят работать, мерзавцы! — раздраженно сказала Берта. — Кто сегодня из этих бездельников дежурит в собачьей гостинице?

Улыбка Эбигейл стала еще шире.

— Я, — ответила она. — Сегодня я дежурю. Мэт уехал по делам, а Кен делает промывание желудка.

— В таком случае, чего вы медлите? Отдайте мне моего Лабрадора и я поеду! — раздраженно буркнула Берта.

Эбигейл направилась к вольерам. Там было всего три собаки, одна из которых — Эбигейл была в этом уверена, точно не Лабрадор, а овчарка. А вот две других... Обернувшись, Эбигейл заметила в окне ухмыляющегося Кена.

— Нельзя ли побыстрее, милочка? — с досадой осведомилась Берта.

— Да-да, конечно, — елеинным голоском отозвалась Эбигейл. — Какая красивая у вас машина... Да, кстати, не хотите ли приобрести для своего пса новый ошейник?

— К чему это? — Берта надменно вскинула брови. — Цену набиваете?

— О нет, что вы! Просто я подумала, что красный ошейник прекрасно будет смотреться на дивной шерстке вашего любимца...

Эбигейл несла всю эту чушь и мысленно молила Берту: ну давай, скажи, что красный цвет не будет смотреться на шерсти цвета шоколада, и я пойму, какой из псов твой Лабрадор. Черт, Линда ведь говорила мне, что один из них ретривер, а другой лабрадор. Который же?!

— Эй, Эбби!

Берта облегченно вздохнула, услышав голос Кена, и высунулась из окна автомобиля.

— Простите, — поспешно сказала Эбигейл клиентке. — Кен зовет меня, вероятно, ему срочно понадобилась моя помощь.

— Ты долго еще собираешься пудрить ей мозги? — с усмешкой спросил Кен, когда Эбигейл подошла к нему.

— Не смешно! — проворчала она. — Скажи лучше, какая из этих чертовых собак Лабрадор.

— Вон та, в крайнем вольере.

— Кен! — Эбигейл чуть не плакала.

— Слева, — сжалился Кен.

Обняв Эбигейл за плечи, он направился вместе с ней к машине Берты Моррис.

Эбигейл привела собаку, пока Кен развлекал Берту светской болтовней. Не успела Моррис отъехать, как во двор въехал «бентли» Майкла Ричардсона.

— Привет, ребята! — воскликнул Майкл, опустив стекло. — Ехал мимо и решил заглянуть к вам. Погреться, как говорится, у семейного очага. И, конечно, если вы будете очень настаивать, останусь пообедать. Соскучился, знаете ли, по домашней кухне.

Скрестив руки на груди, Эбигейл внимательно взглянула на брата.

— Честно говоря, Майкл, мы с Кеном очень заняты, мы не можем все бросить, чтобы развлекать тебя.

Кен до боли закусил губу, чтобы не расхохотаться, слыша такие речи из уст Эбигейл. Ее трудовой порыв смешил его. Кен решил, что Майкл приехал очень кстати. Эбигейл пора было отдохнуть.

— Дорогая, я думаю, твой брат вполне способен сам заработать себе на обед, — вмешался он. — Майкл, Эбби как раз собиралась обслужить нового клиента... — И Кен указал на только что подъехавший пикап.

— Эбигейл Ричардсон работает? — изумился Майкл.

— Ради Бога, Майкл, не делай из мухи слона. Что здесь такого? — Эбигейл пожала плечами. — Я на подхвате, здесь нет ничего сложного. Вот только что отдала собаку хозяйке...

Майкл взглянул на пикап, затем на сестру и широко улыбнулся.

— Да, действительно, судя по твоим словам, это совсем просто. А что, если я попробую поговорить с этим человеком? Интересно, получится у меня или нет?

— Нет, Майкл... — возразила Эбигейл, но Кен не дал ей договорить.

— Великолепная идея! — похвалил он шурина и открыл дверцу его машины, приглашая выйти. — Нельзя заставлять клиента долго ждать. Эбби, отгони машину Майкла на стоянку.

Когда Майкл с аппетитом уплетал приготовленный Эбигейл обед, позвонила Полли и сообщила, что они с Мэтом тоже подхватили инфекцию и дня два не смогут выходить на работу. Майкл с готовностью предложил свою помощь. У него как раз начались каникулы, и Майкл был свободен.

Ему так понравилось в доме Кена, что, даже когда Полли и Мэт выздоровели и вновь появились

в лечебнице, Майкл выразил желание продолжать работать до конца до начала учебных занятий. Это удивило Эбигейл. Но еще больше ее изумило то, что, приступив к учебе, Майкл стал каждые выходные приезжать к ним один или с друзьями.

Эбигейл было приятно, что ее брат чувствует себя комфортно в доме Кена и стремится побольше времени проводить в их семье. Но одно обстоятельство, связанное с приездами брата, сильно беспокоило ее.

— Нам следует пойти на праздник вместе с Линдой и Майклом, — озвучила Эбигейл свои мысли.

— Знаешь, я сам хотел предложить тебе посидеть где-нибудь в кафе или прокатиться на машине, — с готовностью сказал Кен, решив, что жена заскучала и хочет развлечься.

Однако Эбигейл покачала головой.

— Нет, Кен, я не о том говорю. Я боюсь, что Линда ожидает большего от взаимоотношений с Майклом.

— Правда? Вот ты о чем! Ты считаешь, что Майкл воспринимает Линду как друга, а та рассчитывает на большее. Так?

— Да, что-то в этом роде.

Эбигейл удивлялась наивности Кена. По ее мнению, дело обстояло куда серьезнее. Линда была девушкой напористой и темпераментной, а Майкл не отличался сильной волей. Близкие отношения между этими двумя молодыми людьми, принадлежавшими к разным социальным слоям, могли привести к трагедии.

— Надеюсь, ты в курсе, что Майкл выразил желание пойти вместе с Линдой на школьный вечер? — спросила Эбигейл нахмурившись.

— Да, конечно. Но я не вижу в этом ничего ужасного. Они идут на вечер компанией человек в десять.

— Неужели ты не задумывался над тем, что Майкл и его дружки будут белыми воронами на этом празднике?

— Ах вот в чем дело... — Кен ухмыльнулся. — Ты обеспокоена тем, что Майкл и его приятели вступят в драку с местными парнями, настроенными против всех чужаков.

— И не только этим, — сказала Эбигейл. — Мне не нравится твой легкомысленный тон. Речь идет о моем брате и о твоей племяннице. Не забывай, прошу тебя!

— Я помню. И хочу заверить тебя, что Линда мне очень дорога. Думаю, что моя репутация «крутого парня» избавит девочку и ее подруг от возможных неприятностей.

18

Ровно через неделю Эбигейл убедилась, что была права в своих опасениях.

— На, забирай! — Взбешенная Линда швырнула в лицо Эбигейл бежевое платье. — Оказывается, я достойна носить дорогие тряпки с твоего плеча, но не достойна твоего брата!

— Линда, успокойся! Скажи, в чем дело, — попыталась образумить ее Эбигейл.

Но девушка пришла в еще большую ярость.

— Я вовсе не собираюсь ничего объяснять тебе! Я раскусила тебя! — кричала Линда. — Ты считаешь, что таким парням, как Майкл и ему подобные, от меня нужно только одно — мое тело! Впрочем, в этом мнении ты не одинока. Все в городе думают, что если ты существо женского пола и живешь на окраине, то готова трахаться с кем угодно!

— Линда, прекрати немедленно! — решительным тоном потребовала Эбигейл. — Мой брат вовсе не плохой человек!

— Ну конечно, ты еще будешь защищать его!

— Нет, я не защищаю его. Но пойми: парнями вроде него управляют гормоны, а не разум или чувства. Я выросла в среде золотой молодежи и могу тебе сказать, что для них главными ценностями в жизни являются хорошие машины, чековая книжка и секс. Конечно, я не могу утверждать, что Майкл такой же примитивный, как остальные ребята из его окружения. Я не хочу сказать, что он относится к тебе потребительски, тем более что ты действительно хорошая девчонка и заслуживаешь большего. Но я хочу тебя серьезно предупредить, чтобы ты была осторожна впредь с Майклом и с ему подобными.

Увидев, что по лицу Линды текут слезы, Эбигейл обняла ее.

— Линда, я очень люблю брата, несмотря на то что мачеха старалась возвести между нами все мыслимые преграды. Но я полюбила и тебя. Я не желаю, чтобы тебя кто-нибудь обидел или оскорбил. И я чувствую свою вину в том, что ваши пути пересеклись. Поэтому я сделаю все возможное, чтобы уберечь тебя от неприятностей, связанных с Майклом. Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу сказать?

Линда молча кивнула, опустив глаза.

— Я тоже прекрасно понимаю тебя, сестренка, — донесся из-за неплотно прикрытой двери в коридор злой голос Майкла. — Но не рассчитывайте на то, что я пойду по твоим стопам и свяжу себя брачными узами. Идите вы все к черту!

Эбигейл замешкалась, но уже в следующее мгновение бросилась вслед за удаляющимся Майклом. Кен в это время вышел из ванной комнаты. Он слышал разговор женщин и слова Майкла. Кен поймал в объятия бегущую по коридору Эбигейл и прижал ее к своей груди. Из спальни доносились рыдания безутешной Линды. Она кричала, что не может жить без Майкла и клялась покончить с собой, если тот навсегда покинет ее.

— О Господи... — простонал Кен, не ожидавший такого поворота событий.

Эбигейл обмякла в его руках. Казалось, она вот-вот потеряет сознание.

— Кен, надо вернуть его! Объясни Майклу, что я вовсе не хотела...

— Не надо, дорогая, успокойся. Тебе нельзя волноваться.

— Кен! — В коридоре появилась Линда. — Что мне теперь делать? Через час начнется школьный вечер, а я растрепала всю прическу.

Кен бросил сердитый взгляд на нее. Усадив Эбигейл в кресло, он обернулся к племяннице.

— Когда думают о самоубийстве, не заботятся о прическе, — проворчал он. — И вообще, Линда, оставь меня в покое. Я должен заняться женой. Эбби плохо, надо привести ее в чувство.

Услышав последние слова, Эбигейл схватила Кена за руку и умоляюще произнесла:

— Со мной все в порядке, Кен, ей-богу. Догони Майкла, объясни ему, что я не хотела его обидеть... Пожалуйста, поторопись!

— Хорошо, дорогая, я поеду за ним, но не раньше, чем позвоню Полли и попрошу ее приглядеть за тобой. Хорошо?

Эбигейл кивнула. По ее лицу текли слезы.

— Да, но только обязательно найди его, заклинаю тебя. Сделай это для меня.

Кен очень быстро настиг Майкла. Уже через десять минут он увидел автомобиль шурина, стоявший на обочине шоссе: Впереди припарковалась полицейская машина. Остановив мотоцикл и подойдя поближе, Кен узнал в полицейском, задержавшем Майкла, Сэма Хендсона, в руки которого сам не раз попадал в юности.

Мне сегодня везет как утопленнику, с безнадежностью подумал Кен, снимая шлем.

— Майкл, с тобой все в порядке? — спросил он, подходя к «бентли» шурина.

Майкл сидел в оцепенении, положив руки на руль и уставившись в одну точку.

— Да, со мной все в порядке, — процедил он сквозь зубы.

— Парню крупно повезло, — заметил Хендсон. — Если бы я не остановил его вовремя, он непременно оказался бы в кювете. Но теперь у него будет достаточно времени подумать над своим поведением и изучить правила дорожного движения. Он наверняка лишится водительских прав на ближайшие несколько месяцев.

— Безумный день, — пробормотал Майкл. Он был похож на невменяемого. — Одно несчастье за другим...

Испытывая к парню искреннее сочувствие, Кен решил попытаться воздействовать на Хендсона, хотя по своему опыту знал, что это бесполезно. Если, конечно, коп не стал покладистее с годами.

— Послушайте, офицер Хендсон, неужели вы действительно считаете необходимым строго наказывать этого парня? Майкл прежде никогда не нарушал не только закон, но и правила дорожного движения.

— Никогда, — подтвердил Майкл с отсутствующим видом, все еще находясь в прострации. — Даже правила парковки.

Хендсон смерил Кена взглядом.

— Помнится мне, до своего первого правонарушения ты тоже был в ладах с законом. Но мы-то с тобой хорошо знаем, что, преступив раз черту, ты потом как с цепи сорвался.

Это замечание вывело Кена из себя. Он готов был наброситься на полицейского, и лишь мысль о том, что дома ждет Эбигейл, остановила его в последнее мгновение. Теперь я не вправе делать то, что мог позволить себе раньше, твердо сказал он себе.

— Придите в себя, офицер, — вновь заговорил Кен. — Перед вами мальчишка, которому вы можете поломать жизнь. То, что он превысил скорость и его машину занесло на обочину, досадная случайность. Никто из нас не застрахован от этого.

— Я не верю в случайности, Уоррен. Ты должен это знать лучше других. Ричардсон будет наказан так, как этого требует закон.

— За что? За то, что парень молод и он сел за руль в расстроенных чувствах?

— За то, что он превысил скорость.

— Знаешь, Хендсон, — сказал Кен, сжимая кулаки, — ты ведешь себя как последний дурак. Тебя выперли из местного отделения дорожной службы из-за многочисленных жалоб водителей на твои лишние всяких оснований придирки. И вот через несколько лет ты возвращаешься и продолжаешь бесчинствовать. Поберегись!

Хендсон сжал челюсти так, что на скулах заходили желваки.

— Не угрожай мне, Уоррен.

Тем не менее он выписал квитанцию, по которой Майкл должен был заплатить штраф, и бросил ее вместе с правами на колени водителю.

— Считайте, что вам обоим сегодня крупно повезло, — сказал Хендсон. — Но только сегодня. С этих пор, Уоррен, я буду неотступно следить за тобой. И не дай тебе Бог хоть самую малость преступить закон.

Хендсон повернулся на каблуках и зашагал к своей машине.

— Спасибо, Сэм! — крикнул ему вслед Кен. — Я непременно учту то, что ты мне сказал.

— Похоже, вы неплохо знакомы друг с другом, — заметил Майкл.

Кен грустно усмехнулся.

— Да, ты прав. Когда-нибудь я расскажу тебе о нем много интересного. Но сейчас нам предстоит разговор совсем на другую тему.

Кен обошел машину и сел на место пассажира.

— Итак, — Кен тяжело вздохнул, прежде чем начать, — в чем дело, почему ты словно с цепи сорвался?

— Я все слышал, — буркнул Майкл. И тут его будто прорвало: — Как она может так говорить обо мне! А еще сестра! Теперь и ты думаешь, что я всего лишь хотел затащить Линду в постель! Ты помчался за мной, чтобы прочитать мне нотацию! Ну же, давай! Только этого мне сейчас не хватает!

Кен спокойно выслушал его истеричные вопли.

— Возьми себя в руки, Майкл, ты же мужчина. Нельзя так распускаться. Что касается меня, я вовсе не собираюсь наставлять тебя на путь истинный. Но главное, не думай плохо о сестре. Она искренне любит тебя. Если бы не Эбби, я сидел бы сейчас дома. Это она, обливаясь слезами, уговорила меня броситься вдогонку за тобой. Эбигейл хочет объясниться.

— К чему слова? Я прекрасно слышал все, что она говорила Линде.

— Да, но ты не учитываешь тех обстоятельств, в которых проходил разговор.

— Каких еще обстоятельств? — недоверчиво спросил Майкл.

— Ну, во-первых, ее физическое состояние, беременность делает женщину неуравновешенной. — Кен вздохнул и привычным движением потянулся за сигаретами, однако вспомнил, что три дня назад бросил курить. — Майкл, у тебя есть сигареты? — с надеждой спросил он.

— Сестра не одобряет вредных привычек, — буркнул тот.

— Я знаю. — Кен вынул из кармана жевательную резинку и отправил ее в рот. — Чтобы успокоиться, я теперь обычно сажусь на мотоцикл и гоняю по шоссе. — Кен выдвинул пепельницу, собираясь положить туда обертку от жвачки, и увидел множество окурков со следами губной помады.

— Так, значит, Линда курит, — констатировал он и строго взглянул на Майкла. — Надеюсь, ты не поощряешь ее в этом?

— Вот еще! — возмутился Майкл. — Почему-то все думают, что я оказываю на Линду вредное влияние, что я чуть ли не совращаю ее! Мне нравится эта девчонка, но я считаю ее еще ребенком. Вот и все.

— Хорошо, хорошо. Мне все предельно ясно, — успокоил его Кен.

— Нет, погоди, дай договорить! — горячился Майкл. — Я признаю, что не святой, но вопреки представлениям моей сестры, вовсе не стремлюсь переспать с каждой девчонкой, с которой знаколюсь. Неужели никому из вас не приходит в голову, что я пропадаю все свободное время у вас не только из-за Линды!

— Почему? Я давно понял это.

Майкл с недоверием взглянул на Кена.

— Ей-богу, Майкл. Дело, видишь ли, вот в чем... — Кен на секунду задумался. — Нам всем не хватает веры. Веры в свои силы, веры в искренность окружающих нас людей. И вот жизнь начинает проверять нас на прочность. Ты попадаешь в семью и не знаешь, как себя вести, поскольку всю жизнь был одинок и не умеешь ладить с ближними. Или ты знаешь, что у тебя будет ребенок, но боишься не справиться с родительскими обязанностями, потому что в детстве был лишен любви отца и матери и у тебя нет перед глазами достойного примера.

— Ты говоришь об Эбигейл?

— Я говорю обо всех нас: о тебе, обо мне, о Линде. Но мои слова, конечно, прежде всего касаются твоей сестры. Несмотря на разницу в нашем социальном положении, Майкл, вы с Эбби выросли в такой же неблагополучной семье, как и я. Внешне жизнь Ричардсонов

выглядит вполне благопристойно, но ты знаешь ее изнутри и, думаю, согласишься с моим выводом.

Грустное выражение лица Майкла красноречиво свидетельствовало о том, что Кен прав.

— Твой отец больше времени и сил отдавал бизнесу, чем семье. На мой взгляд, дети для него были своего рода символом семейного благополучия. Он воспринимал вас как продолжателей рода, как наследников сколоченного им состояния, но не как живых людей со своим особым внутренним миром, чувствами, мечтами, желаниями. Твоя мать всегда ненавидела Эбигейл и при малейшей возможности старалась досадить ей. Тебя же, напротив, она баловала и осыпала подарками, с готовностью выполняла любой твой каприз. Но, согласись, она из тех женщин, которые не способны дать своему ребенку человеческое тепло и материнскую ласку.

— И все же, как видишь, я выжил, — с горькой усмешкой заметил Майкл. — Я ни у кого не искал сочувствия и никогда не рассчитывал на жалость.

— Я знаю. Но точно так же вели себя все мы: Эбби, я, Линда. Мы шли по жизни, зная, что независимы, Сильны духом и ни в ком не нуждаемся. Мы привыкли надеяться лишь на себя. И вдруг наш мир как будто перевернулся.

— Да, это произошло, когда вы с Эбигейл поженились.

— Согласен. Наш брак стал поворотным пунктом не только в наших с Эбби судьбах, но и в твоей жизни. Ты пришел на церемонию бракосочетания. Это был смелый поступок, но потом ты надолго исчез, а у нас здесь происходили бурные события. Мы постепенно привыкали друг к другу, налаживали отношения, строили семью. Это было непросто. Чего только стоило обуздать характер Линды! Поначалу она ходила мрачнее тучи и все норовила улизнуть из дому. Что же касается меня... — Кен на минуту задумался, собираясь с мыслями. За несколько месяцев в его жизни и душе произошли столь кардинальные изменения к лучшему, что в это с трудом верилось. — Самое важное, наверное, заключается в том, что я наконец повзрослел, стал сдержаннее, рассудительнее. — Кен усмехнулся. — Пару месяцев назад я наверняка набросился бы с кулаками на Хендсона и нажил себе массу неприятностей. А сегодня мы разошлись с копом почти полюбовно. Теперь на мне лежит тяжелый груз ответственности за будущее семьи — моей жены и ребенка.

Они немного помолчали. Казалось, каждый думал о своем.

— А теперь давай поговорим о тебе, — предложил Кен. — Несколько месяцев, прошедших после нашей свадьбы, о тебе не было ни слуху ни духу, и вот внезапно ты появляешься у нас в доме. Я решил, что тебе наскучило жить в свое удовольствие без надзора матери, которая все это время путешествовала за границей, и ты заявился проведать сестру, оказавшуюся волей судьбы в непривычной для нее обстановке... Я прав?

Майкл неопределенно пожал плечами.

— Продолжай, — только и сказал он.

Но Кен заметил, что парень чувствует себя не в своей тарелке.

— Ну хорошо... Приехав к нам, ты увидел, что сестра жива и здорова и, к твоему полному удивлению, помогает мне в лечебнице. Через несколько минут ты неожиданно для самого себя принялся делать то же самое. Сама по себе возня с живностью не вызывала в твоей душе неприятия, потому что ты всегда стремился заботиться о ком-либо. Меня не убудет, подумал

ты, если я один день поработаю в ветлечебнице. Но через некоторое время ты почувствовал, что работа доставляет тебе удовольствие. И вот после обеда, согласившись, что уже поздно ехать домой, ты остался ночевать у нас в доме, а на следующее утро снова пришел в лечебницу. Так ты прожил у нас почти неделю, и Линда со своими подружками привыкли к тебе. Для них ты больше не был Майклом Ричардсоном, богатым парнем, наследником огромного состояния; они воспринимали тебя просто как младшего брата Эбби, доброго малого, который довольствуется скромным обедом и ночует на диване в гостиной. Когда же закончились каникулы и ты уехал, ты вдруг осознал, что тебе очень не хватает общения с нами, что ты скучаешь по своему дивану и по простой, но сытной домашней пище. Поэтому ты стал приезжать на выходные в Ричвилл, и порой не один, а вместе с приятелями. Ты не развлекался здесь, а работал. Не отдыхал, а трудился. Однако этот труд прибавлял тебе сил и обеспечивал хорошее настроение на всю неделю. И знаешь почему? Потому что ты приезжал домой. Ты обрел здесь свой дом, Майкл, вот в чем дело. Впервые в жизни ты почувствовал, что у тебя есть семья, которая заботится о тебе, ждет твоего приезда, рада твоим друзьям.

— В семье, которая заботится о тебе, не говорят таких слов, какие вырвались у Эбигейл, — хмуро возразил Майкл.

— Никто не застрахован от ошибок, приятель. Эбби погорячилась, но я понимаю ее. Она испугалась за будущее своих близких: Эбби беспокоили отношения, возникшие между тобой и Линдой. В ней проснулся материнский инстинкт, и она очертя голову ринулась спасти вас от возможной опасности. Сестра очень тебя любит, Майкл, но за то время, что живет со мной, искренне полюбила и Линду. Вы оба одинаково дороги ей, и она не хочет никому из вас зла. Однако в этой конкретной ситуации Эбигейл решила, что Линда более незащищена и ей грозит опасность. Факты, Майкл, упрямая вещь, а они говорят о том, что половина живущих в нашем районе девушек беременеют, не достигнув восемнадцати лет!

— Но я-то тут при чем?! — возмутился Майкл. — Я же не идиот, чтобы садиться за решетку за соращение несовершеннолетних!

Кен внимательно посмотрел на него. Парень, похоже, не врал. Его отношения к Линде действительно были чисто дружескими. Теперь перед Кеном стояла более сложная задача: убедить племянницу не делать опрометчивых шагов. Ведь Линда испытывала к Майклу отнюдь не платонические чувства и обладала бешеным темпераментом.

— Я все понял, — сказал Кен.

— А раз понял, то доведи это до сведения своей жены! — огрызнулся Майкл.

— Моя жена должна услышать это из уст своего брата. — Кен нахмурился. — Ей очень важно знать, что ты не бесчувственный болван, что ты хотя бы немного любишь ее...

Майкл опустил голову.

— Мне нужно время, чтобы окончательно успокоиться и прийти в себя, — наконец промолвил он.

— Нет, нельзя заставлять Эбигейл ждать, — решительно сказал Кен. — Не забывай, что она беременна. Поэтому сейчас незамедлительно вернемся домой. — Кен произнес последнюю фразу тоном, не терпящим возражений.

Майкл несколько мгновений колебался, затем глубоко вздохнул и кивнул.

— Хорошо, я поеду за тобой.

Кен хлопнул молодого человека по плечу и вышел из машины.

— Послушай, Кен, — раздался у него за спиной голос Майкла, — я хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделал для моей сестры. Я действительно рад, что наконец-то она встретила человека, который искренне, всем сердцем полюбил ее. Поверь, она этого достойна.

Кен остановился, пораженный словами Майкла. Только теперь он осознал, что действительно любит Эбигейл. Кен считал, что испытывает к жене чувство привязанности как к матери своего ребенка, а также половое влечение как к очень сексапильной женщине. Но то, что он ее любит, никогда не приходило ему в голову. Или, может быть, в глубине души он давно знал об этом, но боялся признаться себе? Кен сел на мотоцикл, все еще размышляя над открывшейся ему истиной.

Но какие чувства испытывает ко мне Эбби? С горечью подумал он. Произнесет ли она когда-нибудь три простых слова, способных сделать меня самым счастливым человеком на свете.

19

Предприняв несколько безрезультатных попыток узнать, что произошло между Кеном и ее братом на шоссе поздним вечером, Эбигейл решила, что это для нее навсегда останется тайной. На все ее расспросы Кен только пожимал плечами и отделялся фразой, что у них состоялся «мужской разговор». Как бы то ни было, Эбигейл испытывала к мужу благодарность за то, что Майкл вернулся и она получила возможность заглядеть свою вину перед ним.

Линда, обдумав сложившуюся ситуацию, по совету Полли сказала Майклу, что единственной причиной, по которой она пригласила его на школьный вечер, было желание заставить ревновать одного мальчика. Услышав это, Майкл не знал, радоваться ему или обижаться.

Отношения Эбигейл и Полли постепенно налаживались. Последний лед отчуждения растаял между женщинами, когда Полли неожиданно рассказала Эбигейл о том, как у нее протекала беременность, и дала ей ряд очень ценных советов. В общении с Линдой и с братом Эбигейл тоже не испытывала особых проблем. Но ее тревожило поведение Кена. С того памятного вечера, когда между ним и Майклом состоялся мужской разговор, Кен сильно изменился, стал более замкнутым. Эбигейл казалось, что муж что-то недоговаривает, скрывает от нее. И вот однажды ее опасения подтвердились.

Как-то вечером к их дому подъехал «форд», за рулем которого сидел хорошо одетый мужчина лет пятидесяти.

— Билл! — воскликнул Кен, и на его лице появилось выражение беспокойства. — Черт возьми, что ты здесь делаешь?

Билл засмеялся.

— Привет, Кен, вижу, что ты мне искренне рад.

Кен держался очень напряженно, и это бросалось в глаза. Он не сумел скрыть от Эбигейл своей растерянности. Пожимая руку вышедшему из машины Биллу, Кен бросил тревожный взгляд на жену. Ему было явно не по себе.

Эбигейл терялась в догадках, не понимая, почему беспокоится ее муж. Ей было ясно лишь

одно: Билл — старый знакомый Кена и их связывают давние отношения. Эбигейл разволновалась. Она оглядела с ног до головы незнакомца и пришла к выводу, что Билл не был обыкновенным коммивояжером, приехавшим, чтобы предложить Кену купить оптом какие-нибудь медикаменты. Хотя бы потому, что коммивояжеры не носят золотые часы.

Билл взглянул на Эбигейл, она ответила ему вежливой улыбкой. Кену ничего не оставалось, как познакомиться их. Покончив с формальностями, Кен обратился к приятелю:

— Итак, Билл, я хочу знать, зачем ты приехал сюда?

— Мне надо поговорить с тобой, Кен, обсудить кое-какие дела.

— Понятно, в таком случае, пойдём в офис, там нам никто не помешает. Дорогая, — обратился Кен к жене, — поднимись, пожалуйста, наверх и попроси Линду покормить животных.

Несмотря на широкую улыбку и ласковый тон Кена, Эбигейл поняла, что он хочет побыстрее отделаться от нее, стремясь остаться наедине с Биллом. Это обидело Эбигейл, но она не подала виду, решив во что бы то ни стало разузнать, зачем Билл Форс приехал сюда и что связывало его с Кеном.

— Не могу поверить, — сказал Билл, усевшись на кожаный диванчик в офисе, — что ты вдруг охладел к этой идее, Кен. Ты же сам пару месяцев назад уговаривал меня вложить деньги во что-нибудь подобное.

Кен хотел уточнить, что не пару недель, а несколько месяцев назад действительно предлагал Форсу вместе вложить деньги в строительство ипподрома и гостиницы при нем. Они обсуждали эти планы в Ванкувере, в баре, в тот вечер, когда Эбигейл отмечала там с подругами свой развод с Томом. А затем Кен увел Эбигейл в свой гостиничный номер... С того времени много воды утекло. Жизнь Кена кардинально изменилась.

— Я помню, Билл, — вздохнув, сказал Кен. — Я и теперь считаю, что игра стоит свеч. Но мы с Эбигейл ждем ребенка, я уже не тот, что прежде. Я не могу рисковать, ставить все свои деньги, заработанные на скачках, когда я еще был классным жокеем, на карту. Это значит подвергать риску семейное благополучие.

Билл попытался уговорить Кена, но все его доводы были бессильны. Кен остался при своем мнении.

— Ну хорошо, — наконец сдался Билл, — ты сам не хочешь участвовать в новом проекте. Но я знаю, что ты сможешь убедить других инвесторов в выгодности задуманного предприятия, ведь твой авторитет опытного жокея непререкаем. Никто другой не разбирается так хорошо в лошадях, как ты. Неужели ты откажешься мне помочь?

— Конечно, ты можешь рассчитывать на меня. — Кен был рад, что самая неприятная часть разговора осталась позади. — Где и когда ты собираешь потенциальных инвесторов?

— Я назначу встречу, как только ты сможешь приехать в Ванкувер и принять в ней участие. Но затягивать нельзя.

— В таком случае, как насчет завтрашнего дня? Я как раз собирался везти жену в Ванкувер к врачу.

— Прекрасно. Не знаю, как тебя благодарить. Может быть, ты еще передумаешь и вступишь в

дело?

— Нет, Билл, решено. Я не отступлюсь от своего слова.

Вечером Кен сообщил Эбигейл, что в Ванкувере у него назначена деловая встреча. Эбигейл сказала, что Линда тоже хочет поехать с ними.

— Но у нее же занятия в школе! — запротестовал Кен.

— Пропустит один день, ничего страшного не случится, — беспечно возразила Эбигейл. — Я сама пригласила Линду поехать с нами в Ванкувер. Это было бы просто здорово! Ты ведь не любишь, когда я сажусь за руль, поэтому машину поведет твоя племянница. Мы с ней прогуляемся по магазинам, посидим в кафе, пока ты будешь заниматься своими делами.

Кен не собирался брать с собой Линду, он надеялся, что в дороге ему удастся поговорить с Эбигейл с глазу на глаз. Он хотел рассказать ей, что, уехав в юности из Ричвилла, стал жокеем, сколотил небольшое состояние и собирался вложить деньги в выгодный проект, ожидая, что тот принесет в недалеком будущем хорошую прибыль. Однако встреча роковой ночью в гостинице с Эбигейл перечеркнула все его планы, Кен уже потратил значительную часть своих сбережений и не мог рисковать оставшейся на счету суммой.

Однако Эбигейл была настроена решительно и настаивала, что они все втроем должны поехать в Ванкувер. В последнее время Кен старался щадить жену, понимая, что причиной ее капризов и раздражительности является беременность, и во всем уступал ей.

Кен не знал, что Эбигейл уже позвонила в Ванкувер и перенесла консультацию у врача на следующую неделю. На завтрашний день у нее были совсем другие планы, о которых Кен даже не подозревал.

Слушая вполуха выступавшего, расхваливавшего на все лады площадку, на которой предполагалось построить ипподром, Кен рассеянно взглянул в окно и увидел, что к офису Билла Форса, в котором проходила встреча, подъехало такси. Из него вышли Эбигейл и Линда.

Охваченный сильным беспокойством, Кен, не обращая внимания на присутствующих, сорвался с места и бросился за дверь. В коридоре он столкнулся с женой и племянницей.

— Боже мой, что случилось?! — с тревогой воскликнул Кен. — С вами что-то стряслось?!

— Не волнуйся, Кен, с нами все в порядке, — заверила его Эбигейл.

— Но вы ведь попали в аварию? — дрогнувшим голосом спросил Кен, переводя взгляд с жены на Линду.

Та фыркнула и отвернулась.

— Это все твоя Эбби... — начала было она, но тут же замолчала, обиженно поджав губы.

— С чего ты взял, что мы попали в аварию? — удивилась Эбигейл.

— Вы приехали на такси, значит, твоя машина...

— Я ее продала, — спокойно сообщила Эбигейл.

— Что-о-о? — не веря своим ушам, переспросил Кен. — Но почему ты это сделала?.. Ведь ты ее очень любила...

Выдержав паузу, Эбигейл с улыбкой достала из сумочки конверт и протянула его мужу.

— Да, я когда-то любила ее, но меньше, чем люблю тебя.

Недоумение в глазах Кена сменилось радостью. У него перехватило горло от волнения: впервые Эбигейл заговорила о своих чувствах. Все внимание Кена было поглощено Эбигейл, и он не заметил, как к ним подошел Билл Форс.

— Что с тобой, Кен? — озабоченно спросил Билл, видя, что приятель находится в полном смятении.

— Все в порядке, мистер Форс, — ответила за мужа Эбигейл. — Кен сейчас вернется в офис.

Билл отошел от них на несколько шагов и остановился у дверей, за которыми продолжалось оживленное обсуждение инвестиционного проекта.

Забыв обо всем на свете, Кен не сводил с жены счастливых глаз. Но Эбигейл, все еще державшая в руках туго набитый конверт, вернула его к действительности.

— Я не знаю точно, сколько именно тебе нужно денег, чтобы участвовать в деле, о котором говорил Билл, — негромко сказала она, — но думаю, что в конверте их достаточно для начала. А потом мы еще что-нибудь придумаем. Бери же и скорее возвращайся в офис...

— Значит, ты продала машину, чтобы достать для меня денег...

Эбигейл вспыхнула от смущения.

— Прости, но я подслушала твой разговор с Биллом в конторе и поняла, что ты хотел бы участвовать в проекте, но не можешь этого себе позволить... из-за меня и ребенка... Ты не хочешь рисковать, вкладывая свои сбережения в бизнес, и...

— Эбби, послушай...

— Нет, подожди, не перебивай. Я заметила, как взволнованно звучал твой голос, когда ты говорил с Биллом. Ты боишься оставить меня без средств к существованию, но ты не можешь упустить возможность вступить в дело, стать партнером Билла. Когда Кен Уоррен появился в моей жизни, моя любимая машина перестала значить для меня то, что значила прежде. — Голос Эбигейл звучал так спокойно и убедительно, что у Кена не возникло ни малейшего сомнения в искренности ее слов. — Разве не глупо разъезжать в шикарной дорожной машине, когда любимому мужу нужны деньги, чтобы заняться бизнесом и, возможно, в скором будущем разбогатеть! Кроме того, беременная женщина с огромным животом смотрится в спортивном автомобиле довольно странно. Одним словом, не теряй времени, иди к инвесторам и скажи, что ты вступаешь в дело.

— Ты это серьезно?

— Конечно! Если ты считаешь, что сделка выгодная...

— Да я не об этом! — с досадой воскликнул Кен. — Ты... ты действительно любишь меня?

Взглянув на него с нескрываемой нежностью, Эбигейл кивнула.

— Я не могу передать словами, как сильно... как безумно я тебя люблю, Кен Уоррен, — промолвила она с грустной улыбкой.

Восторг охватил Кена. Он обнял Эбигейл и крепко прижал к своей груди.

— Если бы ты знала, с каким нетерпением я ждал этих слов, — тихо сказал Кен, — смертельно страшно, что никогда их не услышу. Сегодня ты не только произнесла их, но и на деле доказала свою любовь.

Эбигейл очень хотелось тоже услышать от мужа слова признания, но она понимала, что вокруг слишком много свидетелей. Линда совсем притихла и стояла в стороне, красная от смущения. Мистер Форс выжидал, нетерпеливо поглядывая на Кена.

— Билл, — весело сказал Кен, — моя жена считает, что я должен вступить в дело. Вернись, пожалуйста, в кабинет и сообщи инвесторам, что я вкладываю деньги в проект.

— Молодец! — обрадовался Билл. — Но, думаю, ты сам должен известить всех о своем решении.

— Прости, Билл, но сейчас мне необходимо остаться наедине с женой. Я должен сказать ей наконец, что она самая красивая женщина на свете... что я бесконечно люблю ее, что для меня нет на земле более дорогого человека...

— Это правда? — шепотом спросила Эбигейл, ее взгляд туманился от невольных слез. — Ты любишь меня?

— Да, тысячу раз да! Это мой самый счастливый день.

— Нет, Кен, самый счастливый день у нас еще впереди...

Кен озадаченно посмотрел на Эбигейл, стараясь понять, что она имеет в виду.

— День, когда родится наш малыш, — с улыбкой подсказала Эбигейл. — Он уже не за горами.

КОНЕЦ

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.